

В. В. Ушаков

Если бы не Пушкин...

А. С. Пушкин и П. П. Бажов.

События из жизни

2025 г.

12+

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2 Рос=Рус)
У93

Ушаков Владимир Витальевич

У93 **Если бы не Пушкин... А. С. Пушкин и П. П. Бажов. События из жизни** / В. В. Ушаков. — М.: Изд-во «Перо», 2025. — 216 с. : ил.

ISBN 978-5-00258-637-0

Данное издание является продолжением книги «Дорога к сказам. История жизни П. П. Бажова», размещенной в региональном реестре учебно-методических материалов в системе общего образования Свердловской области от 2 ноября 2018 года № 3.

Нынешнее исследование показывает, как биография Александра Сергеевича Пушкина и его произведения позволяют увидеть их воспитательное значение для становления личности подрастающего поколения, в том числе на молодого человека из уральской глубинки — Паши Бажова. Дают ответы на вопросы уже писателя — Павла Петровича Бажова, что Пушкин помог ему получить образование и, как поэту удавалось проникнуть в жизнь народа...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00258-637-0

© Ушаков В.В., 2025

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Оглавление

Предисловие	5
Глава I. Пушкин и Бажов	11
Глава II. Жизнь Пушкина при императорах Павле I,	
Александре I, Николае I.....	25
Часть 1. Саша Пушкин в родительском доме	
(Москва – Петербург – Москва). 1799–1805 гг.	27
Часть 2. Деревенские будни Александра Пушкина. 1805–1810 гг.	43
Часть 3. «Пушкин Сашка» в Царскосельском Лицее. 1811–1817 гг.	63
Часть 4. Пушкин и будущие декабристы. 1817–1820 гг.	143
Часть 5. Пушкин на юге России. 1820–1824 гг.....	153
Часть 6. Михайловская ссылка. 1824–1826 гг.....	167
Часть 7. Царствование Николая I. 1826–1837 гг.....	177
Глава III. Общепризнанное признание	191
Эпилог	211
Список используемой литературы	213

« Пушкин — это наш друг,
наш спутник и наш учитель
на протяжении всей нашей
жизни, от детских лет
и до глубокой старости. »

Константин Паустовский

Предисловие

В 1949 году П. П. Бажов был назначен председателем организационного комитета по празднованию в Свердловске 150-летнего юбилея А. С. Пушкина. В этом же году в журнале «Огонек» вышла статья Павла Петровича под названием «Через всю жизнь», в которой он рассказывал историю своего знакомства с творчеством поэта. *«Если бы не Пушкин, я бы так и остался заводским пареньком с четырехклассным образованием. Пушкин помог мне получить образование»*, — вспоминал Бажов¹. Благодаря полученному образованию Павел Петрович стал учителем русского языка и литературы (стаж работы учителем 18 лет). В беседах с учениками он неизменно ставил в пример слог, мастерство и тонкое чувство языка, которыми обладал Пушкин. Рассказывая об исторических произведениях Пушкина, Бажов удивлялся «воплощению исторических образов, их исторической правдивости и полнокровности». А рассуждая о трудовой жизни поэта, Бажову хотелось найти ответ на вопрос, как удавалось Пушкину «проникнуть в жизнь народа, в его речь, жест, устремления и мечты». То есть, биография Пушкина была мерилom этапов жизни Бажова? Скорее всего, чтобы ответить на все эти вопросы нам нужно обратиться к истории их творческого знакомства и к самой жизни поэта. Все-таки жили они в разные исторические эпохи — разница восемьдесят лет.

— Один блистал в XIX веке², другой в XX веке³.

— Два разных сословия: один дворянского происхождения, другой из рабочей семьи.

¹ В 1879 г. П. Бажов окончил духовное училище в Екатеринбурге и в 1899 г. духовную семинарию в Перми.

² А. С. Пушкин родился в 1799 г. в Москве.

³ П. П. Бажов родился в 1879 г. в поселке Сысертского завода, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии.

— Одного в детстве учили на дому учителя-иностранцы, другой ходил в заводскую начальную школу. Правда, есть версия, что и Пушкин учился в начальной школе. Впрочем, здесь нет единства среди современных исследователей биографии и творчества Пушкина, но в качестве аргумента часто приводится стихотворение:

*В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.
Смирренная, одетая убого,
Но видом величаясь жена
Над школою надзор хранила строго.
Толпою нашу окружена,
Приятным, сладким голосом бывало,
С младенцами беседует она.*

Учитывая, что почти каждое стихотворение Пушкина биографично, а лирика его порой раскрывает многие тайны жизни, можно предположить, что в его детстве действительно была начальная школа. Однако ни родственники, ни современники, ни даже биографы того времени, об этом не упоминают. Поэтому оставим дискуссию критикам и продолжим сравнения дальше.

— Один до шести лет говорил на французском языке, другой с самого начала на языке русского народа.

— Саша Пушкин с малолетства принимал участие в семейных творческих вечерах, где присутствовали известные писатели начала XIX века, которые декламировали свои стихи, читали басни. А Паша Бажов с мамой ходил на капустники, супрядки, участвовал в вечерних посиделках. На посиделках звучали рассказы о сокровищах уральской земли, охраняемых фантастическими чудовищами, о жизни «вольных» людей и тяжелой участи заводских рабочих.

— В распоряжении Александра была большая библиотека в доме отца; Павел же пользовался услугами школьных библиотек.

— Выбрать лицей, а не иезуитский коллегиум, Саше Пушкину рекомендовал его дядя Василий Львович, который в Петербурге лично занимался с ним подготовкой к вступительным экзаменам. А поступить

в духовное училище Паше Бажову советовал знакомый его отца — ветеринарный врач Николай Семенович Смородинцев; он же и поселил его в своем доме в Екатеринбурге.

— Приоритетным для родителей Пушкина было обучение в престижном учебном заведении, желательно бесплатном; для родителей Бажова подходило только бесплатное обучение или недорогое, такое как духовное училище.

— Первое стихотворение, которое было опубликовано «К другу стихотворцу», Саша Пушкин написал в 15 лет; Павел Петрович Бажов первый свой сказ «Девка Азовка» написал в 55 лет.

— Пушкина и Бажова не считали детскими писателями, но оба писали и для детей. Пушкин — сказки: «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке»; Бажов — сказки: «Золотой волос», «Огневушка-поскакушка», «Серебряное копытце», «Голубая змейка», «Синюшкин колодец».

— Государственная власть, цензура влияли как на творчество Пушкина, так и на творчество Бажова. Пушкин дважды был в ссылке, а Бажов дважды исключали из партии большевиков.

Наверное, можно еще продолжить сравнения... Но ведь должно быть какое-то событие, которое заставило Бажова в дальнейшем считать Пушкина своим учителем? Да! И это событие — пятидесятилетие со дня смерти поэта!

В этот день ученикам 1-го отделения заводской школы после святочных каникул учителем словесности Александром Осиповичем Машуковым было предложено к заучиванию стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро»:

*Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:*

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Бажов вспоминал: «Стихотворение удивило тем, что там вовсе не требовалось никаких объяснений. В нем все говорится по порядку, потому оно само запоминается, да еще как-то веселит. Если раньше запоминалось только стихотворение, то сейчас запомнился и автор. Оно оказалось даже событием, которое запомнилось на всю жизнь».

Почему именно этот урок запомнился Бажову на всю жизнь? Ответ звучал в словах учителя: «Сегодня вот как раз исполнилось пятьдесят лет, как его убили, а никто вровень с ним не стал и станет ли — неизвестно». Понятно, дети стали интересоваться: Кто убил? как убили? почему? На что учитель отвечал: «Подрастете сами поймете, чем Пушкин был ненавистен большому начальству».

Паша Бажов решил поближе познакомиться с творчеством понравившегося, но еще неизвестного ему поэта, хотя к этому времени Александр Сергеевич Пушкин был уже признанным гением русской поэзии. В подростковом возрасте заводской паренек еще не понимал, что гением не становятся, — гением нужно родиться.

Павел рассуждал по-своему: если ты не родился с надписью на лбу «гений», значит, ты такой же обыкновенный мальчишка, как все. Да, возможно, Бог наградил Сашу Пушкина талантом сочинительства, и этим он,

безусловно, отличался от своих сверстников, но ведь шесть лет, проведенные в деревне среди деревенских ребятишек, наверняка уравнивали его детскую жизнь с играми и забавами в заводском поселке. А раз он такой же мальчишка, как все мы, может и он, когда вырастет, станет писателем и напишет что-нибудь гениальное?

Конечно, первым делом Бажов начал изучать биографии Пушкина. Ему было интересно, как поэт рос, с кем дружил, как учился, как стал писать стихи и сказки. Паша с увлечением знакомился с произведениями Пушкина. Большую часть его стихотворений и сказок выучил наизусть. Ему хорошо запомнился смысл сказок, который заключался в послании для детей: нужно быть смелым и находчивым, честным, поступать по совести, держать данное слово, самому находить выход из трудного положения, а зависть и злоба ни к чему хорошему не приведут.

Три года учился Павел в земской школе и окончил ее одним из лучших учеников. Школьник Бажов не только вынес знания, позволяющие продолжать дальнейшее образование, но и получил бесценный опыт общения со сверстниками и взрослыми людьми. Перед ним открылся прекрасный мир русской литературы, он познакомился с ее гением — Александром Сергеевичем Пушкиным.

Вот так, с десятилетнего возраста, Пушкин стал для Паши Бажова героем, кумиром, которому он хотел подражать и брать с него пример, еще не зная, что его самого ждет впереди. А на горизонте перед глазами маленького мальчишки¹, а точнее, в его воображении, открывались двери Екатеринбургской гимназии и двух реальных училищ. Однако стоимость обучения кусалась: например, год обучения в гимназии стоил больше 60 рублей, в реальном училище — 50 рублей, тогда, как в духовном училище за годовое обучение нужно было заплатить всего 10 рублей, к тому же там не требовалась форменная одежда и даже предоставлялось общежитие, за которое тоже плата была невысокая. Но была заковыка: учеников заводских школ не принимали, якобы из-за отсутствия мест. Но все течет, все изменяется. Если раньше ребята из нерелигиозных сословий не принимались вообще, то к концу XIX века, когда духовенство стало стремиться отдавать своих сынков в светские

1 Рост взрослого П. П. Бажова — 162 см.

школы, тогда на освободившиеся места разрешили принимать детей зажиточных крестьян, а вот детей рабочих принимали совсем неохотно. Павлу Бажову повезло: его рекомендовал бывший выпускник Екатеринбургского духовного училища и Пермской семинарии — ветеринарный врач Смородинцев. К тому же в отличие от многих отпрысков духовных семей, мальчик из Сысерти все экзамены сдал на «отлично». Главному экзаменатору ничего не оставалось, как сказать: *«Хорошо. Принят. Завтра приходи на уроки к девяти часам, — и пояснил остальным членам комиссии, — отец у него из рабочих»*.

Глава I

Пушкин и Бажов

« Если бы не Пушкин, я бы
так и остался заводским
пареньком с четырехклассным
образованием. Пушкин помог
мне получить образование. »

П. П. Бажов

Основу биографии Павла Петровича Бажова легли его воспоминания, изложенные в повестях и статьях: «У старого рудника», «Уральские были», «За Советскую правду», «Зеленая кобылка», «Дальнее и близкое». В произведении «Зеленая кобылка», Бажов называет себя и двоих своих товарищей вымышленными именами — Егоршей, Петьшей и Кольшей. Тем самым Павел Петрович, точно повторил Александра Сергеевича Пушкина, который, не называя своего имени, описывал места проживания, различные события и судьбы, знакомые ему по жизненному опыту, так похожие на жизнь героев своих произведений. Родственники и современники, не сговариваясь, также находили непосредственное сходство сюжетов повестей с реальными событиями его жизни.

Я же, чтобы не запутывать читателей, буду Бажова называть именем данным ему при рождении — Павел. Правда фамилия в метрике у него была записана Бажев и только позднее стала звучать, как Бажов.

Осенью 1889 года десятилетнего парнишку увозят в город Екатеринбург. Отец на вопрос о городе отвечал так: «На другие города наш не походит. Он вроде самого главного завода. На железе родился, железом опояслся и железом кормится». Отъезд сына Бажовых в город был большим событием для всех заводских ребят: «Завтра Егорша поедет. В десятом часу. С отцом, с матерью. На дедушкином Чалке. Егорша по городу сам править будет».

Десятилетнего
парнишку
увозят в город

Первый год обучения в духовном училище города Екатеринбурга, куда после окончания трехгодичной заводской школы в поселке Сысерть был определен мальчик, сложился крайне неудачно для Павла Бажова.

Мало того что он умудрился провалить экзамены¹ по всем предметам, так он еще и лишился бесплатного ночлега и обеда в семье ветеринарного врача Николая Семеновича Смородинцева. Почему он лишился этих благ?

Павел не понимал, что Смородинцев, поселив его в своем доме, взял на себя ответственность перед родителями Павла за его жизнь. Николай Семенович закрывал глаза на ежедневные опоздания Павла к обеду, но не смог простить ему игры в «Робинзона» с ночевкой на острове, находившемся посреди Верх-Исетского пруда Екатеринбурга.

Да, училище позволяет пересдать экзамены и продолжить обучение, но где уверенность, что это не повто-

¹ Первый класс Павел закончил по 2-му разряду, что означало — заключение педагогов о пересдаче экзаменов: «Имеют держать экзамен по всем предметам».

рится на следующих курсах? Да, можно жить на ученической квартире¹, но за это нужно платить дополнительно, чего его родители, Петр Васильевич и Агния Стефановна, пока не могли себе позволить.

А если вспомнить беседу при поступлении в училище между экзаменаторами в рясах о том, что у него отец из рабочих? Разве это не могло повлиять на решение о продолжении учебы Павла Бажова в духовном училище?

Короче, вопрос стоял ребром: быть или не быть! Продолжит ли Павел учебу или так и останется заводским пареньком с четырехклассным образованием?

Бажов осознавал, что через год его может ждать «шаровка»² на заводе, куда принимали неучей-мальчишек с двенадцати лет. Он вспомнил все: и бабушкино нежелание отпускать в большой город, и мамины напутствия, и обещания отцу хорошо учиться, и слова деда Платона о том, что учить его будут с потовой копейки, и завистливые глаза заединщиков³! Все вспомнил!

И вдруг, неожиданно, перед ним встал образ самого Пушкина. «Помнишь? — произнес он строго. — Ты не должен был давать обещаний, если не уверен, что сможешь сдержать слово!» Паша почувствовал, что взгляд поэта притягивает его, как магнит, пронизывает насквозь и будто пытается проникнуть в душу. От неожиданности, а может от испуга, Павел зажмурился от такого взгляда великого поэта и непроизвольно почти шепотом стал оправдываться, одновременно лихорадочно перебирая в своей памяти прочитанные сказки Александра Сергеевича. Тут же вспомнил одну из своих любимых сказок — «Сказку о Золотом петушке», главная мысль которой заключается, как раз в том, что нужно быть верным своим обещаниям: дал слово — держи его.

Приоткрыв один глаз и не отрывая взора от Пушкина, Бажов испуганно, чуть слышно пробубнил: «Виноват. Это мне урок! Не повторится такое никогда». Но и этого признания оказалось Пушкину недостаточно. Он продолжал укоризненно смотреть на юного семинариста, как бы

¹ Мини-общежитие, где жили девять мальчиков разного возраста.

² Следующая группа рабочих после «мастерков».

³ Так называл себя Павел и его школьные товарищи.

подсказывая: «Нужно всегда искать выход из трудного положения, воспитывать в себе силу духа и не сдаваться!» Павла осенило: «А разве не в сказке „О царе Салтане“ говорилось об этом?» Он ведь наизусть знал и ее. Он вдруг осознал: не сдаваться! Недаром еще в детских забавах, когда казалось, что выход из трудного положения невозможен, они с друзьями руководствовались идеей этой сказки, особенно ее последними строками: «Сын на ножки поднялся, в дно головкой уперся... вышиб дно и вышел вон...» Она же учит не отчаиваться, делать все возможное для достижения своей мечты и, что самое главное — учит тому, что всегда в жизни приходится выпутываться самостоятельно.

Если подумать, все, что произошло с учеником первого класса духовного училища, вполне логично. В большой город приехал десятилетний мальчик без родителей, который до этого никогда не выезжал дальше своей околицы. Здесь его удивили широкие улицы, вымощенные булыжником, каменные двухэтажные дома и множество магазинов, которые хотелось осмотреть. У витрины мехового магазина можно стоять часами, разглядывая чучела диких животных, которые раньше он видел только на картинках: льва, тигра, пантеры, ягуара. На рынке его поразили палатки с фруктами: на прилавках лежали виноград, сливы, дыни, арбузы. За две копейки можно было попробовать отрезанный кусок арбуза. На конном рынке он любовался за торговлей лошадьми, а на вокзале мог смотреть, как приходят и уходят поезда. Когда тут делать уроки!

Скорее всего, Павел переоценил возможности своей отличной памяти и цепкого ума. Он посчитал, что можно учиться, не прилагая больших усилий, и что можно забыть об обещаниях, не выполнять обязательства, взятые перед семьей Н. С. Смородинцевых, такие как: вовремя приходить к обеду, сообщать куда уходишь и, конечно, не забывать возвращаться ночевать домой.

Сейчас Паша Бажов все осознал, пережил и признал свои ошибки. Особенно он был признателен Александру Сергеевичу за сказки, которые напомнили ему, что нужно воспитывать в себе силу духа, не сдаваться и не уступать злу. В данный момент у него была только одна забота: лишь бы попы разрешили пересдать экзамены.

К счастью, все уладилось. Павлу Бажову разрешили пересдать все экзамены. Помог ли в очередной раз Николай Семенович неизвестно; скорее всего, да. Известно, что с общежитием именно он помог. Родители продолжили оплачивать образование Павла. Окрыленный успехом, Паша Бажов успешно пересдал все экзамены и был переведен на второй курс. Проживание же на ученической квартире способствовало постоянному соблюдению дисциплины и выполнению распорядка дня.

Между изучением основных предметов Павел продолжил знакомиться с биографией и творчеством Пушкина. И каково же было его удивление, когда на втором году обучения в библиотеке духовного училища он обнаружил богато иллюстрированный том сочинений Пушкина. В этой же книге были и сказки, отрывки из которых ему были известны еще в начальной школе. Однако библиотекарь не захотел выдать хорошее издание «ненадежному читателю» и, желая отделаться от мальчика, с насмешкой объявил ему, что книгу можно получить, но только с одним условием: «Тот, кто возьмет, обязан ее всю выучить наизусть, от первой до последней страницы». Желание получить понравившуюся книгу, преодолело все сомнения, и он согласился с поставленными условиями библиотекаря, полагаясь на свою память. Как потом сам признался: «Понадеялся на то, что стихи сами заучиваются». Возвращая книгу через месяц, Бажов, искренне поверивший поставленное ему условие, сдал экзамен изумленному библиотекарю: он выучил наизусть около трехсот страниц текста, включая такие поэмы, как «Братья-разбойники»

Сейчас Паша Бажов все осознал, пережил и признал свои ошибки

и «Тазит». С тех пор Бажову был открыт доступ к любой разрешенной литературе, чем он с удовольствием и пользовался.

Духовное училище Павел Бажов закончил в числе пяти лучших учеников, которые были рекомендованы для поступления в духовную семинарию г. Перми. Возраст и образование пока не позволяли понять и оценить весь гений русского поэта. Однако к моменту окончания семинарии биографию и творчество Пушкина Бажов знал гораздо основательнее и уже выделял на первое место совсем не то, что пленяло его в детстве. Если в стихотворении «Зимнее утро» он увидел любовь к природе, то в поэме «Братья-разбойники» — попытку приближения к народному языку. Теперь он понимал и то, почему разного ранга «управительская родня» так ненавидела поэта.

В семинарии Павел познакомился с произведениями нового для него писателя — Антона Павловича Чехова, который уже был признан литературоведами и критиками. Литературный язык Чехова пришелся по душе молодому семинаристу. Бажов отмечал: *«Как Антон Павлович использовал родное слово! Поражает его выдумка, обыгрывание слов»*. Получается, что в произведениях Чехова Бажов обнаружил созвучные его мировоззрению идеи, похожие на ранее слышанные в рассказах отца, стариков, сказов В. А. Хмелинина — дедушки Слышко¹.

Таким образом, ранний Бажов как бы накапливал различные толкования русского языка, запомнившееся у любимых писателей и поэтов. Они должны были бы пригодиться ему в будущей профессии школьному учителю русского языка и литературы, в случае, если он не поступит в один из трех университетов, рекомендованных после окончания Пермской семинарии.

А мог бы и вовсе не получить никакого образования!

За два года до окончания семинарии у Павла умер отец — Петр Васильевич. Павел остался без финансовой поддержки со стороны родителей. К тому же, из-за резкого ухудшения зрения, мать не могла уже подрабатывать ажурным вязанием чулок для барынь, и ей самой требовалась материальная поддержка. Нужно было что-то решать!

¹ Прозвище Слышко появилось у Василия Алексеевича за частое употребление в обращении присказки: слыш-ко?

Продолжать учиться или идти работать? После четвертого года обучения уровень образования семинаристов был не ниже среднего гимназического. По статистике 80-х годов XIX столетия, из 22 общеобразовательных предметов только десять были собственно церковными. Наряду с ними в семинарии преподавали историю, географию, математику, физику, философию, психологию, логику, гражданскую историю, русскую словесность, латинский язык, а также иностранные языки: греческий, французский, немецкий. Недаром многие семинаристы после четвертого года обучения успешно поступали в высшие учебные заведения. *«Бросить учебу возможно, но ты же останешься с неполным средним образованием, и о возможности поступление в университет придется навсегда забыть»*, — рассуждал Павел Петрович.

Опять перед ним вопрос — как быть? И снова перед глазами Бажова явился образ Александра Сергеевича Пушкина, который, как известно, был довольно самокритичен в вопросах своего отношения к учебе. В этот раз Пушкин, как бы намекал, что учиться нужно на чужих ошибках, чтобы не допускать подобных самому, напомнил Павлу строчки из поэмы Пушкина «Евгений Онегин»:

*Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...*

А по прочтении повести Пушкина «История села Горюхина» у Бажова отложились в памяти слова И. П. Белкина, где тот излагает свою биографию, желая показать, как он решился написать историю родной вотчины, подчеркивая, что «звание литератора казалось ему всегда „самым завидным“, однако не мог и мечтать об этом, не получив должного образования».

Перебирая в памяти годы учебы Александра Сергеевича Пушкина, Бажов вспомнил, что уже в 1821 году, то есть через четыре года после окончания лицея, поэт признавался Чаадаеву, что «по мере умственного роста, он все живее ощущал недостаток своей научной подготовки для серьезного литературного дела». Пушкин писал:

*...В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.*

Владею днем моим; с порядком дружен ум;
 Учусь удерживать вниманье долгих дум;
 Ищу вознаградить в объятиях свободы
 Мятежной младости утраченные годы.
 И в просвещении стать с веком наравне...

Напрягая память, Бажов также вспоминал, что Чернышевский обращал на это внимание: «Пушкин, достигнув лет, когда человек начинает располагать своими действиями, неумолимо старался вознаградить потерянные годы и чрезвычайно ревностно трудился над своим дальнейшим образованием. Он учился всю жизнь».

Павел Петрович Бажов на тот момент еще не определился с будущей профессией. Следуя наставлениям Александра Сергеевича Пушкина о сборе фольклора, ежегодные летние каникулы Павел Петрович использовал для сбора информации о старинных обрядах, поговорках, пословицах, былинах, сказках и сказах, разъезжая на велосипеде по деревням и селам Полевского и Сысертского заводов. Значит, где-то внутри себя Бажов готовился к чему-то большему, чем работа в школе, а для этого нужно иметь законченное высшее образование. Опыт гениального поэта подтверждал мысли Бажова, что в любом случае нужно сейчас продолжать учебу, не сдаваться и не винить себя в будущем за то, что поддался обстоятельствам и не смог преодолеть жизненные трудности. Он мысленно благодарил Александра Сергеевича Пушкина за преподанный ему новый урок: важно относиться к образованию с должным вниманием.

Пушкин не был виноват, что он не получил более достойного образования, требовавшегося будущему гению поэзии. Скорее всего, рядом не оказалось умного и образованного руководителя, чтобы поставить научные понятия Пушкина на высоту, соответствующую величию его таланта (об этом тоже говорил Чернышевский).

Таким руководителем мог стать в Царскосельском лицее конференц-секретарь, профессор, доктор наук Николай Федорович Кошанский, окончивший юридический и философский факультеты Московского университета. Он преподавал латинскую и российскую словесность и сразу заметил дарование ученика. На уроках русского языка,

рядом с заучиванием од Ломоносова и Державина, басен Крылова, он посвящал мальчуганов в тайны стихосложения.

На первом курсе он предложил лицеистам описать стихами общеизвестный предмет — цветок розу. «Наши стихи вообще не клеились, — вспоминал Иван Пущин¹, — а Пушкин мигом прочел три четверостишия, которые нас всех восхитили». Это было первое лицейское стихотворение Александра Пушкина, в котором, согласно символике, сложившийся в античном мире, роза означала любовь, а лилия — непорочность. После того как Пушкин прочитал свое стихотворение, Н. Ф. Кошанский еще трижды перечитал его:

Где наша роза,
 Друзья мои?
 Увяла роза,
 Дитя зари.
 Не говори:
 Так вянет младость!
 Не говори:
 Вот жизни радость!
 Цветку скажи:
 Прости, жалею!
 И на лилею
 Нам укажи.

Далее он молча вырвал страницу, свернул вчетверо и положил в боковой карман. «Когда-нибудь, быть может — как знать?.. вы станете нашим „великим национальным поэтом“, — добавил он, добродушно улыбаясь, — тогда я сочту долгом преподнести вам на серебряной тарелочке, любопытства ради, сей первобытный ваш поэтический лепет».

Стихотворные уроки Н. Ф. Кошанского с тех пор регулярно повторялись и чем далее, тем глаже и звучнее выходили стихи, особенно у Пушкина. Однако пока стихотворство было еще простой забавой — «игрою в рифмы». К сожалению, Николай Федорович Кошанский заболел и взял годичный отпуск по болезни, занятия прекратились.

¹ Товарищ Пушкина по Лицею.

Чтобы принять правильное решение Павел Бажов продолжал анализировать жизненный и творческий путь Александра Сергеевича, убеждаясь, как он неустанно трудился, посвящая многие часы собственным стихам и прозе, переделывая каждую фразу пока не убеждался в правильности написания и звучания. Перенимая опыт Александра Сергеевича, Бажов остерегался слов которые первыми легли под перо. У Пушкина он перенимал простоту, мудрость и меткость слова вышедшего из народа — былины, песенники, пословицы, сказания, которые мы называем фольклором. Поэтому между литературным языком XVIII столетия и языком фольклора хорошо воспринимаемого народом была целая пропасть, считал Бажов.

Известно, что до Пушкина, да и в его бытность существовало два языка: простой русский народный и книжный¹. И именно Пушкин соединил народную простоту, выразительность и юмор с возвышенным и величавым книжным языком, то есть соединил книжный язык с живой русской речью. По мнению Бажова, скорее всего, так и появился наш великий русский язык, а Пушкин явился его основателем. А. И. Куприн писал: *«Пушкин взял этот великолепный язык у народа и отдал его народу, очищенным от плевел, прекрасным и выразительным»*.

Исходя из всего вышесказанного и учитывая наставления Александра Сергеевича, Павел Бажов принял решение продолжить учебу, а материальное положение поправить подработками: репетиторством, мелкими репортажами в пермских газетах, корректурой, обработкой статистических материалов, а летом, как он писал в своей автобиографии: *«Работа бывала по самым неожиданным отраслям, вроде вскрытия животных, павших от эпизоотии»²*.

В 1899 году ученик шестого класса Пермской духовной семинарии П. П. Бажов признан «окончившим курс гимназии с званием студента оной по первому разряду».

Почему же Бажов стал учителем? После окончания духовной семинарии перед ним стоял вопрос, где продолжить образование? На выбор были Дерптский, Варшавский и Томский университеты. Бажов выбрал

Томский Университет. Однако поступить не удалось. Выяснилось, что на его отличном аттестате было написано, казалось бы, ни к чему не обязывающих три слова — «характеристика по запросу». Это был условный знак, что он человек неблагонадежный и его нельзя принимать в университет. Возникает вопрос: а почему неблагонадежный? Студенческая среда во все годы была одной из прогрессивных сил в стране. В эти годы в России нарастало недовольство властью, общественно-политические волнения захватывали и пермских бурсаков¹. Их взгляды поддерживал и Бажов. К тому же он три года был хранителем «тайной» библиотеки, созданной семинаристами, хотя был предупрежден, что предыдущего «заведующего» исключили из семинарии за хранение запрещенных книг.

Вот совпадение: Александр Пушкин тоже в Лицее разделял взгляды прогрессивных лицеистов — будущих декабристов Пущина и Кюхельбекера. Значит, выбор Бажова был осознанным, он считал его верным и последовательным. Значит, и здесь без влияния Пушкина не обошлось!

Кстати, а стал бы Павел Бажов писателем, поступив в Томский университет на медицинский факультет? Не факт! Скорее всего, этот вопрос он задавал себе и относительно Пушкина. Стал бы народным поэтом Александр Сергеевич, если бы после окончания Лицея, послушался отца и поступил на военную службу в Гусарский полк? Тоже вопрос!

Таким образом, видимо неспроста образ Пушкина напутствовал Бажова и в училище, и в семинарии. Пушкин имел только среднее образование, так как лицей по факту приравнялся к статусу гимназии, но и Бажов получил только законченное среднее образование, что давало окончание духовной семинарии. Опять совпадение? Или все-таки образ Пушкина не отпускал Бажова? Складывается впечатление, что Александр Сергеевич показывал дорогу, по которой должен был пройти будущий сказитель, о чем он думал по мере все большего знакомства с жизнью и творчеством Пушкина. Значит, всю свою сознательную жизнь Бажов изучал биографию Пушкина, анализировал и перенимал все лучшее. В то же время, чтобы ответить на вопрос Бажова, как удавалось

¹ В начале XIX века дворянские дети сначала учились французскому, а потом уже по книжкам русскому.
² Широкое распространение инфекционной болезни среди животных на значительной территории.

¹ Воспитанник духовной семинарии, с проживанием в общежитии.

Пушкину проникнуть в жизнь народа в его речь, жесты, устремления и мечты, нужно будет более тщательно вникнуть в его биографию и этапы творчества. Не секрет, что большинство произведений Пушкина содержит глубокий биографический пласт, начиная от его родословной, заканчивая общественно-политическим характером того времени и окружающим миром будущего поэта. Кроме того, требуется узнать о первых воспитателях, учителях, которые обучали его русскому языку, как Лицей способствовал развитию поэтических навыков, какую роль сыграли декабристы в формировании его мировоззрения, как от поэзии он перешел к созданию художественной прозы и навсегда утвердился в звании народного поэта.

Глава II

Жизнь Пушкина при императорах Павле I, Александре I, Николае I

«

Без биографии Пушкина,
как без ключа,
нельзя проникнуть
в тайнство его поэзии.

»

Петр Плетнев

Часть 1

Саша Пушкин в родительском доме (Москва – Петербург – Москва). 1799–1805 гг.

В письме к Петру Вяземскому Пушкин писал: «Писать свои *Memories* заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая».

Известно, что переезды с места на место можно рассматривать как отдельные эпизоды жизни наших героев, которые оставляли свои следы в воспитании их характера, развитии творчества.

У Бажова это первые достижения в учебе, зарождение мальчишеской дружбы, приобщение к труду, знакомство с народным сказителем дедушкой Слышко, получение образования, работа учителем, журналистом и, как результат — писатель сказового творчества.

Каждый из этапов творчества Пушкина тоже связан с определенным периодом его биографии: родительский дом, селение Захарово, Царскосельский лицей, декабристы, южная ссылка, ссылка в селе Михайловском, творческие успехи в Болдино, жизнь в Петербурге.

Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая (6 июня по новому стилю) 1799 года в Москве, в Немецкой слободе. Отец — Сергей Львович Пушкин, принадлежал к старинному дворянскому роду; мать — Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал; бабушка (по материнской линии) — Мария Алексеевна Ганнибал, урожденная Пушкина, была женой Осипа Абрамовича Ганнибала, сына «арапа» Петра Великого — Абрама Петровича Ганнибала.

Наверное, будет к месту объяснить, кто такой Ганнибал? Откуда он появился? Я, например, в детстве считал его только римским полководцем. А на самом деле? В истории однозначного ответа нет. Самая распространенная версия — это был мальчик из Абиссинии (современная Эфиопия)¹. В конце XVI века

...в Европе во всю была распространена мода среди монархов, иметь при себе «арапчонка»

в Европе была очень распространена среди монархов мода, иметь при себе «арапчонка». Петр I тоже потребовал от своих придворных, чтобы и ему нашли такого. При турецком дворе подыскивали маленького, черненького мальчишку, выкупили и привезли Петру в подарок. Петру «арапчонок» понравился своей не по годам резвостью и живым умом во взгляде. Звали его Ибрагим Ганнибал, родился в 1697 году.

Немного повзрослев, Ибрагим начал исполнять не только роль слуги и камердинера российского императора, но также секретаря. Конечно, он первым делом выучил, скорее всего, русский язык, но вскоре и французский тоже, так как общался при дворе. При русском дворе принял христианскую веру, получил библейское имя Абрам. Отчество Петр I дал свое — Петрович (так как сам крестил его), а фамилию оставил Ганнибал, в честь знаменитого карфагенского полководца.

В 1716 году, когда Ганнибал своим поведением и усердием к занятиям оправдал надежды Петра, тот решает направить его учиться военному делу в Париж.

В Россию Абрам Петрович Ганнибал вернулся в ранге артиллерийского капитана и всю свою жизнь посвятил служению России. Он строил доки для кораблей,

проводил фортификационные работы, в том числе в крепости Кронштадт и Петропавловской крепости.

В 1742 году дочь Петра I Елизавета после своей коронации пожаловала Ганнибалу Абраму Петровичу генеральский чин и наградила богатыми землями Михайловской губы Псковской провинции. Впоследствии здесь было обустроено имение Петровское, затем и сельцо Михайловское.

В 1759 году Абрам Петрович приобрел у капитан-поручика графа Федора Алексеевича Апраксина, внука знаменитого военачальника, героя Северной войны Алексея Петровича Апраксина, село Воскресенское, мызу¹ «Суйда», а чуть позднее приобрел Кобринно и в версте от кобринской усадьбы построил мызу Руново. В Суйде, рядом с барским домом, был парк с липовой аллеей, ведущей к большому пруду с островом посередине. По местному преданию, выкопали его пленные шведы, работавшие в усадьбе Апраксина после освобождения края от шведов. Пруду они придали форму лука, направленного в сторону Швеции. По следующей легенде, именно в этом парке рос вековой дуб с большим дуплом, который стал прототипом дуба у Лукоморья. В 1761 году Абрам Петрович вышел в отставку и стал жить в имении Суйда.

Еще Абрам Петрович Ганнибал запомнился большим вкладом в развитие картофелеводства. Первые грядки с картофелем появились в царствование Петра I. Петр рассчитывал использовать эту культуру как лекарственное растение. Однако, следующая императрица Екатерина II, решив, что «земляное яблоко»² можно использовать в голодные годы, поручила Ганнибалу, хорошо знакомому с этим растением, попробовать заняться разведением картофеля у себя в усадьбе. Так что Суйда стала первым местом на русской земле, где появились вначале небольшие, затем и обширные поля, засеянные этой культурой. Появился сорт картофеля «Ганнибал».

В личной жизни счастье ему улыбнулось женитьбой в 1736 году на немке Христине фон Шаберг. У них родились одиннадцать детей. До взрослой жизни дожили семеро: четыре сына — Иван, Петр, Осип, Исак

1 Историки сегодня утверждают, что его родина была на границе Того и Камеруна.

1 Отдельная стоящая усадьба с хозяйством.

2 Так называли тогда картофель.

и три дочери — Елизавета, Анна и Софья. Дети были больше смуглыми, чем черными. Один только Петр был похож на негритенка, но уже второе поколение — внуки — потихоньку стали приобретать европейский цвет кожи и немецкие черты лица, как у бабушки.

Умер Абрам Петрович Ганнибал в 1781 году, спустя два месяца после того, как скончалась его любимая жена Христина.

В 1782 году между братьями произошло разделение имущества по завещанию отца. Сохранилось его завещание:

*...Дабы означенные недвижимые имения
Никогда не выходили из рода Ганнибалов...
И чтоб все оное так было ненарушимо...
По сему моему завещанию,
В том подтверждаю и подписуюсь моею рукою...*

Ивану отошло село Суйда; Петру — Петровское; Осипу — Кобрино, Михайловское; Исааку — Воскресенское с деревнями.

Старший сын Иван дослужился до чина генерал-майора. В 9 лет его отдали в морскую артиллерийскую школу, затем учился в Морском шляхетском корпусе и приступил к службе в военно-морском флоте. Знаменитым стал после участия русского флота в Эгейском море против сил Османской империи. В ранге бригадира десантного отряда в количестве 2500 человек и трех кораблей, после шестидневной бомбардировки взял турецкую приморскую крепость Наварин. В Чесменском морском сражении отличился при изготовлении «суден для поджога и уничтожения вражеских кораблей и своей искусностью в управлении артиллерийским огнем содействовал уничтожению турецкого флота». По указу Екатерины II под его руководством был заложен город Херсон. Иван Абрамович Ганнибал был назначен комендантом Херсонской крепости. Осуществилась мечта императрицы: Херсон стал первой базой Черноморского флота России.

Второй сын — Петр дослужился до чина генерала-майора сухопутной артиллерии. Уйдя в отставку, был предводителем дворянства Псковской губернии.

Про третьего сына — расскажу позднее.

Четвертый сын — Исаак. Капитан морской артиллерии. Как и старший брат, в 9 лет был определен в артиллерийскую школу, после ее окончания служил в морской артиллерии. В сообщении по поводу победы при Столбовичах над войсками гетмана Огинского А. В. Суворов писал, что господин капитан Исаак Ганнибал вместе с другими офицерами «оказал свою неустрашимость с храбростию». Кстати, есть свидетельство, что именно Абрам Петрович Ганнибал, посоветовал родителям Суворова отдать сына в военную школу.

Третий из сыновей, Осип Абрамович Ганнибал, был флотским офицером. Приехав для осмотра казенных чугунных заводов в Липецк, он познакомился с Марией, дочерью воеводы г. Сокольска Липецкого уезда Томбовской губернии Алексея Федоровича Пушкина. Марии Алексеевне было 28 лет. Девушка, не владела светскими манерами и не говорила на французском языке. Провинциальные дворяне считали, что женщине хватит и русского языка. Основная их обязанность — домовничать в усадьбе. Следует заметить, что она действительно стала очень хорошей, умной и расчетливой хозяйкой. В 1773 году Осип Абрамович без согласия отца на брак женился на Марии Алексеевне Пушкиной. Она зарегистрировалась под фамилией Ганнибал. В 1775 году у них родилась дочь Надежда.

Совместная жизнь ее родителей не сложилась. В результате долгого бракоразводного процесса, только в 1784 году Мария Алексеевна и ее дочь стали владелицами Кобрино и Руново, причем только после вмешательства императрицы Екатерины II.

Попечительницей для малолетней Надежды была назначена Мария Алексеевна, а опекунами Петр Абрамович Ганнибал (брат Осипа) и Михаил Алексеевич Пушкин (брат Марии Алексеевны). Старший брат Осипа Иван, у которого своих детей не было, принял сторону Марии Алексеевны и ее дочери Надежды. Рассказывают, что он очень привязался к племяннице, окружил ее лаской, заботой и принял непосредственное участие в получении ее образования. Он приглашал лучших гувернанток и учителей из иностранцев, которые дали ей светское образование, научили французскому языку, танцам. С возрастом Надежда стала чрезвычайно обаятельна, хороша собой. В свете ее прозвали прекрасной

креолкой. Как такая красавица могла не понравиться молодому офицеру Сергею Львовичу Пушкину, про которого Иван Абрамович сказал: *«Хоть и не богат, зато умен и образован»*. В 1795 году Надежда Осиповна Ганнибал вышла замуж за капитана Измайловского полка Сергея Львовича Пушкина и обрела родную фамилию своей матери. Венчание состоялось в 1796 году в Воскресенской церкви в Суйде. Эту церковь считали семейной церковью Ганнибалов. В 1797 году в Суйде у них родилась дочь Ольга, а в 1799 году уже в Москве — сын Александр.

После рождения Александра семья Пушкиных переехала в Петербург. Вместе с ними переехали назначенная к Саше няня Ульяна Яковлева и Арина Родионовна, няня сестры Ольги.

Летом 1800 года произошло событие, которое очень напугало родственников Пушкина. Няня с Ольгой и няня с Сашей гуляли по саду князя Николая Борисовича Юсупова, государственного дипломата и сенатора. В это время по аллее проходил император Павел I со своей свитой. Все останавливались и кланялись императору. Ульяна никогда не видела императора в генеральской форме,

но тоже наклонилась в поклоне, держа Сашу на руках. Вдруг услышала голос: *«Снимать шапку должно перед императором! Поняла?!»* — строго проговорил тот самый генерал, снимая картуз с малыша и отдавая ей.

Годовалый Саша по своему малолетству встречу с Павлом I не запомнил, но из рассказов няни считал это первым своим знакомством с императором всея Руси.

Климат в Петербурге не был благоприятным для здоровья детей.

Ульяна никогда не видела императора в генеральской форме...

Александр Сергеевич Пушкин в первой главе «Евгения Онегина» упоминает про жизнь в Петербурге:

...Там некогда гулял и я:

Но вреден север для меня...

Мария Алексеевна продала свое имение в Кобрино и все семейство Пушкиных вместе с дворовыми людьми перебралось в Москву.

Для Александра Пушкина московский период продлится до весны 1811 года включительно. С 1801 по 1805 год круглогодично. С 1805 по 1807 год только в зимний период. С 1808 года по лето 1810 круглогодично в Подмоскowie — в селе Захарьево. С зимы 1810 до лета 1811 года снова в Москве. Июнь 1811 года — переезд в Петербург для подготовки к поступлению в Царскосельский лицей.

В Москве, как и в Петербурге, Пушкины стали жильцами двора Николая Борисовича Юсупова, где арендовали с уплатой в рассрочку особняк, стоявший за трехэтажным домом домовладельца, с большим парком, прозванным москвичами Юсуповским садом.

Сергей Львович и Николай Борисович были знакомы, как любители литературы и искусства и поклонники французских комедий. Поэтому Юсуповский сад был доступен Пушкиным не только, как жильцам, но и как знакомым владельца. Это был сад размером более девяти десятин¹ с правильными аллеями, множеством цветников, многочисленными фонтанами и круглым прудом, к которому спускались ступени двух лестниц; с улицы имелись парадные ворота, а за ними на площадке у входа в главную аллею возвышались две мраморные статуи. В центре сада — большая круглая беседка, а правее от нее вырыт традиционный грот с искусственными руинами — дань моде того времени.

В 1801 году у Надежды Осиповны родился мальчик, которого назвали Николаем. Это был болезненный ребенок. Гулять по саду ходили все вместе: Надежда Осиповна с Николенькой (так его все ласково называли), Арина Родионовна с Ольгой и Ульяна с Сашей.

В Москве тоже произошло событие, которое запомнилось Пушкиным на всю жизнь. Это землетрясение 14 октября 1802 года.

¹ Десятина = 1,09 гектар

...Саша, играя в саду, увидел, как резко качнулась мраморная статуя...

В послеобеденное время Саша Пушкин с няней Ульяной гуляли в Юсуповском саду. В это время они услышали сильный гул, доносившийся откуда-то из-под земли. Колебание земли было небольшое, правда на аллее образовалась яма диаметром в аршин, а Саша, играя в саду, увидел, как резко качнулась мраморная статуя, хотя погода

стояла солнечная и безветренная, но и этого хватило, чтобы он был поражен увиденным. И только дома Сергей Львович пояснил родным, что это было первое в истории Москвы землетрясение.

Семья Пушкиных была дружная (как и семья Бажовых, между прочим). Родители Саши поженились по любви. Сергей Львович говорил: «Моя прекрасная жена», «мой ангел-утешитель». Вместе они прожили около сорока лет. И даже будучи пожилым человеком, продолжал называть жену в письмах своим добрым гением. Теперь вспомните Бажовых: отец говорил Павлу: «Слушайся мать! Вишь, вишь, какая сердитая!.. Я вон, небось, всегда слушаюсь».

В литературе есть много утверждений о холодном отношении обоих родителей к Александру. Отец якобы больше занимался французской поэзией, а мать все свое свободное время, уделяла больному Николеньке и маленькому Льву, родившемуся в 1805 году.

Конечно, это неверное утверждение. Да, Саша не рос баловнем, с ним никто не сюсюкал. Правила высшего света дворянами неукоснительно соблюдались. По требованию того времени на первом мальчике в семье с рождения лежит ответственность старшего, и он обязан нести ее всю свою жизнь. Родители не могут к нему относиться

с лаской, делать какие-то поблажки. Напротив, должны держать в ежовых рукавицах и требовать, как можно большего. Однако отец никогда не проходил мимо Александра, не погладив того по головке, еще с самого рождения, когда ему показали крошку-сына.

Мать, Надежда Осиповна, конечно, уделяла больше внимания Николеньке, но и старшего сына она по-своему любила, его судьба ей была не безразлична. Наблюдая нежелание сына развиваться физически, она безоговорочно брала его за руку и вела гулять, заставляя бегать по аллеям. Да, была строга, когда Саша проявлял непослушание. В то же время Надежда Осиповна была выдержанной женщиной, детей в семье битьем не наказывала. Среди методов наказания было сидение в углу, отгороженном стульями, или игра в молчанку. Она никогда не повышала голоса — напротив, в своих замечаниях переходила на шепот. Если сын не замечал этого сигнала, могла замолчать, то есть мать не разговаривала некоторое время.

У маленького Саши была привычка грызть ногти, когда он нервничал. И однажды Надежда Осиповна завязала ему руки. Так он ходил целый день и от вредной привычки быстро отвык.

Но самым обидным наказанием для мальчика было наказание за потерю носового платка: его пришивали прямо сверху кармана курточки, что очень обижало мальчика.

Часто Саша находил утешение в комнате бабушки Марии Алексеевны. Он был небольшого роста, поэтому легко помещался в корзине с мотками шерсти и наблюдал, как вяжутся рукавички и носочки для детей.

Часто Саша находил утешение в комнате бабушки...

Любовь к сыну, наглядно проявилась, когда встала проблема выбора учебного заведения для Александра. Надежда Осиповна, несмотря на сильное недомогание, поехала вместе с мужем в Петербург, для решения этого важного вопроса.

Еще некоторые исследователи утверждали, что отец Александра Пушкина был несколько скуповат по отношению к семье. Но это как посмотреть. А может, он просто был экономным в семейных тратах?

В дворянских семьях в те времена, было принято до школы сообщать детям различные знания в домашней обстановке, для этого нанимались учителя, причем, в основном, иностранцы. Так вот, опровергая домыслы о своей скупости, Сергей Львович всегда нанимал лучших учителей, причем только по рекомендациям родственников или знакомых. Отцовская любовь, может, и не была заметна со стороны, зато, когда гувернеры и гувернантки жаловались на детей за их непослушание, он выходил из себя и всегда становился на сторону детей. А холодность в отношениях, которую видели посторонние лица, может объясняться духом времени и светской суетливостью родителей. Ну посудите сами: Сергей Львович был тщеславен и оставался с репутацией начитанного остроумца, искателя французской рифмы для альбома или каламбура в обществе. Он вместе с братом Василием Львовичем разыгрывал роли на домашних представлениях, так как оба владели в высокой точности сценическим искусством, и считал необходимым, чтобы дети присутствовали и видели его успехи. То есть, таким путем он прививал Александру любовь к красивой речи и оригинальной мысли.

В свою очередь, Надежда Осиповна старалась привить детям чувство прекрасного. Она очень любила менять что-нибудь в обстановке дома. Переставляла мебель, меняла местами, например, кабинет на спальню, столовую на гостиную и обратно, меняла обои и прочее. Этим она демонстрировала детям возможность при скромных средствах, достигать новых изящных сочетаний, искать и находить красоту в различных ее формах.

Сергей Львович и Надежда Осиповна были людьми образованными, очень интересовались литературой и искусством, их дом посещал цвет московской интеллигенции начала XIX века, в том числе Державин, Карамзин, Жуковский, Фонвизин, Батюшков, Дмитриев.

Родители поощряли участие детей в творческих вечерах, проводившихся в их доме, затем уже подросших, водили к своим друзьям на такие же вечера, позднее ходили вместе в театры, участвовали в массовых гуляниях. Саша внимательно прислушивался к декламации стихов, рассказам басен, к разговорам и суждениям взрослых на темы искусства, истории, смотрел домашние спектакли — все это способствовало раннему пробуждению творческих способностей будущего поэта. Но не в коем случае нельзя утверждать, что только участие в семейных литературных вечерах повлияло на развитие его ума и таланта.

По тогдашней моде, знакомство с мировой литературой начиналось с прочтения книг французских писателей. Так, Саша Пушкин сначала познакомился с комедиями Мольера, Бомарше, с сочинениями Вольтера и с другими просветителями XVIII века. Чему удивляться? Ведь его домашними учителями были французы.

В семействе Сергея Львовича, как почти во всех тогдашних знатных домах, господствовал французский язык. И по дворянскому обычаю все предметы преподавались на французском языке и даже говорили между собой на французском.

Сергей Львович, был большим любителем французской литературы. Он старался поощрять любовь к книгам, давал сыну читать сочинения Плутарха и Гомера, так в девятилетнем возрасте Саша Пушкин прочитал «Илиаду» и «Одиссею». Отец часто читал вместе с детьми лучшие, по его мнению, сочинения, особенно Мольера.

Известно, что Саша Пушкин уже в 7–8 лет первые стихи писал на французском языке.

У Сергея Львовича была отменная библиотека, более 1000 томов, и Саша, который рано пристрастился к чтению, и по воспоминаниям своей сестры Ольги был *«недовольный тем, что ему давали, и часто забирался в кабинет отца, чтобы прочитать другие книги»*. По словам его младшего брата Льва, он уже в ранние годы тайком забирался в кабинет отца и ночи напролет «пожирал» книги одну за другой. Благодаря феноменальной памяти, все прочитанное бережно «укладывалось» во «внутренней кладовой» будущего поэта, и к одиннадцати годам был, по выражению дяди Василия Львовича, отличным знатоком французской литературы.

Читая все подряд, несколько позже Александр познакомился и с русской поэзией от Ломоносова до Жуковского. Причем русскому языку, как ни странно и ни забавно это звучит, Сашу Пушкина начал учить немец Г. Шиллер, который, нужно отметить, неплохо знал русский язык, но не мог передать все прелести его. Следующим же учителем русского языка стал выпускник Московской духовной академии, священник Александр Иванович Беликов. Но все-таки первым учителем русского языка были, конечно, бабушка Мария Алексеевна Ганнибал и няня — Арина Родионовна, открывшая всю прелесть русского фольклора.

Кстати, и Паше Бажову тоже бабушка Авдотья Петровна рассказывала старинные предания о рабочем люде Урала, связанные со старой горняцкой жизнью, с кладоискательством, с фантастическими историями про Хозяйку Медной горы, с земельными богатствами Уральских гор, с Золотым Полозом. И учителем русского языка у Бажова тоже был выпускник, только Пермской духовной семинарии — Александр Осипович Машуков. Он первым обратил внимание на способного ученика, который обладал отличной памятью, и открыл перед будущим сказителем мир пушкинской поэзии. Рассказы о детских годах и творчестве Пушкина дали Бажову запас оптимизма на всю жизнь. Дочь Бажова, Ариадна Павловна, вспоминала, что в книжном шкафу ее отца всегда стояли несколько томиков Пушкина; уже в преклонном возрасте отец мог наизусть цитировать многие его стихи, запомнившиеся со школьных времен.

А ведь феноменальная память — это то, что отличало Пушкина от всех сверстников. В юном возрасте Александр, возлагая надежду на свою память, мог повторять наизусть все ответы сестры на домашних уроках, когда ее первую спрашивали учителя. Следует отметить, что Саша Пушкин, играл деревянными раскрашенными солдатиками в той же комнате, где Дмитриев читал свои басни, а дядя Василий Львович Пушкин — свои стихи. А после их ухода мог наизусть повторить все услышанное. Вот такой талант с детства демонстрировал будущий поэт.

Что касается игры Саши в кабинете Сергея Львовича, то, во-первых, отец сам не препятствовал этому, а во-вторых, многочисленные гувернантки, гувернеры, няня Ульяна просто утомляли ребенка своим надзором над ним. Ему было неинтересно слушать их нравоучения.

Другое дело — когда к Сергею Львовичу приходили его друзья, и они вели оживленные интересные беседы.

В начале 1805 года в гости к Сергею Львовичу зашел писатель и историк Николай Михайлович Карамзин. Он рассказал, что 31 октября 1803 года получил подлинный императорский указ, в котором говорилось, что Александр I одобряет его желание написать «полную Историю Отечества нашего», и теперь он зачислен на государственную службу. Это давало свободный доступ в государственные и монастырские архивы.

Карамзин большое значение придавал русской исторической фольклористике, былинам, сказкам, песням, поговоркам, прослеживая в них закрепление памяти народной и своеобразное отражение исторических событий, включая также сведения литературного и географического характера из «Повести временных лет» летописца Нестора.

Взрослые так долго беседовали, что даже не замечали, как Саша, отложив своих солдатиков, с «открытым ртом» слушал гостя и не спускал с него глаз. *«Саша-то Вас слушает!»* — заметил отец. *«Историк будущий!»* — улыбнулся Николай Михайлович и продолжил полушутя-полусерьезно. — *А может, и писатель. В 1799 году вычитал в предсказаниях знаменитого Настрадамуса¹, что таковой у нас скоро появится. Чтоб все сие вопетъ, родится вновь — Пиндар²».*

Так бы и продолжал сидеть в стенах родительского дома Александр Пушкин, если бы не бабушка — Мария Алексеевна Ганнибал! В 1804 году она приобрела в 40 верстах от Москвы селение Захарьево (Саша стал называть его Захарово). С этого времени московский этап разделился на городской — зимний период — и деревенский — весна, лето, осень. Нельзя описать времена года лучше, чем Пушкин в стихотворении «Осень»:

I

*Октябрь уж наступил — уж роца отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает*

¹ Французский астролог.

² Греческий поэт-лирик, родоначальник высокой одической поэзии.

В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,

Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

Как здесь не вспомнить слова Ф. М. Достоевского: «Нет ничего лучше и здоровее, чем хорошие воспоминания, вынесенные из детства! И чем больше таких воспоминаний, тем счастливее человек...»

Но Пушкин не называл свое раннее детство счастливым. За первые шесть лет жизни в его памяти не осталось особых воспоминаний. По свидетельству сестры поэта: «Пушкин был толстый, молчаливый и неповоротливый мальчик, которого нарочно заставляли гулять и бегать. На седьмом году неповоротливость перешла даже в резвость и шаловливость». Мы же отметим, что к шести годам Александр уже свободно говорил на французском языке, обучался правилам хорошего тона, светским манерам, начал обучаться танцам, обязательным для дворянских детей, что не позабыл отметить в романе «Евгений Онегин»:

*...Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно...*

«Мне видится мое селенье, мое Захарово»

А. С. Пушкин

Часть 2

Деревенские будни Александра Пушкина 1805–1810 гг.

Весны 1805 года семейство Пушкиных переехало в Захарово, в имение¹ Марии Алексеевны Ганнибал. Это был двухэтажный деревянный дом с бельведером², двумя флигелями, хозяйственными постройками, конюшней, плодовым садом, небольшим парком с кленовыми аллеями. При нем было тринадцать крестьянских дворов и семьдесят шесть крепостных душ населения. Господский дом стоял на высоком холме. По фасаду от усадьбы вниз шла кленовая аллея с широкой дорожкой, посыпанная песком, спускавшаяся к живописному пруду, образовавшемуся после постройки запруды при слиянии двух рек. По берегу пруда росли липы и раскидистый старый дуб, а на другом берегу чернел густой стеной ельник. Точное описание ландшафта села Захарово звучит в пушкинском «Послании к Юдину»:

*...Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею теннистой
Зерцалом вод отражено
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад...*

¹ К сожалению, до наших дней дом в первоизданном виде не сохранился. Анализ архивных материалов и исторических источников подтверждает его постройку в 1781 г.
² Площадка под крышей.

На первом этаже господского дома размещалась большая парадная зала (столовая):

*... Ну вот уж полдень, — В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит».*

Кухни в главном доме не было, опять же, по обычаям тех времен: считалось, что если будут готовить пищу в доме, то запахи будут мешать гостям и хозяевам. Приготовленную поваром еду слуги приносили в буфетную, сервировали и подавали к столу, причем войти в столовую они могли только по звонку хозяев. Поэтому отдельно строился кухонный флигель, где жили все дворовые. По светским канонам их должно быть не меньше восьми, иначе помещик будет считаться бедным и его будут сторониться более успешные землевладельцы. С этой же целью — поддержания авторитета — Мария Алексеевна покупала дорогую чайную и столовую посуду: на нее в первую очередь обращают свое внимание гости.

Далее был кабинет Марии Алексеевны, комната для учебных занятий детей и людская, где слуги дожидались приказаний. Всего в доме было девять маленьких комнат, в том числе шесть комнаток на втором этаже. Здесь были покои с низкими потолками антресольного типа, в которых размещалось минимум мебели и вещей: кровать, сундук для одежды и умывальный прибор. Раньше люди старались жить в маленьких комнатках, так как печь топилась на первом этаже и тепло, по законам физики, поднималось вверх. Зато в кабинете обязательно был камин:

*...Вот мой камин — под вечер темный,
Осенней бурною порой
Люблю под сению укропной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Воланда читать...*

Во втором флигеле, он скорее всего назывался главным, жили дети вместе с воспитателями. Согласно тем же светским правилам, дети содержались отдельно от взрослых. Доходило до того, что родители

видели своих детей только утром и вечером, когда они приходили поздороваться или чтобы пожелать спокойной ночи.

Отдельный домик был и у няни Арины Родионовны. В Захарово она выполняла обязанности старшей няни — то есть руководила всеми воспитателями детей Пушкиных. Няня Ульяна в Захарово не приехала.

Чтобы воспитание Саши не было слишком «женским», в Захарово к нему в «дядьки» был приставлен дворовый человек, камердинер Сергея Львовича — Никита Козлов.

В Захарово не было церкви, поэтому семейство Пушкиных по выходным ездило в соседнее село Вяземы, где по пути посещали и родственников семейства князя Голицина.

Вот так, коротко, об обстановке, где предстояло взрослеть Александру Пушкину, знакомиться с деревенской жизнью и бытом ее жителей, их поведением, развлечениями, русским фольклором, любоваться красотой природы, изменяющейся по временам года.

Бабушка Мария Алексеевна Ганнибал, как хозяйка имения, взяла все в свои руки. Мария Алексеевна не владела иностранными языками, поэтому она отказалась от помощи всех гувернанток и гувернеров и запретила в ее доме разговаривать на французском языке. Только на русском! Всем без исключения!

Бабушка, вспоминала Ольга, «...была ума светлого и по своему времени образованная; говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался

Мария Алексеевна... запретила в ее доме разговаривать на французском языке

Первое время тяжело пришлось
маленькому Саше Пушкину

в дальнейшем — барон Дельви́г¹». Первое время тяжело пришлось маленькому Саше Пушкину. Крестьянские ребята думали, что он вообще немой, так как он больше молчал и смотрел, как они играют. Мария Алексеевна за всем этим наблюдала — и сама взялась обучить Олю и Сашу русскому языку. Именно бабушка, со слов

Ольги, выучила их русской грамоте и письму, то есть фактически была их первой учительницей. Ежедневные занятия через год дали свой результат. Саша начал думать, говорить и читать книги на русском языке.

Я уже отмечал, что согласно светским правилам, родители не должны были прилюдно обращаться ласково со старшим сыном, а вот на бабушек это не распространялось! Мария Алексеевна души не чаяла в своих внучатах. Особенно она любила старшего внука Александра. Но и журила порядком: «Ведь экой шалун ты какой, помяни мое слово, не сносить тебе головы», — по воспоминаниям бывавшей у семейства в гостях приятельницы Е. П. Янковой.

В памяти бабушки хранились огромное количество семейных легенд, старинных преданий, исторических фактов. Она не любила вымыслов. Ее рассказы были правдивой передачей былого. Вечерами Мария Алексеевна рассказывала о своих предках: прадеде поэта арапе Петра Великого — Абраме Петровиче Ганнибале (отце ее мужа Осипа Петровича Ганнибала), о прадеде (по линии своей матери Сарры Юрьевны Ржевской), любимце Петра I — Юрии Алексеевиче Ржевском.

Если мы уже более подробно узнали историю жизни первого прадедушки, то следует рассказать и о втором.

¹ Друг Пушкина по лицу.

Бабушка с гордостью вспоминала, что Юрий Алексеевич Ржевский принадлежал к древнему роду бояр Ржевских, которые при династии Романовых занимали высокие посты. Был любимцем Петра I. Известно, что в юности был стольником¹ при царской семье. Стольники обладали равным статусом с княжескими боярами, выполняли ответственные политические и дипломатические поручения. Когда царь, по заведенному им обычаю, стал отправлять молодых дворянских сынков на обучение за границу, дед вызвался добровольно ехать обучаться морскому делу в Венецию. Петр удовлетворил его просьбу. После обучения он служил в Преображенском полку, дошел до чина капитан-поручика.

Своим указом от 19 января 1719 года Петр I назначил Юрия Алексеевича Ржевского вице-губернатором, начальником Нижне-Новгородской губернии. Закончилась война со шведами и предстояла с Персией. Император поручил Ржевскому построить флот в Нижнем Новгороде. Под его контроль отдавалась закупка материалов для строительства кораблей, набор мастеров и прочее. 26 мая 1722 года Петр I прибыл в Нижний-Новгород. Государю показали готовую флотилию из 245 судов различного размера. А 30 мая 1722 года Петр I отмечал свое пятидесятилетие. Обед был в доме вице-губернатора Юрия Алексеевича Ржевского, где царю представили всю семью Ржевских.

Бабушкины рассказы, сам облик ее стали для Саши незабываемыми образами уже счастливого детства и воплотились в благодарственные строки из стихотворения «Родословная моего героя»:

...Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об толстобрюхой старине...

Таким образом, бабушка Мария Алексеевна Ганнибал оказала большое влияние на воспитание Пушкина. Она раскрыла перед ним истинные сокровища русского языка, познакомила с историей своего рода и с историей Отечества. Александр Сергеевич Пушкин очень любил свою бабушку.

¹ Стольник — придворная должность, связанная с выполнением определенных обязанностей за царским столом.

Большую роль в воспитании маленького Саши Пушкина играла няня Арина Родионовна. Думаю, следует рассказать и об истории ее появления в семье Пушкиных.

Родилась будущая няня в семье крепостного Родиона Яковлева и его жены Лукерьи Кирилловой в 1758 году в мызе «Суйда», принадлежащей капитан-поручику, графу Федору Алексеевичу Апраксину. Когда в 1759 году Суйду, Кобрино и иные апраксинские земли вместе с крепостными, выкупил генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал, она перешла в подчинение новому хозяину. В метрических документах было указано ее имя Иринья, а в семье ее стали кликать Ариной. Она была первенцем, позднее родились еще шесть братьев и сестер. Арина помогала родителям в их воспитании. Грамоте она так и не обучилась. Подрастая, она постепенно проникалась духом своего народа. От матери, стариков-соседей узнавала и запоминала Арина сказки, былины, песни, поговорки, пословицы, повести о разбойниках, привидениях, домовых, русалках.

Арина, узнав народные предания, начинала пересказывать или петь песни сначала младшим братьям и сестрам, потом подружкам, детворе. Она была прекрасной певуньей, заводилой на деревенских посиделках и гуляньях, которые устраивали Ганнибалы в парке или подле суйдинского пруда.

В 1881 году Арину отдали замуж за крестьянина из Кобрино Федора Матвеева. Интересная деталь: в то время, при выходе замуж, невесте расплетали пышную косу и затем связывали освободившиеся волосы лентой на затылке. Таков обычай: замужние женщины уже носили две косы, причем на улице или в присутствии чужих людей голова должна быть покрыта платком.

После замужества ей разрешили переехать к мужу в Кобрино.

Как познакомилась Арина с Марией Алексеевной, неизвестно. Скорее всего, народная молва рассказывала о девушке, которая от природы обладала нежностью, лаской, любила играть с маленькими детьми и была очень ответственная, уважительная перед хозяевами. Однако есть сведения, что рекомендовал ее брат Симеон, ранее взятый на работу кучером в Суйде. Мария Алексеевна решила определить ее няней к своей

маленькой дочери Надежде, когда они приезжали из Петербурга на лето в Кобрино. Затем, когда опекун Нади, Михаил Алексеевич Пушкин женился и в 1792 году у него родился сын Алексей, случилось несчастье: Михаил заболел и скоропостижно скончался. По распоряжению Марии Алексеевны Арина была определена няней для своего племянника.

Бытует мнение историков, что именно с этого периода у Арины началась работа няней в семье Пушкиных. Арина работала на совесть, ребенок был окружен постоянной заботой, рос жизнерадостным и болел нечасто. Работа няни так понравилась Марии Алексеевне, что в благодарность в 1795 году Арину со всем семейством переселили в отдельный дом. А семья уже состояла из мужа Федора тридцати девяти лет, сына Егора тринадцати лет, дочерей Надежды семи лет и Марьи четырех лет.

В 1797 году, как ранее уже было написано, у Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных родилась дочь, которую называли Ольгой. Надежда Осиповна узнала, что Арина должна скоро родить, была брюхатая, а значит она могла стать и кормилицей для ее дочери. Надежда Осиповна затребовала опытную няню в Петербург. Ей было приказано собираться ехать в город. Крепостное право предписывало крестьянке следовать за хозяевами безоговорочно, а дети и супруг оставались дома. Арина родила еще одного сына, которого называли Степаном, и он скорее всего стал молочным братом Ольги, так как у них была одна кормилица.

После рождения Льва Пушкина Арина Родионовна была определена к нему няней. Затем вместе с семейством Пушкиных переехала в Захарово и наконец-то стала единственной няней для всех детей Пушкиных. По воспоминаниям сестры Ольги, *«Арина Родионовна была настоящей представительницей русских нянь; мастерски говорила русские народные сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками»*. Не одна из сказок няни не была похожа на известные. Она вводила множество дополнений и изменений от себя, украшая, разнообразя рассказы. Здесь Саша слышал рассказы про лешего, Бабу-ягу, Черномора, чудобогатырей, царевну-Лебедь, что и отметил в стихах:

*...Хранила в памяти немало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц...*

А в стихотворении «Сват Иван, как пить мы станем...» Александр Сергеевич еще раз подтвердил знание русского фольклора своей няней:

Сказки сказывать мы станем –
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
И куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы, и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?..

Ее образ стал символом доброты и мудрости. Няня своей сердечностью, любовью сумела развить его ум, воспитать любовь к своей земле и своему народу. Она умела не только выслушать, но могла и посоветовать. Причем, не стесняясь обращаться к нему, когда следовало, со словами укоризны. Пушкин тоже был привязан к своей няне.

Очень немного было близких людей, которым Пушкин посвящал стихи. Одной из них была Арина Родионовна. Сосед по Михайловскому Николай Языков писал Пушкину: «Я без ума от вашей нянюшки. Какая у нее материнская забота о вас. Поражает ее душевная красота, замечательная народная речь...» Неслучайно, Александр обращаясь к Арине Родионовне называет ее не только «няней», но и «мамушкой». Об удивительных отношениях Арины Родионовны и Александра Сергеевича сохранился рассказ Михайловского кучера Петра Парфенова: «Как только Пушкин вставал, бежал к няне и спрашивал: „Здорова ли, мама?“ Он все ее „мамой“ называл. А она ему, бывало, нараспев „Батюшка, за что ты меня все мамой зовешь? Какая я тебе мать?“ И уж чуть старуха занеможет там, что ли, он уж все за ней».

На этот счет интересны разъяснения писателя-историка Льва Виноградова: он считает, когда все вокруг говорили на французском и Саша Пушкин в том числе, то мама на русском — означало Матап на французском (с ударением на последний слог), в котором «п» не слышится

и которое означало не только родную мать, но и вообще старшую женщину, наставницу. К такому употреблению был приучен и поэт. Да и в московском говоре мама ударение на вторую «а», было равнозначно с няней. Поэт посвящает няне несколько стихотворений, одно из них так и называется «Няне»:

...Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

Или стихотворение «Зимний вечер»:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь она завоет,
То, заплачет как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна,
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?..

Бабушка Мария Алексеевна Ганнибал и няня Арина Родионовна Яковлева-Матвеева прожили бок о бок более тридцати пяти лет. Эти две женщины охраняли детство Саши Пушкина. Они окружили его нежностью и лаской, научили любить русский язык, русскую природу, русского человека, народное творчество, родную историю. Между собой они были связаны так близко, что в сознании поэта воспоминания о них соединились в один пленительный образ. Для юного поэта няня и бабушка были музой его детства. Довольно редко, когда муза посещает поэта в двух образах! В стихотворении «Сон», в один дорогой образ слились бабушка и няня:

*Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы,
От ужаса, не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало,
Все в душу страх невольно поселяло.
Я трепетал – и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.*

Сюда же можно отнести и стихотворение «Наперсница волшебной старины»:

*Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны
Во дни утех и снов первоначальных.*

*Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон.
Ты отрока беспечного любила
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила...*

О влиянии этих двух замечательных женщин на его жизнь и творчество лучше самого поэта никто не мог сказать: «Настоящей же, чистой русской речи я прежде всего научился от няни своей да от бабушки. Няня эта, Арина Родионовна, просто я вам скажу клад! Вынянчила нас всех: и сестру, и меня, и брата, да такая мастерица говорить сказки, былины народные, что слушаешь — не слушаешься. Пословицы, поговорки у нее сыплются, как из рукава. Если грядущее поколение будет чтить мое имя, должно быть не забыта и эта бедная старушка. А покойная моя бабушка, женщина также вполне русская и хорошо образованная, знала пропасть разных преданий, исторических и семейных, и я, бывало, по целым часам просиживал в ее рабочей комнате: все слушал, развесив уши, ее бесконечные рассказы. Если после всего этого из меня не выйдет поэта, то тут уж, право ни няня, ни бабушка не виноваты».

Кроме бабушки Марии Алексеевны и няни Арины Родионовны, самое непосредственное участие в мужском воспитании Александра Пушкина принял «дядька» Никита Тимофеевич Козлов. О нем тоже небольшая история. В господских семьях к мальчикам приставляли «дядек». Эти чужие люди любили чужих детей, как своих, отдавая им все, на что способна русская душа.

Никита родился в 1778 году в Болдино-Нижегородской вотчине Пушкиных. Он был крепостным. Самостоятельно обучился грамоте, играл на балалайке, гитаре, был творческой натурой. В 17 лет его возвели в ранг камердинера — слуги при Сергее Львовиче в дворянском доме.

В 1805 году Сергей Львович объявил Никиту «дядькой» Саши Пушкина, который также переехал из Москвы в Захарово.

Дядьке Никите поручили привести физическое состояние Саши в соответствие с его возрастом и по мере своей грамотности помочь в знании азов арифметики. Мария Алексеевна выговаривала своему внуку: «...Опять же сегодня Никита жалился на тебя, что опять изволил посредственно арифметикой заниматься...» Никита Тимофеевич, как и Арина Родионовна, обучал Сашу и русскому языку, но не литературному, а языку местному. Конечно, этому нельзя обучить, просто они разговаривали с ним на этом простом народном языке. Муж Ольги Сергеевны (сестры Александра Пушкина) Л. Н. Павлищев называет его «доморощенным стихотворцем и рассказывает по семейным преданиям, как он сочинил из народных сказок нечто вроде баллады о Соловье-разбойнике, богатыре Еруслане Лазаревиче и златоголовой царевне Милактрисе Корбитьевне». Никита умел увлечь маленького слушателя своими былинами и сказками, присочиняя интересные повороты от себя: как победил лесное чудище, избавил царство Вахромея от трехглавого морского змея богатырь. Никита Тимофеевич делил с Пушкиным все тяготы его жизни. Следовал за баринком во все его путешествия, даже в южную ссылку.

Александр Сергеевич ценил эту дружбу. Есть свидетельство, когда Пушкин жил в Петербурге, на Фонтанке, в этом же доме на другом этаже жил его друг М. А. Корф. У Корфа был свой лакей, с которым Никита повздорил. Корф вышел на шум и побил слугу Пушкина. Когда Никита пожаловался барину на то, что его побил Корф, Пушкин, недолго думая, вызвал друга на дуэль. Корф, ответил: «Я не принимаю вашего вызова по столь ничтожному поводу...» На том и покончили. То есть отношения барина и слуги были довольно близкими.

Никита Тимофеевич справился с поставленной задачей: научил плавать, ходить пешком на большие расстояния, ездить верхом на лошадях; зимой научил кататься на коньках, привязанных на валенки, играть в снежки, кататься с горок на санках. Вольная жизнь в деревне, относительно большая свобода в распорядке дня, живые и интересные игры превратили Александра из неповоротливого ребенка в загорелого озорного мальчугана, уверенного в собственных силах, почувствовавшего

себя ровней с крестьянскими сверстниками. Если сначала он стоял и смотрел на игры крестьянских ребятишек, то за пять лет пребывания в деревне уже полноправно участвовал во всех играх. Юный Саша часто убегал к крестьянским мальчишкам (вместе со Степаном — сыном Арины Родионовны) и играл с ними в разбойников, в войну. А то, вообразив себя сказочным богатырем, победителем волшебного змея, носился по полям и лугам, палкой сбивая головки цветов, точно снимал головы чудищ. Он сам писал об этом Петру Войновичу Нащокину¹.

По воспоминаниям современников, у Пушкина была большая дружба с крестьянами и дворовыми. Помощница няни вспоминала: «Добр-то, добр уж как был к прислуге, куда равнять с сестрицей!» Крестьяне принимали Пушкина и не смотрели на него с опаской, как на барчука. Отцы и деды крестьянских ребят рассказывали ему свои сказки и были. Потом из этих впечатлений, видимо, и вырастали прекрасные произведения о народной жизни.

В Захарово он познакомился с новыми для себя детскими играми. Если пятнашки, жмурки и прятки ему были известны по играм в городе, то кубари, бабки, лапта, горелки стали для него открытием.

Кубарь — это наш волчок. Он вытесывался из деревянного цилиндра диаметром от 4 до 8 см и высотой от 5 до 11 см, путем стесывания нижнего конца до формы конуса. Он раскручивался руками. Для ребят старшего возраста кубарь в размерах увеличивался и раскручивался не большим кнутиком (веревочкой) до быстрого и устойчивого вращения. У кого дольше кубарь крутится, тот и победитель. Играть можно летом на ровной площадке на улице, а зимой в доме на полу. В ней могут участвовать как дети, так и взрослые. Игра настолько Пушкину запомнилась, что он вспоминал об ней в стихотворении «Городок»:

...В трагическом смятенье
Плененные цари,
Забыв войну сраженья,
Играют в кубари...

¹ П. В. Нащокин ближайший друг Пушкина, воспитывался в Благородном пансионе при Царскосельском лицее совместно с братом поэта Левушкой.

Бабки — специально обработанные кости суставов ног коров. У каждого игрока должна быть своя бита и 8–10 бабок. Определяется условное расстояние, бьют битками. Если сшибут бабки на кону стоящие, то они переходят победителю.

В горелки играли девушки и холостые парни. Водящим выбирался парень и ловить он мог только девушку, так что игра давала возможность знакомиться, выбирать невесту. Эту игру Саше просто нравилось наблюдать.

Лапта — старинная русская игра. Характеристику ей дал писатель Александр Куприн: *«Это народная игра. В лапте нужны находчивость, внимательность, изворотливость, быстрый бег, меткий глаз, твердость удара руки и вечная уверенность в том, что тебя не победят...»* При Петре I игру стали применять как средство физической подготовки солдат Семеновского и Преображенского полков. Лапта — состязание двух команд. Цель атакующей команды — ударом биты (цельнодеревянная плоская лапта) послать мяч в поле, перебежать его до противоположной стороны и вернуться обратно, не дав себя «засалить», то есть прикоснуться мячом. Цель команды защиты — не дать соперникам сделать перебежки. Защитники должны поймать мяч и засалить соперника. Выигрывает команда, набравшая больше очков за установленное время.

Игра в лапту тоже запала в душу Пушкину. При повторном посещении деревни Захарово, увидев взрослых мужиков — тех самых крепостных сорванцов, — он вспоминал, как в детстве с «потешными» играл в лапту.

Уместно будет заметить, что и Паша Бажов в детстве очень любил с мальчишками играть в бабки и лапту.

В Захарово Саша Пушкин впервые проявил смелость и встал на защиту дворового пса Соколки, когда крестьянский мальчишка дразнил и пнул его. Саша подрался с ним. И победил! Вот оно — мужское воспитание!

В свободное время Александр не только играл или слушал сказки и народные предания, но также вместе с дядькой ходил на народные гуляния. Захарово — это типичное русское селение, в котором регулярно проводились народные праздники с хороводами и песнопениями, все это впитывал в себя будущий поэт. В деревне праздники были наряднее,

красочнее, сказочнее и не шли ни в какие сравнения с гуляньями в городе. Зимой Пушкин стал свидетелем празднования Рождества, Крещения, Святка. От бабушки и няни он узнал всю прелесть этих зимних обрядов.

В те далекие времена посещение церкви в воскресные и праздничные дни было обязательным для всех сословий русского общества. В Захарово, как я уже указывал, церкви не было. Ближайшая церковь, которую посещала семья Пушкиных — Преображенский собор — находился в двух верстах от Захарово, в селе Большие Вяземы.

При Иване Грозном Вяземы были последней почтовой станцией перед Москвой. Здесь путешественники отдыхали, иностранных послов встречала русская почетная свита, чтобы торжественно сопровождать в Москву. В конце XVI века древнее село было подарено царем Федором I Иоанновичем его шурина Бориса Годунову. При Борисе Годунове был построен пятиглавый храм. Потом село ненадолго перешло Лжедмитрию, а затем к династии Романовых.

В 1694 году Петр I подарил имение Вяземы «цареву дядьке» Борису Голицину, своему воспитателю и спасителю при восстании стрельцов. При первом посещении Сергей Львович поведал эту историю Александру. Он рассказывал, что здесь на стенах пятиглавого храма еще сохранились надписи на польском языке, нацарапанные кем-то из свиты самозванца Лжедмитрия.

Когда Александр впервые увидел поместье Голицыных — оно его очень впечатлило:

*...Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразца.*

В годы, когда здесь бывали Пушкины, владельцем усадьбы был московский генерал-губернатор Дмитрий Владимирович Голицын, с которым Мария Алексеевна Ганнибал была в родстве. Пушкины

после церкви обязательно заходили в гости к Голицыным. Саша был поражен библиотекой Дмитрия Владимировича, она находилась в нижнем большом зале с камином и занимала место от пола до потолка по всем стенам зала. Здесь было несколько тысяч книг! Саша осмелился и попросил разрешения посмотреть книги. Голицын не только разрешил посмотреть, но и разрешил понравившиеся взять с собой в Захарово. На первый раз он взял «Оды» Горация и том комедий Дениса Фонвизина. Так Александр стал постоянным читателем библиотеки Голицыных в течение всех пяти лет проживания в Захарово.

В более зрелом возрасте, Пушкин вспоминал, как внук Дмитрия Владимировича Голицина рассказывал ему домашний анекдот про свою бабушку Голицину Наталью Петровну. Наталья Петровна была яркой представительницей аристократии XVIII века. В молодости она блистала в Париже и Марселе при дворе королевы Марии-Антуанетты. Как-то парижский «искатель приключений» Сен-Жермен сообщил ей выигрышные карты: тройку, семерку, туза. В результате этот эпизод лег в основу «Пиковой дамы». Другие историки доказывают, что сам внук, когда в очередной раз проигрался в карты, то пришел к бабушке просить денег в долг. Денег она не дала, но назвала три карты, которые позволят ему взять кон.

Кроме того, Вяземы запомнились будущему поэту и воскресными базарами, куда съезжались крестьяне и мелкопоместные дворяне из окрестных деревень. Устраивались гульбища, ставились балаганы, в которых выступали фокусники, силачи, акробаты, устанавливались катальные горки, качели, скоморохи ходили на ходулях, цыгане приезжали с медведем и расхаживали с ним по базару. Наливали сбитень — это кипяток с патокой в больших медных самоварах. Маленький Пушкин, широко раскрыв глаза, смотрел на эту пеструю толпу и слушал живую народную речь. Но самое главное — на ярмарке покупались го-стинцы. Как правило, это деревянные игрушки и глиняные свистульки в виде зверей и людей. Звуковая игрушка — глиняный соловей, внутрь которого наливали воду. Птичка устроена так, что, подув в хвост, можно услышать соловьиные трели.

Кроме того, на ярмарке устанавливались специальные печи для выпекания пряников. Медовый хлеб — так именовались пряники до XI-

XII века. Слово пряник происходило от слова пряности, то есть «сухие духи» — семена душистых трав имбиря, корицы, душистого перца, которые непременно добавлялись в тесто. Первые пряники представляли смесь ржаной муки с ягодным соком и травами. Пряники были лепные, вырезные и печатные. Печатными их называли потому, что их и в самом деле печатали: как книги — с формовочных досок. Доски были фигурные, с вырезанными на них птичками, зверушками, рыбой, теремами, двуглавыми орлами, всадниками и конями. Пряничные доски вырезались из березы, груши и накладывались на тесто, отпечатывая на нем изображенные фигурки, которые затем вырезались из медового теста. Выпекали, а затем еще горячими обильно украшали узорами — глазурью из белого или розового сахара. Были даже украшения со специальной позолотой — сусальным золотом. Это придавало им сказочный вид. На некоторых пряниках присутствовали надписи: «Папенка купити», — или «Маменка купити», — но они стоили дороже. Существовала даже поговорка в те времена: *«Мы люди неученые, едим пряники не писаны»*.

Пряники присутствовали как в крестьянской семье, так и на царском столе. Известно, что по случаю рождения Петра Великого, для «соблюдения обычая» самое видное место в Грановитой палате занимали пряничные коврижки. Одна из них была с гербом Московского государства.

Вот как раз пряники и отложились в ребячьей памяти. Настолько они запомнились, что потом будущий поэт будет угощать печатными пряниками героев своих произведений. Так, в «Сказке о рыбаке и рыбке», старуха-царица заедает печатным пряником, а в «Сказке о царе Салтане» упоминается целый «пряничный» город.

Главное, что определяло все детские русские, народные игрушки — это простота их изготовления. Практически любой отец, старший брат могли вырезать из дерева кубарь, лапту, лошадку, а дочери, сестре — куклу, которую она потом наряжала в лоскутки материи. Русским куклам не рисовали лица и глаза. Кукла без лица считалась неодушевленным предметом, недоступным для вселения в нее злых сил.

Внимательный читатель наверняка заметит, что мы говорим только о жизни Саши Пушкина в весенне-осенний период в селенье Захарово. А зима 1806, 1807, 1810 года? Ведь Саше исполнилось уже семь лет!

Опять же по дворянским обычаям, с семи лет ребят начинают воспитывать как маленьких взрослых, нанимают учителей, расписывают день по минутам, а в двенадцать лет детей уже отдавали в различные учебные заведения, причем к этому времени они должны были знать не менее трех иностранных языков. Начинается более детальное изучение всех предметов, необходимых для получения всеобщего образования. Представляете, какая двойственность возникает в воображении будущего поэта? Захарово — это разговор на русском языке, вольготное проведение времени, а в Москве опять французский, строгий распорядок дня. Так и было на самом деле. Ведь недаром, историк и литературный критик В. В. Вересаев отмечал, что в жизни Пушкин нередко отображал данное лицо или событие, впечатлением диаметрально противоположным тому, какое он отображал позднее в поэтической обработке.

Но одно оставалось постоянным: чтение книг. Страсть к чтению у Пушкина сохранилась на всю жизнь. В произведениях Пушкина мы находим доказательство того, что он был очень начитанным человеком. Но читать можно по-разному. «Чтение (само по себе) — ничто; чтение осмысленное — кое-что; чтение осмысленное и прочувствованное — совершенство», — так говорил немецкий ученый Миллер, а Жуковский, ссылаясь на него в беседе с юным Пушкиным, добавлял: «Я, друг мой, говорю это тебе не в укор... Я сам только с летами научился читать как следует».

Есть мнение, что у детей, пристрастившихся рано к чтению, проявляются попытки к авторству, и это быстро становится известно — семье, потом друзьям семьи, затем всему кругу общения. В подтверждение этому, в доме у графа Бутурлина на балах, молодые фрейлины с альбомами в руках окружали юного автора понравившихся им стихов и просили «хоть что-нибудь написать для них в альбом». И это в 8 лет от роду! В 9 лет Пушкин импровизировал комедии Мольера, написав пьесу «Похититель», а ознакомившись с Лафонтеном, стал писать басни. Начитавшись «Генриады» — задумал написать поэму «Толиада», — только не героическую, а шуточную. И все это, конечно, на французском языке. На критические замечания единственного слушателя в домашнем театре — сестры Ольги, писал на себя эпиграммы: «Скажи, за что партер освистал моего „Похитителя“? Увы! За то, что бедный автор

похитил его у Мольера», или просто сжигал рукописи, как это было с «Толиадой». Дядя ему твердил: «Не выйдет из тебя русского стихотворца». Но это только закаляло будущего поэта. Он только еще больше продолжал читать. Так, в раннем детстве Саша начинает знакомиться с русской поэзией конца XVIII начала XIX века: с комедией «Недоросль» Фонвизина, а также его «Выбором гувернера», «Посланием к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке»; «Царь-девицей» Державина; «Добрыней» Николая Львова; богатырской сказкой «Илья Муромец» Карамзина; богатырскими повестями: «Алеша Попович», «Чурила Пленкович» Николая Радищева (сына); с баснями: «Квартет», «Проказница-мартышка», «Слон и моська», «Мартышка и очки» Крылова;

Лето 1810 года стало для Пушкина последним в детстве, проведенным в селении Захарово, что он и выразил в стихотворении «К Дельвигу»:

*...В младенчестве моем я чувствовать умел,
Все жизнью вокруг меня дышало,
Все резвый ум обворожало
И первую черту я быстро пролетел
С какою тихою красотою,
Минуты детства протекли...*

Себя же в романе «Евгений Онегин» он охарактеризовал так:

*...Порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив...*

Захаровские годы жизни Александра Пушкина считаются периодом получения азов образования, формирование духовного начала, собственного миропонимания, знакомство с историей рода Ганнибалов и Пушкиных. В Захарово Саша учился видеть и познавать красоту природы родного края. Чудесная и поэтическая природа Подмосковья, относительно большая свобода в распорядке дня, возможность более близкого общения со сверстниками, новые интересные игры, рассказы о старине —

все это несказанно увлекало мальчика, расширяло его кругозор. Долгие прогулки очаровывали его, он любил мечтать, лежа в высокой траве, слушать пение птиц. Таким образом, с раннего детства юный поэт учился понимать и замечать прелесть тихой, задумчивой природы, которая не могла не вдохновлять его. В дальнейшем Пушкин стал первым русским поэтом, глубоко оценившим трогательную, задумчивую красоту родной природы, и он смело ввел образ родной природы в свое творчество, дав ее выразительное описание.

Любовь поэта к русским сказкам и их персонажам, как и к былинам, старинным преданиям, обрядам, народным гуляниям, праздникам, тоже зародились в Захарово. Он наблюдал, как после тяжелого трудового дня на господском дворе девушки водили хороводы и пели песни, как нищие и слепые «Лазаря тянули»¹ на паперти. Тем самым, мы начинаем понимать, что благодаря детским беседам с бабушкой, няней, дядькой, господской дворней, знакомству с произведениями русских писателей и поэтов, юный Пушкин начинал проникать в русское народное творчество, жизнь простого народа, его обычаи и речь. А семейные предания и поездки по окрестностям дали первые исторические знания и разбудили в нем воображение.

¹ Лазаря петь, тянуть означало: прикидываться несчастным, жаловаться на свою судьбу.

Куда бы нас не бросила судьбина,
И счастье куда б не повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

Александр Пушкин

Часть 3

«Пушкин Сашка» в Царскосельском лицее

1811–1817 гг.

Мы говорим: Царское Село — вспоминаем Пушкина. Вспоминаем Пушкина — называем Царское Село. А какова история возникновения Царского Села?

Известно, что истоки его уходят еще во времена Бориса Годунова, когда любое поместье называлось — «Сарица». После победы над Швецией и постройкой Санкт-Петербурга Петр I стал заселять близлежащие пригороды столицы русскими людьми. Преимущественно они селились на местах, ранее обжитых финнами и шведами. Вот таким местом и явилась Сарская мыза¹ одного шведского подданного.

В 1710 году Петр I своим указом передал ее своей будущей жене: «...отдать Катерине Алексеевне Саарскую и Словенскую мызы с принадлежащими к ним деревнями со крестьянами и со всеми угодьями», находящимися в двадцати двух верстах от Санкт-Петербурга. В усадьбу вошли: деревянные хоромы, сад, конюшенный, скотский и птичий дворы, служительские дома и всякие «заводы». Для устройства усадебного хозяйства он перевел из Суздальской и Владимирской вотчин 1000 человек, от которых началось русское население мызы. А вот с постройкой и освящением в 1716 году первого православного храма Успенья Пресвятой Богородицы, Сарская мыза стала называться селом Сарским.

Существует легенда, что для русских крестьян, название Сарское было не знакомое и тогда в обиходе, они стали называть село Царское, которое впоследствии прижилось на века.

¹ Saris holf — возвышенное место.

В 1718 году Екатерина Алексеевна начала строить каменный дворец. Появился обширный сад (в дальнейшем его будут называть Старый сад) с прудом, и село Царское превратилось в загородную императорскую резиденцию.

В 1727 году, по завещанию матери, село Царское унаследовала цесаревна Елизавета Петровна. Первым шагом ее было начать строительство Знаменской церкви. Однако массовое строительство Елизавета Петровна смогла начать только, став императрицей в 1742 году. Были построены два новых парковых павильона — охотничий Монбазу и Эрмитаж, с выдвигающимися столами. Расширен Старый сад и запланирован Новый сад. Облик дворцово-паркового ансамбля дополнили здания на Садовой улице — жилые Кавалерские дома, конюшни, оранжереи. На Царскосельской дороге построили два путевых дворца.

Самое грандиозное строительство и реконструкция Царского Села начались с приходом к власти в 1762 году Екатерины II. Неспроста ее стали в дальнейшем называть Екатериной Великой. Ей принадлежат реконструкция и усовершенствование Старого дворца Екатерины I (Большой дворец расширился за счет пристроек Агатовских комнат, Камероновой галереи, Великокняжеского корпуса и надстройки Церковного корпуса); устройство нового «английского сада»; возведение Баболовского и Александровского дворцов; возведение более пятидесяти парковых сооружений — павильонов, памятников, мостов, каскадов, пристаней. К путевым елизаветинским дворцам она прибавила Чесменский парковый ансамбль. Царскосельскую дорогу до реки Фонтанка украсили двадцать две верстовые пирамиды из мрамора. Первую версту отметил мраморный столб с солнечными часами и цифрами, обозначающими расстояние от Царского Села до Петербурга. Купола императорского дворца блистали покрытые червонным золотом. Роскошь и величие видны были во всем, красота дворцового комплекса подчеркивала величие России, особенно после победы над прусским королем.

Земли царскосельских крестьян окружали дворцово-парковый ансамбль с дворцовой слободой. Не имея четкого разграничения, они присоединялись к парку и городу, где находились обывательские и частные дома обслуживающего персонала, а также казенные дома. Екатерина II

посчитала, что они живут слишком близко от императорского дворца и их нужно переселить подальше. С этой целью в 1780 году Екатериной II, при рождении названной Софией, издается указ: «Об учреждении семи уездов Санкт-Петербургской губернии. При селе Сарском по правую сторону новой дороги Новгородской, по левую к Порхову идущей, устроить город под названием София». Был возведен Софийский собор, и Софии был предан статус уездного города. Основную часть уезда занимала вотчина, село Царское с дворцовой и крестьянскими слободами. По плану переселения должны были остаться только два квартала по Садовой улице с Кавалерскими домами и хозяйственными постройками.

Сын Екатерины II Павел после ее кончины не проявлял интереса к загородной императорской резиденции. Казенные здания, а это Манеж и Конюшенный двор на Садовой улице, он предоставил лейб-гвардии Гусарскому полку, а в Софии для него построили новые казармы.

Градостроительные преобразования начал осуществлять его сын Александр I, который стал императором после смерти Павла Петровича в 1801 году. Он расширил площадь парков до семисот гектаров. Царскосельскую дорогу украсил парадный архитектурный ансамбль из пяти декоративных фонтанов. Создал новый Пейзажный парк, за которым начинался город София. Александр I обратил внимание на понижение статуса Царского Села, на огромные средства, необходимые для постройки новых каменных домов в Софии и переезда жителей, которые также особого желания к переезду не проявляли. В 1808 году Александр I своим указом город Софию соединил с Царским Селом, придав Царскому Селу статус города. Город Царское Село разделился на две части, каждая из которых была поделена также на два квартала. Первая часть — это старая дворцовая слобода. В 1810 году было уже возведено двадцать восемь новых каменных домов. Кирпичный завод находился во второй части — в Софии.

Преобразования продолжились после окончания войны. София стала особой территорией Царского Села, приспособленной для размещения воинских казарм вернувшейся из заграничного похода гвардии. Улицы Софии получили названия — Гусарская, Кирасирская, Стрелковая, Гренадерская, Гвардейская.

Вот в таком замечательном месте, с 1811 по 1817 годы, предстояло проживать Саше Пушкину, получая образование в Царскосельском лицее.

1811 год — это год, когда от домашнего образования нужно было переходить к более основательному образованию. Родители Саши, Сергей Львович и Надежда Осиповна, наиболее подходящим, считали Петербургский иезуитский коллегиум¹, куда аристократическая знать отдавала своих детей на учебу. Это было самое «модное» на тот период учебное заведение, где все предметы преподавались на французском языке. А то, что за малейшие проступки в нем воспитанники лишались свободы и пищи, подвергались телесному наказанию, не принималось во внимание. Кроме того, обучение было платным — тысяча рублей в год. Пушкины специально ездили в Петербург для устройства сына и переговоров с директорами заведения. В это же время дядя, Василий Львович Пушкин, от друга семьи, влиятельного петербургского чиновника, директора Департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий Александра Ивановича Тургенева, узнал об открытии под Петербургом Царскосельского Лицея — привилегированного учебного заведения под патронажем императора Александра I, куда принимались только мальчики 11–14 лет из знатных дворянских семей. «Надо отдать его в лицей», — посоветовал дяде Тургенев и продолжил: «Там будут воспитывать по новой методике, может быть великие князья будут там». Александр Иванович пообещал замолвить словечко статс-секретарю императора, обер-прокурору Святейшего Совета, главному управляющему иностранными исповеданиями, члену Государственного совета, князю Александру Николаевичу Голицину.

Слово — «лицей» произошло от названия одной из частей древнего города Афины², где располагался знаменитый храм Аполлона, покровителя поэтов и художников, в прекрасном саду которого, «под сенью деревьев» Аристотель делился знаниями со своими учениками. Царский Екатерининский дворец с его великолепным садом стал образцом для размещения в нем нового учебного заведения — Александровского

¹ Учебное заведение закрытого типа с пансионом для отпрысков знатных фамилий.

² Лат. *Lyceum*

Лицея. Предназначение Императорского Царскосельского лицея — подготовка государственных служащих. А это означало освоение придворных манер, дипломатии, этикета и правил общественного поведения в кругу высшей аристократии.

Обучение в Лицее было бесплатным. Требовалась только протекция на уровне высшей знати, дворянский титул родителей или отличные знания и сообразительность. Сдача экзаменов по всем основным предметам не стояла во главу приема. Может не здесь хотелось получить свое образование Саше Пушкину, но так распорядилась судьба — желание родителей и дяди. Между прочем, и Паше Бажову не хотелось учиться в духовном училище и духовной семинарии, но желание родителей и их финансовое положение, определили его выбор.

Директором Лицея, по рекомендации государственного секретаря Государственного совета Российской империи — графа Михаила Михайловича Сперанского, фактически второго лица после императора, был назначен статский советник, выпускник философского факультета Московского университета Василий Федорович Малиновский, хорошо известный братьям Пушкиным. Все складывалось настолько удачно, что Сергей Львович попросил брата, Василия Львовича, взять под опеку племянника и подготовить его для поступления в Царскосельский Императорский лицей, так как он лично был знаком с основателем лицея М. М. Сперанским, А. И. Тургеневым и министром юстиции И. И. Дмитриевым, с которым входил в первую литературную пятерку Москвы, как с литератором-баснописцем по призванию.

...Сергей Львович попросил брата, Василия Львовича, взять под опеку племянника...

Василий Львович увез Сашу в Петербург и все лето у себя дома лично занимался его подготовкой к экзаменам.

Приемный экзамен проходил на квартире министра народного просвещения графа Алексея Кирилловича Разумовского. Сказать, что Саша не волновался, значит, ничего не сказать, но он помнил напутствие дяди: *«Первое условие — не падать духом!»* Конечно, переживал, ошибался, путался в ответах, но в целом экзаменаторы сочли его знания удовлетворяющими требованиям. Подводя итоги, Граф Разумовский не скрыл своего одобрения: *«Что вы учили по обязанности, то усвоили плохо, а что читали без спроса, то усвоили прекрасно»*, — и, обернувшись к директору Малиновскому, прибавил вполголоса: *«Я рекомендовал бы вам, сударь мой, обратить на сего птенца особое ваше внимание, он сколь не обуздан, столь и даровит...»*

Из тридцати восьми абитуриентов в Лицей было принято тридцать, в том числе Александр Сергеевич Пушкин. У кого-то было начальное или домашнее образование, как у Пушкина. Только отличник Московского пансиона, сын бедного гусара Владимир Вольховский, был принят за свои отличные знания всех предметов. Тем самым, неравенство в познаниях лицеистов было налицо.

На открытие Лицея 19 октября 1811 года прибыл император Александр I с семьей и всеми придворными. Директор представил ему весь преподавательский состав. Впервые для учебного заведения такого ранга были подобраны не преподаватели-иностранцы, а русские педагоги. Это были лучшие выпускники Санкт-Петербургского педагогического института, причем получившие до института духовное образование в семинарии, а некоторые прошли еще обучение в Германии и Франции. Основные предметы преподавали молодые учителя не старше тридцати лет.

Русский язык как предмет отсутствовал, взамен была введена дисциплина — французская и русская словесность. Первым учителем словесности, как я уже отмечал, был профессор латинской и русской словесности Николай Федорович Кошанский, 1784 года рождения, который также обучал лицеистов стихосложению и критически разбирал их стихотворения. Правда, Пушкин называл его «угрюмым цензором».

Вторым учителем русской и латинской словесности, на время болезни Кошанского, стал Александр Иванович Галич, 1783 года рождения. Он вел себя с молодыми людьми как товарищ, добрый приятель, устраивал для лицеистов философские диспуты и соревнования по ораторскому искусству. Пушкин называл преподавателя «другом мудрости».

Преподавателем нравственных и политических наук был профессор Александр Петрович Куницын, 1783 года рождения. Это был один из любимых учителей большинства лицеистов. Пушкин позднее посвятил ему строки, в которых говорил о влиянии Куницына на воспитание и нравственное становление лицеистов:

*Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада зажжена...*

Один из воспитанников вспоминал: *«Пушкин охотнее всего занимался в классе у Куницына»*.

Преподавателем истории и географии был профессор Иван Кузьмич Кайданов, 1780 года рождения. Лицеисты слушали его с интересом и вниманием. Он не обижался на всевозможные шалости на занятиях. Был доброжелательным человеком.

Преподавателем физики и математики был профессор Яков Иванович Карцев, 1784 года рождения. Лицеисты его недолго любили. Чаще всего на его уроках они готовились к другим предметам или писали стихи.

Карцев, Куницын и Кайданов вместе окончили Петербургский педагогический институт, их также вместе отправляли за границу для подготовки к профессорской деятельности.

Учителем чистописания был Фотий Петрович Калинин, 1788 года рождения. Целью его была выработка у лицеистов красивого каллиграфического почерка.

Законоучителем православного вероисповедания был Николай Васильевич Музовский, 1772 года рождения. Известно, что он был духовником Александра I. Закон божий был обязательным предметом во всех учебных заведениях того времени. Под его руководством, кроме плановых

занятий, лицеисты самостоятельно читали Библию, а в воскресные и праздничные дни обязательно присутствовали на богослужении и посещали занятия по духовному пению.

Учителем рисования был Сергей Гаврилович Чириков, 1776 года рождения. Он нравился лицеистам, потому что любил сочинять стихи. Они часто собирались у него на квартире, на верхнем этаже Лицея, для чтения стихов.

Учителем музыки и пения был Темпер де Фергюсон, 1768 года рождения. Польский музыкант и композитор — автор музыки прощальной песни лицеистов (стихи Дельвига: «Шесть лет промчались, как мечтанье...»). Воспитанники с удовольствием посещали его лекции. К тому же он организовал лицейский хор, который сплавивал ряды лицеистов.

Учителем французской словесности был Давид Иванович де Будри, 1756 года рождения. Настоящая его фамилия была де Будри-Марат. Он не скрывал, что его старший брат Жан Поль Марат являлся лидером Великой французской революции. Напротив — гордился и много хорошего рассказывал о Революции и ее вождях. Такая откровенность очень нравилась Пушкину.

Учителем фехтования был Алекс Вальвиль, 1750 года рождения. Он приехал из Франции в конце XVIII века. В России его стали величать Александром Васильевичем. Рассказывают, что Александр Дюма (сын) написал свой роман «Учитель фехтования», используя факты биографии Вавиля. Самым выдающимся учеником в фехтовании среди лицеистов он считал Александра Пушкина.

Специалистом по военным наукам был генерал-майор, профессор Алексей Михайлович Пушкин, 1771 года рождения, дальний родственник Александра Пушкина.

Единственным, кто был принят в Лицей по протекции, был преподаватель немецкого языка и литературы, австрийский подданный Фридрих Леопольд Август фон Гауэншильд. Его покровителями были попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, граф Сергей Семёнович Уваров и министр народного просвещения Алексей Кириллович Разумовский. Причем лекции он читал на французском языке (якобы не знал русского). Воспитанникам приходилось, сначала лекции

самостоятельно переводить на русский язык, а затем с русского на немецкий. Лицеисты считали его немецким шпионом и ненавидели. Он был злым, ехидным, насмешливым и злопамятным. Бывший лицеист Александр Горчаков впоследствии вспоминал, что ребята называли его «голодным водяным змеем» из-за того, что он постоянно жевал лакрицу (сладкий корень). Сегодня мы бы назвали это жвачкой.

Кроме преподавателей, в штате Лицея были инспектор-надзиратель, гувернеры-воспитатели. Первым надзирателем по учебной и нравственной части (по-нашему завуч), с 1811 по 1813 годы был титулярный советник — Пилецкий Мартын Степанович, 1780 года рождения. Ушел с поста по требованию лицеистов (об этом позже).

Вторым инспектором по учебной и нравственной части с сентября 1814 года по протекции генерала артиллерии Главного начальника Императорской канцелярии графа Алексея Андреевича Аракчеева, был отставной подполковник артиллерии Фролов Степан Степанович, 1765 года рождения, назначенный для восстановления дисциплины. Исходя из перечисленного отношения лицеистов к преподавателям, видно, какое «рвение» к учебе проявлялось у вчерашней детворы. Но об этом еще впереди.

Графом М. М. Сперанским совместно с директором В. Ф. Малиновским был разработан Устав лицея. Вот некоторые выдержки из него:

- Лицей — закрытое учебное заведение.
- Принимаются дети дворян.
- Обучение шесть лет.
- Преподавателям и гувернерам нужно всегда говорить правду, ибо «лгать начальнику — значит не уважать его».
- Установлен запрет на телесные наказания воспитанников.
- В классе всегда садиться на том месте, которое назначено.
- Без позволения директора не читать никаких книг, кроме классных и тех, какие профессорами могут быть назначены.
- Во время прогулки не отставать от дежурного надзирателя и не опережать его.
- Запрещается близко подходить к незнакомым посетителям и начинать с ними разговор.

- Денег при себе никому из воспитанников не держать, а если случается, то отдавать их под содержание господину надзирателю или смотрителю за столом.
- Запрещается воспитанникам давать друг другу прозвища.
- Июль месяц есть время роздыха.

Кроме положений Устава, надзирателями-инспекторами выставлены еще и свои требования.

Выбор Царского Села, а точнее одного из флигелей Екатерининского дворца был не случайным. Он был возведен в 1792 году как флигель Екатерининского дворца между Церковным корпусом и Знаменской церковью. Из флигеля, над Садовой улицей, перекинули галерею с тремя арками, для удобной связи с царским дворцом. Первоначально здание предназначалось для детей Цесаревича Павла и называлось Великокняжеским корпусом. Затем уже, когда император Александр Павлович надумал дать европейское образование своим младшим братьям Николаю и Михаилу, флигель был перестроен сообразно нуждам учебного заведения. Но когда вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Александра I, узнала о его планах, то выступила против совместного обучения ее младших сыновей с детьми низшего сословия. Здание в 1810 году было передано министерству народного просвещения и по предложению Михаила Михайловича Сперанского в нем разместили Лицей. К сентябрю 1811 года он был окончательно перестроен: был сделан второй вход со стороны сада, подготовлено 50 комнаток для лицеистов: во внутренних поперечных стенах, были прорублены арки. Таким образом, образовался коридор с лестницами на двух концах, в котором с обеих сторон перегородками отделены были комнаты, печное отопление заменили на воздушное, а лампы освещения на масляные.

Первый этаж дома был отдан для проживания инспекторам, гувернерам, дядькам и некоторым другим чиновникам, служащим хозяйственного управления. На втором находилась большая столовая, больница с аптекой, конференц-зал с канцелярией. Третий этаж представлял собой небольшую школу с двумя учебными классами с кафедрами (один для занятия воспитанников после учебных лекций), физическим кабинетом, рекреационным залом для игр и занятием спортом, комнатой

для газет и журналов, библиотекой в большой арке, соединяющей Лицей с дворцом через хоры придворной церкви. На четвертом этаже размещались комнатки лицеистов, которые разделяли тонкие перегородки, не доходившие до потолка. Они упиралась в раму окна, деля его пополам; каждая половина имела свою форточку. Комнаты были под номерами, у Пушкина — № 14 и с одной стороны, у нее была глухая стена. Под высоким окном стоял столик, у стены — железная кровать и умывальный стол, у другой — комод с зеркальцем над ним, стул и конторка. На конторке стоял шандал¹ со щипцами, для снятия нагара с сальных свечей, а на гвоздях у дверей аккуратно были развешены полотенце и казенная амуниция постояльца. Сейчас представьте себе картину: комната длиной четыре метра и шириной полтора метра, Пушкин с коротко постриженными под гребенку волосами — правило лицея при поступлении — стоит у закрытого проволочной сеткой окошечка в дверях. В коридоре горят ночники во всех арках, а дежурный дядька медленно шагает по коридору. Ну как есть закрытое учреждение! В послании «К сестре» Александр так описывает свое пребывание в лицее:

...Увы! в монастыре
При бледном свеч сияньи,

Сейчас представьте себе картину...

¹ Подставка для свечей.

Один пишу сестре.
 Все тихо в мрачной келье,
 Защелка на дверях
 Молчанье враг веселья
 И скука на часах.
 Стул ветхий, необитый
 И шаткая постель
 Сосуд с водой налитый,
 Соломенна свирель...

Одна радость ожидала Сашу: на столике он обнаружил пряник печатный — угощение от придворного хлебопека, пояснил потом дядька. Кстати о дядьках¹, в штате лица их несколько было, помогали воспитанникам следить за чистотой в комнате: прибирали, чистили обувь, платья, меняли постельное и нательное белье. Белье на теле менялось два раза, столовое и постельное один раз в неделю. На белье у каждого была своя метка: номер и фамилия. По субботам водили в баню. В обязанности старшего дядьки входило после отбоя проверять, погасили ли свечи лицеисты перед сном, чтобы не читали ночью тайком, вот через эти решетки и подглядывал, затем докладывал руководству лицея. Кроме того, следил за достаточным количеством тетрадок, карандашей и перьев, вовремя доливал чернила. Проверял три градусника, чтобы в спальнях была тепла не больше, не меньше, как градусов 12–13, в столовой — 13, в классах — 13–14.

Распорядок дня, вспоминал лицеист Иван Пущин, был составлен с учетом правильных занятий с прогулками три раза в день, причем в любую погоду. Вечером в зале — мячик и беготня. Вставали по звонку в 6 часов. Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали вслух по очереди.

От 7:00 до 9:00 часов — занятия в классе;
 В 9:00 — чай с белой булкой, прогулка до 10:00;
 От 10:00 до 12:00 — занятия в классе;
 В 13:00 — обед, состоящий из трех блюд (в праздники из четырех);
 От 13:00 до 14:00 — вторая прогулка;

¹ Дядька — должность в лицее, аналогичная должности денщика в армии.

От 14:00 до 15:00 — или чистописание, или рисование.

С 15:00 до 17:00 занятия в классе;

В 17:00 полдник — чай с полубулкой, до 18:00 — прогулка; потом повторение уроков или вспомогательный класс;

С 18:30 до 20:30 подготовка уроков к следующему дню;

В 20:30 раздается звонок, созывающий к ужину. Ужин подавался из двух блюд (в праздники из трех);

С 21:00 до 22:00 рекреация¹;

В 22:00 вечерняя молитва и отход ко сну.

Для развлечений и занятием спортом Александр I предоставил «Розовое поле», когда-то любимое место прогулок Екатерины Великой, где в большом количестве цвели красивые розы.

Для коротких прогулок между занятиями лицеистам была отведена березовая роща напротив лицея. Позднее ее превратили в Лицейский сад, где воспитанники могли не только гулять, но и заниматься разведением цветов, сажать деревья и кусты.

Ранний подъем, аскетичное размещение, редкие встречи с родственниками, соблюдение лицейского Устава, занятия спортом, ежедневная учеба скорее всего походили на спартанское воспитание будущих государственных служащих. Однако наставники считали, что таким образом воспитанники приучались к дисциплине, им прививались полезные жизненные навыки, они находили связь между физическим воспитанием и формированием нравственного воспитания личности.

Паша Бажов тоже в «ученической квартире» столкнулся со строгим распорядком дня: ранний подъем, молитва, занятия в училище, обед, гуляние во дворе, подготовка к урокам следующего дня, свободное время, отбой. Вернувшись с уроков, ученики не могли без специального разрешительного билета уйти из квартиры. Нельзя было даже просто выйти за ворота на улицу. Это строго наказывалось. С пяти до девяти вечера шли «вечерние занятия», причем в первые два часа занятий строго запрещалось даже читать библиотечные книги — полагалось сидеть над учебниками, несмотря на то, что ты уже приготовил уроки. Надзиратели проверяли, как выполняются уроки и какое поведение

¹ Свободное время.

в свободное время. Случаи нарушения установленных порядков заносились в «квартирный журнал», который в конце месяца предоставлялся инспектору для выставления баллов за поведение. Тем самым, ученики также приучались к дисциплине и строгому исполнению распорядка дня. Инспектора ребята боялись и тоже ненавидели. Но у него была одна положительная черта, за которую ученики ему все прощали. Он любил книги и часто устраивал их чтение. Читали «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, рассказы Куприна. В училище Паша читал запоем произведения русских классиков, особенно А. С. Пушкина. Его творения открывали перед любознательным учеником целый мир патриотических образов, укрепляли в нем гордость за народ, показывали его силу и душевную красоту. Художественная литература стала неотъемлемой и ценнейшей частью духовной жизни юного Павла Бажова. А в духовной семинарии дисциплина была еще строже. Книги в библиотеке можно было читать только с разрешительной пометкой на них от начальства.

В Лицее также существовал запрет на чтение художественной литературы, считавшейся, «неподобающей», «непристойной». Пушкин привез с собой из дома книги популярного на тот момент Вольтера и французского драматурга Пирона, которые у него тут же отобрали, так как одобрялись только школьные учебники.

Руководством Царскосельского лицея все было продумано до мелочей, то есть расписание занятий было составлено так, что лицеисты были постоянно заняты. Распорядок дня лицеистами был принят безоговорочно, но на соблюдение строжайших требований инструкций у них были свои взгляды. Правда они еще не знали, что в стенах Лицея безвыездно им предстоит провести все эти годы, о чем им сообщили только через несколько дней после начала занятий. Даже на каникулах, которые предоставлялись всего на один месяц (июль) покидать учебное заведение тоже не разрешалось. Допускались свидания по воскресеньям и праздникам с ближайшими родственниками. Неприятно было наблюдать, отмечали лицеисты, как почтенных, уважаемых в светском кругу родителей, заставляли сидеть в общем зале и разговаривать со своими детьми. Иногда разрешалось выходить ненадолго погулять в Царский

сад. За свиданиями всегда наблюдал надзиратель Пилецкий Мартын, которого с первых дней учебы возненавидели лицеисты. Саша Пушкин однажды рассвирепел, когда увидел, как Пилецкий ухмылялся, глядя, как в приемной одиноко стоит его отец, поджидая сына.

Единственный случай, когда на самовольный выход из Лицея не было запрета, — это начавшаяся война Наполеона с Россией. О войне лицеисты узнали из опубликованного 13 июня 1812 года Александром I Манифеста. Иван Пущин вспоминал: *«Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея, мы всегда были тут при их появлении, выходили даже из классов, напутствовали воинов сердечно молитвой, обнимались с родными и знакомыми; усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита!»* А лицеист Иван Малиновский вспоминал, что после проводов гвардейских полков они «до того воодушевлялись патриотизмом», что забрасывали под лавки учебники французской грамматики. Проводы в армию русских полков разожгли в лицеистах патриотические чувства, некоторые из них даже рвались в бой. Вильгельм Кюхельбекер мечтал пробраться в лагерь французов и убить Наполеона. Он написал письмо матушке с просьбой разрешить ему участвовать в боевых действиях. На что получил ответ: *«Русские и так победят, а тебе необходимо получить образование»*, и добавила: *«Учись не быть никогда поспешным в суждениях и не соглашайся сразу с теми, которые порицают людей»*. Это относилось к пересудам по смещению с поста главнокомандующего русского войска — Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, родственника Кюхельбекера, который помог ему при поступлении в Лицей.

Каждый день в Лицее ожидали известий о ходе боевых действий, гордились защитниками Отечества, переживали за неудачи и радовались победам русской армии, читали списки убитых и раненых. Вместе переживали за Ивана Пущина, у которого в сражении с врагом погиб родной брат. Здесь следует отметить, что и Пушкин в своих стихах, посвященных войне 1812 года, сожалел, что ему не пришлось с оружием в руках защищать свое Отечество:

*Вы помните: текла за ратью рать
Со старшими мы братьями прощались*

И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Все лицеисты почувствовали себя частью огромной страны, которая находится в опасности, гордость за силу духа русского народа. Как говорят, беда объединяет людей. Лицеисты почувствовали свое единение, зарождение настоящей дружбы. В этом им помогали молодые преподаватели, которые поддерживали их, учили правильно следить за ходом событий и объясняли многое непонятное. Профессор Куницын разъяснял: «Французы сражаются в отдалении от своего Отечества. Мы сражаемся в родной стороне, наши войска прикрывают мирные хижинны, в коих жены, дети и старцы преклоняют колена перед Создателем и просят победы и избавления. Французы проливают кровь за дело своего тирана, мы же сражаемся за наше общее». Также Куницын предупреждал о недопустимости уступок по отношению к Наполеону.

Сведения о ходе боевых действий лицеисты получали из газет и журналов, которые доставлялись курьерами из Петербурга, а еще известия получали от родственников, которые чаще обычного стали приезжать к детям. Особенно переживали москвичи, когда в Москву вошли французы и в столице начались пожары. И какое было веселье, когда французские войска стали отступать. Начиналась зима, дорога на юг была отрезана. Наполеон, осознав критическую ситуацию, особенно после того, как он несколько раз просил Александра I о встрече, а тот просто игнорировал его, послал своего адъютанта к Михаилу Илларионовичу Кутузову с предложением о мирных переговорах.

Баснописец Иван Андреевич Крылов своей басней «Волк на псарне», откликнулся на миссию Ж. А. Лористона, через которого французский император сделал последнюю попытку заключить мир:

Друзья! К чему весь этот шум?
Я ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам совсем не ради ссоры,
Забудем прошлое, уставим обций лад!..

Последовал ответ старика-ловчего в басне:

А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой.

Из уст в уста в народе передавался ответ полководца: «Никаких переговоров: война только начинается — она впереди». Другого Кутузов не мог произнести, так как он хорошо помнил изречение Наполеона перед покорением Европы: «Через пять лет я буду господином мира. Останется одна Россия, но я раздавлю ее».

В июне 1812 года через российскую границу вошло около шестисот тысяч завоевателей. Кроме того, постоянно прибывали все новые и новые подкрепления из Европы взамен тех, что были уничтожены доблестными русскими воинами. Общая численность врагов достигала миллиона человек. Назад вернулись только двадцать тысяч. Когда солдаты русской армии после победы над Наполеоном возвращались из Франции, они проходили снова через Царское село. Лицеисты с восторгом встречали русских победителей. Празднование было всеобщим! Теперь уже звучала музыка, слышались смех и шутки. В газетах и журналах писались рассказы в виде анекдотов. В начале XIX столетия под понятием «анекдот» подразумевался короткий сатирический рассказ. Например: сразу после войны, если верить фольклору, в Петербурге в моду вошли ночные горшки, или, как тогда выражались, «ночные вазы», внутреннее дно которых украшали портреты французского императора.

Кроме того, появились карикатуры на неприятеля, которые усиливали мощь и непобедимость русских.

...в Петербурге в моду вошли
ночные горшки, или, как тогда
выражались, «ночные вазы»...

Французские
мародеры,
испугавшиеся
козы

Карикатура 1812 года стала вехой в развитии отечественного искусства. Именно на карикатурах и картинках для народа появились впервые русский мужик, русский солдат, русская изба и русская природа.

После того как войска Наполеона отступили за Неман, Россия была освобождена полностью. В приказе по армии М. И. Кутузов писал: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи, каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем».

23 ноября 1812 года Наполеон, бросив жалкие остатки своей армии, бежал в Париж. Появился такой анекдот. Когда император Наполеон достиг пограничной реки Неман, он вышел из возка, увидел крестьянина, который с интересом разглядывал его:

— Ты местный житель? — спросил император.

— Да, — ответил крестьянин.

— А не скажешь ли, много дезертиров уже переправились через Неман?

— Вы первый, — последовал ответ.

Известно, что Наполеон после отречения от престола был сослан на остров Эльба. Лицейист Пушкин, в первом варианте поэмы «Бова», написанной в конце 1814 года, откликнулся следующими строками:

Вы слышали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И, в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором...

Вдовствующая императрица Мария Федоровна в городе Павловске, что находился рядом с Софией, устроила праздник в честь победы Александра I. Празднование состоялось на лугу около Розового павильона. От дворца императрицы к павильону шла дорожка, над которой возвышались довольно узкие Триумфальные ворота, наподобие Триумфальной арки в Париже. Над ними огромными буквами были выписаны строки:

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не вместят!

Пушкин, прочитав эти строки, рисует карикатуру на Александра I: царь, раздобревший от многочисленных застолий, безуспешно пытается пролезть через ворота, а ошалевшие генералы его свиты расширяют проем и пытаются протолкнуть императора.

Всенародное участие россиян в войне — одна из причин поражения Наполеона. После того, когда русские войска освободили территорию России от иностранных завоевателей, в стране началась мирная жизнь и лицеисты снова оказались под контролем преподавательского состава, учеба вышла на первое место. Строгие лицейские правила основывались на том, что учеба должна быть усердным, постоянным и непрерывным трудом.

В Лицее учили не зазубривать истины, а искать свои ответы, думать самостоятельно, свободно и правильно. Преподаватели обращались к лицеистам только на вы, а лицеисты между собой — по фамилиям. Почему без имени? А у дворян так было принято.

Еще в Лицее ввели запрет на ношение очков, хотя в Уставе это не было закреплено. Дело в том, что очки в начале XIX века в России вошли в моду, их носили даже те, у кого было стопроцентное зрение. У некоторых же взгляд через увеличительные стекла вызывал страх, так как считали, что через них можно рассматривать изъяны, не видные обычным глазом. Ношение очков запрещалось при дворе. Утверждали, что сам государь прячет лорнетку в рукаве. Взгляд сквозь очки на даму или на старшего по чину считался дерзостью, и потому лицеистам не положено было носить очки. Опять же — светские правила.

Среди предметов значились Закон Божий, этика, логика, правоведение, словесность русская и французская. Точные науки были представлены математикой, физикой, статистикой. Лицеисты ежедневно занимались чистописанием, рисованием, учились танцам и фехтованию. Из спортивных дисциплин преподавали плавание, гимнастику, позднее верховую езду.

Преподаватели учитывали склонности ученика к тому или иному предмету. Известны случаи, когда профессор математики Карцев, вызвал к доске Пушкина решать алгебраическую задачу. Тот долго переминался с ноги на ногу и что-то писал молча — какие-то формулы. Преподаватель наконец спросил его: «Что же вышло? Чему равен икс ?» Пушкин ответил: «Нулю!» Карцов произнес: «У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на место и пишите свои стихи». Что Пушкин и делал: ведь был запрет на написание стихов в другое время. Вспоминал лицеист Илличевский: «...хотя у нас, по правде сказать, запрещено сочинять, но мы с Пушкиным пишем украдкой».

У этого случая есть предыстория: на какое-то время лицеистам в свободное от учебы время запретили писать стихи, особенно эпиграммы на преподавателей. Если кого-то замечали за этим занятием, то тут же забирали бумагу и письменные принадлежности, возвращали их только на время уроков. Преподавателей заботило то, что сочинение

стихов отвлекало учеников от учебы. А еще, по мнению руководства, сочинительство могло вести к вольнодумству и увлечению либеральными идеями. Позднее запрет сняли, но разрешили выпускать рукописные журналы «Сарско-Сельскую Лицейскую Газету» и «Сарско-Сельского Лицея Вестник». В те времена лицеистов объединяло всеобщее увлечение поэзией и литературой, поэтому, когда в начале 1812 года число желающих писать в журналы увеличилось, то им пришлось разделиться на два литературных лагеря. Пушкин, Дельвиг и Корсаков стали издавать журнал «Неопытное перо», а Кюхельбекер, Вольховский и Яковлев журнал «Для Удовольствия и Пользы», которые затем под общей редакцией слились в один — «Юные пловцы». В 1813 году журнал был переименован в «Лицейского мудреца», который на три года стал летописью лицейской жизни. Данзас и Корсаков числились в нем издателями, а Дельвиг редактором. В журнале существовало несколько разделов. Статьи принимались без подписей. Пушкин постоянно и деятельно участвовал во всех лицейских журналах, здесь публиковались первые его литературные опыты. Начитанность Пушкина поражала его товарищей-лицеистов. Иван Пущин так выражал мнение большинства: «Мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы даже не слыхали, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал высказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет)». Это значит, что лицеисты с первых дней совместной учебы, разглядели в Александре Пушкине эту отличительную черту: не выпячиваться, не ставить себя выше других в том, в чем ты превосшел остальных, особенно в сочинительстве стихов. Здесь начинающим писателям, стали известны его первые лицейские стихи: «Монах», «К сестре», «Моему Аристарху», «К другу стихотворцу». Они, по инициативе редактора журнала Антона Дельвига, втайне от Пушкина отправляли в петербургский журнал «Вестник Европы» его стихи, которые тот считал еще не достойными для всеобщего ознакомления. Действительно, стихи Пушкина на тот момент, если сравнивать с бриллиантами, были еще, как не ограненные алмазы, то есть требовали дальнейшей доработки. Профессор латинской и российской словесности Галич, убедившись в поэтической одаренности Пушкина, приложил все силы, чтобы преподать юному

стихотворцу как можно лучше теорию стихосложения, грамматику русского языка и древней классической словесности. Он же первым впоследствии ввел в программу по литературе стихи своего ученика. Это уже не случайность! Галич был вторым преподавателем Пушкина, который разглядел его талант, данный, как он считал, Богом. Пушкин как бы соглашается с ним в стихотворении «Мечтатель»: «Дана мне лира от богов, поэту дар бесценный».

Первые дни, месяцы, годы уходили на знакомство лицеистов друг с другом. Узнавались привычки, характер, манера поведения, как во время учебы, так и во время отдыха. Другими словами, происходило сближение между ребятами во время совместного обучения и проживания в стенах лицея. Объединяются, например по месту жительства: кто из какого города приехал, или кого с кем посадили рядом в классе, поселили в соседней комнате, или какие находились общие интересы. Дальше уже давали о себе знать неустановленные правила мальчишеского общения. Лицеисты стали нарушать Устав. Сначала раздали всем прозвища. Александр Пушкин удостоился «Французом» — за проявленные знания французского языка, на вступительных экзаменах, чуть позднее, за непоседливость стали называть его «Егозой». Однако не этого прозвища ожидал Саша. Конечно, приятно было когда, едва познакомившись, слышать признание о своих способностях, но слово «француз» задевало самолюбие, если не сказать сильнее — достоинство русского человека, которым считал себя Александр Пушкин, тем более учитывая последние воинственные высказывания императора Франции по отношению к России. Подходящее прозвище, как он считал, ему подходило «Волчонок». Таким он почувствовал себя в деревне Захарово, когда крестьянские мальчишки с криком и гамом на веревке тащили маленького, оскалившегося, ершистого волчонка. Вспоминая уроки дядьки Никиты, что нельзя обижать слабых, он попытался вступить за беззащитного, упирающегося волчонка, на что физически здоровее его пацаны ответили, чтобы барчук не влезал туда, куда ему не следовало, так как это их родители на охоте поймали его. Вот тогда-то Пушкин нашел свое сходство с затравленным бесправным волчком, каким он себя чувствовал среди незнакомых детей в деревне — за незнание русского языка, за свой недружелюбный нрав, за острый, как зубы

волка, язык. Теперь у него нарисовалось еще одно сравнение: родители, не интересуясь, о чем мечтает их сын (конечно о воинской службе, все Ганнибалы об этом мечтали), «на веревке» приволокли его учиться в лицей. Для уточнения, в поэме «Тазит» он упоминает:

*Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И, как волчонка, затерзали...*

Следующее нарушение Устава заключалось в утаивании карманных денег, которые давали им родители. У старшего дядьки Леонтия Камерского можно было купить сладости и вкусные напитки в любое время. Также, правоустанавливающим чиновникам, нужно было всегда помнить, что любое их незаконное действие, всегда вызывает противодействие. Так, ношение очков на лице было запрещено, а в кармане — нет! Когда Дельвиг морщился, чтобы получше разглядеть предмет, Пушкин ему говорил: «Надень очки», в ответ слышал: «Нельзя. Требуется высочайшее разрешение. Очки — вывеска вольнодумства. А, в прочем...» и улыбаясь, доставал из кармана очки. Вывод: чем больше запретов, тем теснее дружба становилась между лицеистами.

За провинности в лицее наказывали: за обеденным столом лицеистов рассаживали по поведению, в классе — за отметки; чем хуже, тем дальше сидишь. Насколько поучительно: на задней парте можешь не расслышать слов преподавателя, а за обеденным столом, может не хватить компота, так как обед подавался в последнюю очередь, после всех лицеистов. С понедельника в столовой вывешивалось расписание блюд, то есть меню, на целую неделю, так что мальчишки могли наперед меняться между собой порциями любимых каждым из них кушаний.

Были и более серьезные наказания: оставление на хлебе и воде и в «уединенном заключении», то есть в карцере. Как ни странно это звучит, но, по словам самого Пушкина, ему нравилось находиться в карцере, так как «ему там не скучно». Известно, что именно в карцере он начал сочинять поэму «Руслан и Людмила». А еще охотнее проводил дни в лазарете, куда он брал с собой книги, бумагу, перо и чернила. В своей любимом положении, лежа на кровати, Пушкин в госпитале написал

отрывок из поэмы «Бова», стихотворение «Пирующие студенты». По его воспоминаниям, он всячески отбивался от попыток доктора Пешеля Франца Осиповича, «помочь молодому организму». Догадайтесь почему? Да чтоб никто не мешал писать стихи!

Значит, Лицей — это становление А. С. Пушкина как поэта? Начало творческого пути? Но ведь никто не догадывался, даже из ближайших родственников, что рядом с ними растет будущий гений русской поэзии! Как тут не вспомнить разговор бабушки Саши Пушкина с ее двоюродной сестрой, когда она в 1810 году приехала в Захарово погостить: *«Не знаю, что выйдет из моего старшего внука, — говорила Мария Алексеевна, — мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко, когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем это все кончится, ежели он не переменится...»*

А как он мог перемениться, если после той свободы, которая была у него в детстве, Саша сразу попал в режимное учреждение? Не надо забывать, что в деревне для крестьянских ребят, он в первую очередь был барчуком! Никто никогда его не обижал, не дразнил, не писал на него сатирических эпиграмм, таких как:

*А наш француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет.*

Окруженный любовью бабушки, няни, дядьки, он чувствовал себя самостоятельным, не терпел нравоучений. В уединении читал книжки, по-другому ощущал красоту окружающей природы, а по возвращении в город полностью менял свой жизненный уклад. Там французский, романтические стихи, светские приличия. И такие «качели» продолжались на протяжении пяти лет его взросления.

Скорее всего, поэтому с лицеистами общий язык Пушкин нашел не сразу. Во-первых, он впервые попал в такое большое сообщество сверстников. Во-вторых, он не учился ни в гимназии, ни в пансионе, отсюда различный уровень знаний. В-третьих, он никогда не читал совместно

с кем-либо молитву вслух, и это ему не нравилось. В-четвертых, ему не нравилось ходить шеренгой: он был предпоследний по росту¹ среди тридцати воспитанников. В-пятых, его происхождение было не столь знатное, чем у других. И еще многое чего, даже перечислить невозможно.

Но были и достоинства, которые, как он чувствовал, выделяли его среди новых знакомых. Прежде всего — это отличное знание французского языка. Во-вторых, обширное знакомство с произведениями французских писателей и поэтов, многие из которых он знал наизусть. В-третьих, гордость за своих знаменитых предков Ганнибал и Пушкиных. В-четвертых, он писал хорошие стихи.

В те времена почти все лицеисты писали стихи, это было признаком образованности. Многие воспитанники из родительской семьи принесли в школу любовь к книге, к знанию, к изящному слову. Писательство было модой и потребностью. Однако не всех отличали. Дома, в Москве, Саша Пушкин слышал, особенно перед гостями родителей, слова восхищения его острым умом и цепкой памятью. То есть с раннего детства он проникался славой будущего поэта. В штыки принимал любую критику. Доходило до того, что сжигал не понравившиеся посторонним стихи. Правда основным его слушателем была сестра Ольга, но она же девочка! Конечно, ему хотелось бы услышать и мнение мальчишек-сверстников, но в его окружении их тогда не было. Все изменилось после поступления Александра Пушкина в Лицей. Он оказался в коллективе сверстников. Адаптация проходила постепенно. Непросто было перестроиться юному поэту, когда у него в памяти отложилось, как в детские годы окружающие умилялись его остроумием, мгновенной реакцией и порой вовсе не тактичные ответы, даже взрослым, никто не поправлял, не делал замечаний. В Лицее же ему не всегда удавалось оставаться победителем в мальчишеских спорах, потому что острое словцо оказывалось далеко не единственным аргументом в ситуации разногласий между подростками. Здесь могли присутствовать и крепкие бранные словечки, и конечно, тумаки. В лазарете отмечались ушиб руки, щеки, просто ушиб с указанием диагноза «не слишком серьезный». Пушкин злился, так как

¹ Художник Чернецов, работая над картиной «Парад на Царицыном лугу» под изображением Пушкина сделал пометку «...ростом два аршина, пять вершков с половиной, на современный лад значит 166 см»

считал, что только поэтическое слово можно считать самым весомым доводом. Он не знал еще, что мальчишеские разборки — это не литературный диспут. Вывод для себя Александр быстро сделал: занятие спортом, только физически сильный человек может постоять за себя.

Он продолжал сторониться однокурсников, был угрюм. Любую шутку в свой адрес продолжал встречать негативно, отговаривался эпиграммами на остряков. Лицеисты замечали его сердитый вид и старались не связываться с серьезным мальчиком. Но стали больше общаться, и разглядели в нем добрый нрав с великим сердцем, умеющим любить в людях их лучшие качества. Они поняли, что Пушкин просто несколько вспыльчив и многое принимает всерьез. Кроме того, его стихи, а особенно эпиграммы на не нравившихся всем преподавателей стали вызывать даже некое уважение. Сблизило ребят и увлечение изданием лицейских журналов. И через два года у Александра Пушкина появились настоящие друзья!

Антон Дельвиг, Вильгельм Кюхельбекер, Константин Данзас — первые лицейские товарищи Александра Пушкина. К ним примкнули москвич и сосед Пушкина по спальным комнатам — Иван Пущин, соратник по совместным шалостям с Пушкиным — Иван Малиновский. Почему именно они? Все такие разные как по характеру, интеллекту, так и физическому развитию, каждый на голову был выше Пушкина. Возможно, что в каждом из юношей поэт находил какое-то дополнение к своей личности, а разность в характерах, скорее всего, и притягивала их друг к другу.

Антон Дельвиг, 1798 года рождения, флегматичный толстяк и великодушный добряк, не способный к зависти, не обращал внимания на остроты со стороны Пушкина. Они понимали друг друга с полуслова. Общее увлечение поэзией их сплотило. Для Дельвига Пушкин был самым большим авторитетом, а Пушкин, в свою очередь, всегда прислушивался к мнению Дельвига-литератора.

Иван Малиновский, 1896 года рождения — живой и веселый юноша. Шалун. Вспыльчивый и задиристый. Он был очень горяч. За буйный нрав получил прозвище «Казак». В своих ошибках признавался с раскаянием. Иван никогда не пользовался привилегиями директорского сына.

Вильгельм Кюхельбекер, 1797 года рождения, вспыльчивый, нескладно скроенный, высокий (примерно 185 см), тощий, с глазами

навыкاته, плохо слышащий на одно ухо, вызывающий постоянные шутки. И шутил в основном Пушкин. В то же время его отличительной чертой была большая незлобивость, а также прямотушие и искренность в принципах добра и справедливости. Кюхельбекер фанатично любил поэзию. «Мой брат по музе» — так называл его Пушкин.

Иван Пущин, 1798 года рождения, благоразумный, добродушный, рассудительный, в обращении с окружающими неизменно вежливый, осторожный, разборчив в людях. Пущин был умиротворяющим посредником между Пушкиным и товарищами, который сглаживал резкость и неловкость своего друга. Пушкин уважал Пущина, за то, что тот был готов всегда прийти на помощь, был наделен чувством справедливости, такта и чести.

Константин Данзас, 1801 года рождения, самый молодой из лицейстов. Рыжий, крупный, вспыльчивый. За медлительность и неуклюжесть ему дали кличку «Медведь». На злые шутки сверстников он отвечал сердитым окриком, и грозил кулачной расправой. В журнал «Лицейский мудрец» он все материалы отбирал лично, забирал стихи и статьи у сверстников, а затем своим красивым каллиграфическим почерком записывал их в издания. Он был из тех людей, которые проявляют свои качества на деле. «Друг познается в беде,» — так говорили друзья о Данзасе. Наверное, у каждого из нас был или есть такой друг, который находится постоянно где-то в стороне, но стоит его позвать, он бросает все свои дела и спешит на помощь.

Следует отметить, что со временем товарищеские теплые отношения стали перерастать в настоящую дружбу. Недаром считается, что школьные друзья — первые и верные друзья. Вместе они открывают неизвестный им мир, воспитывают свои характеры. С друзьями Пушкин проводил все свое свободное время: они делились сокровенными мыслями, читали друг другу написанные произведения. *«Летом досуг проводим на прогулках, зимою в чтении книг, иногда представляем театр, а с начальниками обходимся без страха, шутим с ними и смеемся»*, — вспоминал один из лицейстов. Друзья для Пушкина были не только людьми, с которыми он щедро делился мыслями и чувствами, но и теми, от кого он получал, как глоток свежего воздуха, постоянный отклик на свое

творчество, а также обыкновенную человеческую поддержку. Забегая вперед, скажу, что дружба между лицеистами сохранилась на долгие годы и после окончания Лицея. Его друзья играли огромную роль на протяжении всей его жизни, они помогали ему в трудные времена, вдохновляли, спасали от одиночества.

Первые результаты общей дружбы лицеистов проявились в «борьбе» против надзирателя по учебной и нравственной части Мартына Пилецкого и его приспешников.

Мартын Степанович Пилецкий, 1780 года рождения, титулярный советник, лекции слушал в немецком университете, служил переводчиком при ученом совете Академии наук. В его обязанности входило «блюсти порядок учебный и нравственный». С первого дня он приступил к изучению биографий учеников. Находил самых тихих, поддававшихся влиянию старших, и переманивал их на свою сторону, представляясь духовным отцом, наставления которого они должны были принять. Заставлял их наушничать на своих однокурсников. Таким образом, он хотел приручить всех, а потом уже взяться за последних учеников, которых выделил для себя: Данзас, Дельвиг, Броглио и Пушкин. Но с Пушкиным, по его мнению, нужно было справиться раньше, чем с остальными, ибо его влияние могло быть губительным. Почему Мартын выделил именно Пушкина как лидера? Как и преподаватели русской словесности, он разглядел в нем способность поэтического дара, использовать слово как оружие против несправедливости, а на свой счет отнес его страсть всех осмеивать.

Директору Малиновскому Пилецкий преподносил, что Броглио — шалун, Дельвиг с Данзасом — лентяи, а Пушкин не верит в бога, и если из заведения не удалить отчаянных, всем грозит зараза. Все его силы были брошены на удовлетворение своих требований.

Под началом Мартына Пилецкого были гувернеры, для которых он разработал специальные правила, поучающие, как надзирать за воспитанниками. Он учил гувернеров постоянно морально присутствовать среди воспитанников, влезать в их души, проникать в их помыслы, подслушивать и подглядывать, даже за их телодвижениями. Все это делалось якобы для предупреждения соблазнов и «обработки их воли». Особенно в этом преуспел его младший брат Илья.

Илья Степанович Пилецкий, 1784 года рождения, был необразованным человеком, принятым гувернером по рекомендации своего брата. В действительности он стал исполнять обязанности младшего надзирателя. Это был человек, который вследствие своей малограмотности ненавидел всех и все. Скорее всего, он завидовал ребятам и их образованию, недоступному ему, и всячески старался оговорить, унизить, прикрываясь правилами, установленными Мартыном. Пушкин был у Ильи на особом контроле; он требовал строжайшего надзора, как науськивал его брат. У Ильи всегда была с собой тетрадь в черном переплете, в которую он заносил свои наблюдения; он часто прятался в укромные местечки, подслушивал и подглядывал. Будучи неслышимым и невидимым, он сидел на уроках и не слушал преподавателей, но прислушивался к каждому шороху и шепоту лицеистов. Так он донес, что Пушкин на уроках делает записи, не имеющее отношение к занятиям; затем донес, что Пушкин за обедом плохо отзывался об инспекторе (святоша, ханжа, иезуит), а Яковлев изображал инспектора с вытянутой вперед рукой с крестом и был отвратительным. Лицеисты дали прозвище Мартыну Пилецкому — «Пастырь душ с крестом»: им казалось, что он хотел приготовить из них церковных фанатиков. Продолжая собирать досье на Пушкина, Илья отметил в своей тетрадке, что после обеда Пушкин всех подстрекал к составлению клеветы на инспектора, причем продолжал вести себя смело и ветрено все последующие дни. Продолжая наблюдать, докладывал брату, как Пушкин за обедом на днях говорил: что *«Вольховский боится вас, господин инспектор, а нам, мол, шалунам, на господина инспектора начхать, мы свободные люди и надсмотра над собой не потерпим»*.

Действительно, против иезуита составлялся заговор, и его возглавил Пушкин. К нему присоединились Кюхельбекер, Корсаков, Иван Малиновский, Мясоедов. Илья Пилецкий, видимо догадывался о надвигающейся на них беде и, продолжая следить за лицеистами и докладывая брату, сообщал: *«Кюхельбекер укорял Юдина, Корфа, Ломоносова и Есакова, что они не поддерживают их»*.

А на одном из уроков, Илья заметил у Дельвига *«бранное на инспектора сочинение»* и кинулся отнимать его. Рассказывают, тут же

вмешался Пушкин, вскочил и гневно закричал: *«Как вы смеете брать наши бумаги! Стало быть, и письма наши из ящика будете брать!»* Эти слова Пушкина не были голословны, так как письма лицеистов к родителям по каким-то причинам задерживались на почте. Пушкин считал, что инспектор берет письма из ящиков лицеистов и читает их. Мартын не стал отрицать этого, объясняя, что просто помогал исправить грамматические ошибки. Лицеисты, возмущенные таким поведением надзирателя, пожаловались директору Лицея Малиновскому и попросили уволить ненавистного им инспектора. Василий Федорович сообщил, что он не может его уволить, так как это компетенция министра народного просвещения Разумовского, но он переговорит с Пилецким. Скандал, казалось бы, был погашен. Однако отвращение и ненависть к Пилецкому продолжали постепенно назревать.

К лицеистам часто приезжали их сестры, кузины — милые, привлекательные девушки, воспитанные в строгих правилах светской жизни. Они пожаловались братьям, что Мартын Пилецкий при встречах позволял фривольные выражения в их адрес. Вскоре выяснилось, что и к родителям лицеистов он относился недолжным образом. Так, Корф услышал, что инспектор назвал его отца «бычком», а Мясоедова отца «брамарбасом»¹. Сам Мясоедов рассказал Ивану Малиновскому (сыну директора лицея), что инспектор надеется «поддеть» директора и «ссадить», а самому занять его место. Он ругал директора своему брату Илье: *«Он, дескать, директор — такой, он слаб, он баба»*. Пушкину же Мартын прямо сказал: *«А наш поэт, скоро ли опять будут?»* И после этого добавил: *«Это я про родителя твоего»*. Вот тут и прорвало Александра. Он представил, а как он его маму назовет — родительницей? Терпение лопнуло! Нужно принимать решение. Лицеисты, Пушкин, Дельвиг, Данзас, Кюхельбекер, Броглио, Горчаков, Малиновский, Матюшкин, Маслов, к ним тут же примкнули Мясоедов, Корсаков, Корф, Ломоносов, Юдин собрались в большом зале и пригласили туда Мартына Пилецкого. На удивление лицеистов, он пришел. Заговорщики предъявили инспектору ультиматум: если он не прекратит свои иезуитские требования и не изменит свое поведение, тогда, как сказал Дельвиг: *«Мы тотчас покинем заведение»*.

¹ Имя хвастуна в комедии Гольберга

Очередное удивление лицеистов! Пилецкий, после долгого молчания произнес: *«Оставайтесь, господа, в лицее»*, — и, развернувшись пошел к выходу. И уехал, не попрощавшись даже с руководством Лицея.

Лицеист Корф дал такую характеристику Пилецкому: *«Со своею длиною и высохшей фигурой, с горящим всеми огнями фанатизма глазом, с кошачьими приемами и походкой... наконец, с жестоко-хладнокровною и ироническою, прикрытою видом отцовской нежности, строгостью, он долго жил в нашей памяти, как бы какое-нибудь приведение из другого мира. Непременно сделал бы из нас иезуитов, если бы вовремя не был изгнан из Лицея»*.

Не знаю, совпадение это или нет, но в 1813 году Пушкин пишет пародийно-романтическое стихотворение «Монах». В основу поэмы положена средневековая легенда о поездке епископа в Иерусалим верхом на черте. На мой взгляд, монастырь — это лицей, а Мартын Пилецкий изображен как иезуит и одновременно прототип Монаха. Пушкин писал: *«Невелика заслуга проводить ночи за пением псалмов, что запели бы они, если бы должны были ходить в дождь и бурю за плугом, как крестьяне, босиком и с еле прикрытым телом»*. Ведь иезуиты винулись только перед Богом.

Вернемся к Бажову. После окончания семинарии, перед ним снова встал образ Пушкина, когда в старообрядческой деревне ему поручили обучать крестьянских детей Закону Божьему и заставить их иезуитскими приемами менять веру и обычаи. Что оставалось делать молодому учителю? Да! Он ушел из школы! Значит, Пушкин и здесь помог Бажову принять правильное решение.

Изгнание из Лицея инспектора для Пушкина, организатора его ухода, было первой победой, как лидера лицеистов. Пушкин понял, что он нашел настоящих товарищей. Но это еще неустоявшаяся дружба. С Сашей Пушкиным тяжело было дружить. Его переменчивый, неожиданный в своих реакциях характер не позволял быстро сблизиться. То он веселится без повода, то уединяется и грустит, то пишет острые эпиграммы или «неправильные стихи» на своих товарищей. Такие как:

*От запада встает великолепный царь природы.
Не знают — спать иль нет? — смущенные народы,
Неведомский — поэт, неведомый никем.
Печатает стихи неведомо зачем.*

Лицейст Неведомский в своих стихах перепутал, с какой стороны встает солнце, а Пушкин не оставил ошибку без внимания.

Или, например, на Кюхельбекера, который уж очень часто надоедал Жуковскому, когда тот приезжал в Царское село, декламируя ему собственные стихи. Пушкин пишет от имени Жуковского:

За ужином обѣлся я,
Да Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно...

Или отдельно Кюхельбекеру:

Человек дельный,
С пером в руках,
Хоть и сумосброд.

А вот эпиграмма на Малиновского:

Повеса из повес,
На шалости рожденный.
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный.

Две строчки достались Данзасу:

Он был медведь,
Но мишка милой.

Ну а как было оставить без внимания ближайшего соседа по «келье»:

Вот здесь лежит больной студент,
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент
Болезнь любви не излечима.

Эти слова были написаны над кроватью Пуштина, когда он находился в лазарете, и тот по почерку определил автора.

А когда Пушкин узнал, что Дельвиг тоже пишет стихи, не удержался и написал:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи
Дельвиг пишет стихи.

Вот вам и вся дружба! Извиняться Саша не всегда любил. Тем более Пушкин в душе не считал это предательством дружбы, ну характер у него такой! Ему ничего не стоило сочинить стишок на любую тему, ну просто нравился жанр поэтического пустяка. И все! А вот когда действительно он несправедливо кого-то обижал рифмованными строками, тогда вечером после отбоя, переживая и рассказывая Пушину о затруднительном положении, в которое загнал себя сам, ждал от благородного, тактичного и справедливого Ивана помощи: как выйти, не теряя чести, из этого щекотливого положения. Правда, у Александра Пушкина еще было в запасе два варианта выхода из таких ситуаций. Юный поэт хорошо усвоил английскую манеру шутить без малейшей тени на улыбку. Сейчас представьте себе такую картину: вы стоите в кругу товарищей и слышите, что Пушкин, с серьезным лицом, произносит в ваш адрес какую-то колкость, может даже небылицу. Вы переглядываетесь с друзьями, не догадываетесь о чем идет речь, пожимаете плечами и отворачиваетесь от него. В это время Пушкин, понимая, что сказал что-то несуразное и обидное, начинает смеяться, как бы намекая, что это шутка. Смех его был до того веселым и заразительным (можно сказать даже хохот), что не прекращался до тех пор, пока все не заулыбаются. Все! Прощен! Один из современников пишет о нем: «Умел выслушивать и критику, и упреки, и горькую правду — смирался». Друг его, Пуштин, рассказывал, как он, бывало, выслушает верный укор и сконфузится, — а потом начнет щекотать, обнимать, что обыкновенно делал, когда немножко потеряется... Или — даст несговорчивому собеседнику подножку, повалит на диван, вскочит на поваленного верхом, щекоча и торжествуя, вскрикивает: «Не говори этого! Не говори этого — а сам хохочет до упаду...» Точно об этом же вспоминает его современник В. А. Сологуб: «Скажет, бывало, какую-нибудь эпиграмму и вдруг зальется звонким добродушным смехом».

А почему писали именно эпиграммы, что это за жанр такой? Дело в том, что в те времена газет почти не было. Эпиграммы заменяли газетную полемику. Это были короткие сатирические стихотворения насмешливого характера. Характерная черта их — это остроумие и краткость.

Они писались на понятном большому кругу людей языке и потому хорошо запоминались, передавались из уст в уста. Но самая главная их особенность — эпиграммы были анонимные.

Сейчас Пушкина волновал один вопрос: его продолжали звать Французом, а особенно после войны с французами это прозвище стало для него обидным. Это уже не детский каприз, а возрастающее понимание патриотизма, любовь к своей стране и к русскому народу. Это то, что Александр Сергеевич Пушкин будет воспевать в своих взрослых стихах и в прозе. Вспомним, «Мой друг Отчизне посвятим души прекрасные порывы». А пока в тринадцатилетнем возрасте хочется еще побыть мальчиком-шалуном. Нужно же подтверждать свое мальчишеское лидерство, быть на виду, выделяться среди сверстников. Однако перед любой шалостью никто не думает о ее последствиях. Кстати, Пушкин однажды заметил своим сверстникам: *«Ели они будете жаловаться, то сами останетесь виноватыми, ибо я умею вывертываться»*.

Как-то раз Пушкин уговорил Кюхельбекера прогуляться до Петербурга, который остался в памяти Александра как красивый город, полный соблазнов для молодых людей. Он уже гулял по Петербургу и знакомился с ним, когда целое лето, перед поступлением в Лицей, жил у дяди. Однако возникла одна проблема: как получить разрешение на воскресную прогулку? Официально гувернер Три́ко ему отказал и заметил, что он будет следить за ним, если тот нарушит запрет. В ответ Саша представил как фамилия Трико будет рифмоваться со счетом один, два, три. Задуманным поделился с Вильгельмом. Тот одобрил и они приступили к подготовке задуманного.

На пути к городу стояла полицейская застава, где записывали всех, кто въезжал в Петербург, указывая имя, фамилию и причину посещения. Первым подошел Пушкин, который назвался Александром. Однако, и заявил, что едет навестить родителей — его пропустили. Вторым представился Кюхельбекер, сказав, что его зовут Василий Два́ко, и тоже был пропущен. В это время гувернер, заметив отсутствие лицеистов, бросился за ними в погоню. На вопрос представиться, назвал свою настоящую фамилию — Три́ко. Тут уже не выдержал заставный офицер: если первую фамилию он записал спокойно, на вторую задумался,

но все же пропустил, то, когда в третий раз он услышал нечто подобное, пришел в ярость: *«Врешь! Вы что, играть со мной вздумали?»* И, по слогам произнес: *«Одна-ко, Два-ко, Три-ко!»* Ничего не понимающий гувернер стал доказывать, что это его настоящая фамилия, чем еще больше разозлил офицера. *«Арестовать!»* — прокричал тот. Целые сутки ушли на выяснение всех обстоятельств. К этому времени ребята уже нагулялись и вернулись в Лицей как ни в чем не бывало. Лицеисты их не выдали.

Опять Александр представил себя победителем и, видимо, почувствовав свою безнаказанность, продолжил шалости. Здесь интересны рассказы бывшего лицеиста Н. А. Маркевича, который учился вместе со Львом, братом Александра Пушкина. Он вспоминал, как в лицее говорили, что однажды Пушкин побился об заклад, что рано утром перед дворцом он станет спиной к зданию, нагнется и поднимет рубашку, не боясь никого. И что вы думаете? Без проблем исполнил задуманное. Но через несколько часов его позвали к вдовствующей императрице Марии Федоровне. Совершенно случайно, когда она, как обычно, сидела у окна и наблюдала за работой садовника, то увидела всю проделку лицеиста. По его курчавой голове нетрудно было догадаться, кто это был. Пришлось Пушкину предстать перед глазами императрицы. Что она ему говорила, можно только догадываться, но воспитывала долго. Пушкин очень переживал насчет наказания, которое ему могут назначить. Однако Мария Федоровна, воспитавшая четырех сыновей, видимо, приняла его поступок, за детскую проказу и никому ничего не передала о том, что увидела.

А зря! Саша в своих шалостях пошел еще дальше. Как-то, гуляя по царскому парку, заметил, что по аллее идет государь, причем один. Он был в задумчивости и, кажется, шел, ничего и никого не замечая. Пушкин вспомнил, как лицеист Яковлев весело изображал походку императора перед друзьями, и решил повторить это, но уже следуя за царем. Медленно выбрался из укромного места, откуда наблюдал за Александром I, встал на дорожку сада, принял позу императора: несколько сгорбясь, согнув локти, сжав кулаки, размахивая руками пошел вслед, точно копируя его походку. Пушкин не знал, что царственных сынков с детства учат незаметно оглядываться: не крадется ли кто позади.

Так и произошло. Император резко обернулся и увидел, что какой-то лицеист крадется за ним, передразнивая его движения. Он сразу узнал Пушкина. Начался диалог, который описал в своих воспоминаниях тот же Маркевич:

— Пушкин, — прозвучал тонкий голос.

Дрожа от страха, он медленно двинулся к государю.

— Ну-ка, встань впереди меня!.. Ну-у-у... Иди передо мной, как ты шел!

— Ваше величество...

— Молчать! Иди, как ты шел. Помни, что я в третий раз не привык приказывать.

Пришлось выполнять приказ. Так прошли они всю аллею.

— Теперь иди своей дорогой, — сжалился Александр I, — а я пойду своей — мне некогда с тобой заниматься.

Эта шалость тоже осталась без последствий.

Учеба продолжалась согласно утвержденному расписанию. На уроках не происходило ничего примечательного, если не считать «подвига» Дельвига, который, не будучи готовым к уроку латинского языка, спрятавшись под парту и уснул. Пушкин и это не оставил без своего внимания:

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?

Проснись, ленивец сонный!

Ты не под кафедрой сидишь,

Латынью усыпленный.

Да, еще на одной из прогулок, лицеисты сумели отвлечь внимание гувернера, когда другие, вместе с Пушкиным, залезли в царский сад и набрали спелых, сочных яблок. Если быть точнее, то Пушкин стоял в карауле, так как его рост не позволял быстро перелезть через забор, и он вовремя заметил царского садовника Лямина. Свистом (его с сестрой научили свистеть ребята в деревне Захарово) предупредил друзей, которые бросив яблоки разбежались. А так все шло своим чередом. Между прочим, про Пашу Бажова, его друзья, за умение свистеть по-атамански, говорили: *«По всему заводу против нашего друга лучшего свиста-ря не найти»*.

На одном из преподавательских совещаний было принято решение, чтобы лицеисты в свободное от занятий время, между собой общались

Свистом...
предупредил
друзей,
которые
бросив яблоки
разбежались

на одном из трех иностранных языков, причем ежедневно меняя один на другой. Для контроля был придуман «штрафной» билет: одному из учеников, обязательно лояльного к начальству, вручали этот билет. Он должен был, услышав русский язык, тут же передать билет провинившемуся. Тот, в свою очередь, делал то же самое со следующим, говорящим на русском языке. К вечеру тот, у кого оказывался билет, подлежал наказанию. Воспитанники поняли, что им придется стучать друг на друга и забыть русский язык. Но ведь ребята только что избавились от выходов иезуитского инспектора, и их снова сталкивают лбами между собой!

Выход был найден сообща. Сначала Пушкин предложил: он получит билет и будет носить его целый день при себе, а вечером при проверке сделает вид, что якобы забыл передать его. Не согласились, так как наказание неизбежно будет. Тогда решили, что билет целый день будет находиться у одного лицеиста, и вечером, после третьей прогулки, все начнут билет перебрасывать друг другу, и в конце концов последнему, кто зазевается, на спину незаметно булавкой прикрепят этот билет. Крик, шум, гам и задуманное свершилось. Зачинщики, а их вместе

с Пушкиным было шесть человек, отправились в карцер, зато билеты больше не раздавались. А, в карцере был всего один табурет. Пришлось дополнительно еще пять поставить. На них и спали: кто сидя, кто полулежа, облокотившись на стенку.

Наступил 1814 год — трагический год для лицеистов. В марте ушел из жизни первый директор Лицея Василий Федорович Малиновский, пользовавшийся огромным уважением у воспитанников. Говорят, «театр начинается с вешалки», а школа с директора. Можно утверждать, что Василий Федорович был «отцом» для своих учеников. Первые три года, когда лицеистам вообще было запрещено покидать стены Лицея, двери дома семьи Малиновских всегда были открыты для всех воспитанников, которым так было необходимо почувствовать домашнюю атмосферу. Василий Федорович был одним из образованнейших людей своего времени, он в совершенстве владел несколькими восточными и европейскими языками. Одним из лицеистов был его сын Иван, поэтому директор был в курсе всех дел своих учеников и много раз вставал на их защиту. Несколько слов хочется сказать об Иване Малиновском. При поступлении в Лицей ему уже исполнилось 15 лет. Чтобы поступить в Лицей, с разрешения министра образования А. К. Разумовского, возраст его уменьшили до 13 лет. А чтобы принять Константина Данзаса, его возраст, по ходатайству графини Строгановой, наоборот увеличили с 10 до 12 лет.

После смерти В. Ф. Малиновского его осиротевших детей (месяц назад умерла их мать) взял к себе дед Александр Афанасьевич Самборский, выдающийся русский просветитель, прогрессивный ученый и педагог. Проводить в последний путь директора Лицея были допущены пять лицеистов, в числе которых находился Александр Пушкин. Из воспоминаний дочери Малиновского Софьи: «...на кладбище при похоронах, Пушкин первым подошел к Ивану, чтобы утешить его горе, и здесь перед не засыпанной еще могилой отца, они как бы поклялись в вечной дружбе».

Василий Федорович Малиновский скоропостижно скончался 23 марта 1814 года. Все произошло так неожиданно, что у министерства народного просвещения не нашлось подходящей кандидатуры на пост директора. Временно было предложено профессорам Лицея

директорствовать по очереди. Но как в той поговорке «у семи нянек дитя без присмотра», так все и произошло. «Новоиспеченные» директора жили в Петербурге, а в Лицей приезжали только на занятия, время которых не всегда согласовывали между собой. Каждый новый директор вносил свои требования, обращая мало внимания на выполнение указаний предшественников.

Раздоры среди преподавателей отражались на дисциплине учащихся. Лицеисты, ребята не на шутку предприимчивые, сразу почувствовали слабину. Наступило время анархии. Один из них записал: «Ну, жаловаться нам на свою судьбу покуда грех: учись или ленись — ни в чем нет ни приказа, ни заказа нет, распевай себе свои песни, как птичка божья». Лицеисты стали гулять в неурочное время, могли навещать больных в госпитале, а с родителями гуляли без надзора — не так, как при Мартине, когда свидания были истинно тюремные. У них стала падать дисциплина, на уроках расхолаживались, успеваемость многих учеников снизилась до неудовлетворительных оценок. Дошло до того, что у профессора математики Карцева, лишь один ученик из тридцати имел положительную оценку. Хотя Пушкину это было на руку: его стали меньше отвлекать от любимого занятия — сочинения стихов. В том году он написал стихотворение «Мой портрет»:

*Вы попросили мой портрет,
Каков он есть в натуре.
Его рисует вам поэт
Пока в миниатюре.*

*Я — только юный озорник,
Сижу за партой школьной,
Но правду говорить привык
Без робости окольной.*

*И в целом свете нет вралей,
Ни докторов Сорбоны
Шумней, назойливей и злей
Меня — моей персоны.*

С курчавой шапкою волос,
Румяный без излишка,
Я до Вильгельма не дорос
Но и не коротышка.

Корплю я с горем пополам
Над грифельной доскою.
Люблю толпу — и смех, и гам —
И не терплю покою.

Люблю спектакли и балы.
Еще сказать не смею,
Какие игры мне милы...
Прогонят из Лицея.

Здесь верно все до точки в плоть.
И если уж признаться,
Каким слепил меня Господь,
Таким хочу остаться.

Я суций бес при том при всем,
Мартышкина мордашка,
Пройдусь по залу колесом! —
Таков уж Пушкин Сашка.

Стихотворение написано на французском языке. Переводов много, но я выбрал перевод Генриха Сапгира, который писал стихи для детей и взрослых.

Следует отметить, что Пушкин часто проявлял непочтительность к своему творчеству. Умение посмеяться над собой — черта истинного юмориста, считал он, а наличие «веселости» у писателей называл «бесценным качеством едва ли не самого редкого из даров».

В стихотворении Пушкин описал себя таким, каким он себя видел. Можно сказать, он был самокритичен, но таков был поэт с юности он писал то, что чувствовал. О себе он говорил: лучше я сам скажу о своих недостатках, чем дам повод недругам указывать на них.

А я, повеса вечно — праздный
Потомок негров безобразный
Взращенный в дикой простоте.

И добился своего! Новое прозвище утвердилось — «помесь тигра с обезьяной». Все как у Вальтера Скотта: «Сами французские писатели изображали нрав народа своего слиянием тигра с обезьяной, и когда же не был он таков?» — писал он.

Лицеисты же, по-своему объясняли данную кличку: «Обезьяна» — характерная внешность, с врожденной привычкой сопровождать свою речь и поведение, постоянным паясничеством, кривлянием и ужимками. «Тигр» — когда он сердился, его походка становилась плавной, а шаги растянутыми; у него был взрывной до бешенства характер, и он мог разорвать любого в клочья в приливах ярости.

Этому образу соответствовала и его физическая форма. За три года учебы в лицее, он благодаря постоянным гимнастическим упражнениям приобрел крепкую мускулистую и гибкую фигуру, превратившись из подростка в прекрасно сложенного молодого человека. Невысокий Пушкин стремился восполнить малый рост большой физической силой и отвагой. Он внутренне боялся, что кто-то, взглянув на него, посчитает его недостаточно мужественным. Известна его болезненная обидчивость и сверхчувствительность к любому неосторожному слову. Это как раз эти годы, когда к юношам приходит первая любовь, и они готовы за нее драться с кем бы то ни было. Пушкин написал стихотворение «Паж»:

Пятнадцать лет мне скоро минет,
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я зацепнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.

Читал я Федру и Заиру,
Как злой гусар сижусь верхом,
И показать могу я миру,

Что мастерски держу рапиру
И ею правлю как мечом.

Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так темен,
Что жизни мне милей она.

Давно я только сплю и вижу,
Чтоб за нее подраться мне,
Вели она — весь мир обижу,
Пройду от Стрельни до Парижу,
Рубясь пешком иль на коне...

Следует отметить, что молодой Пушкин изменился не только внешне. Его взгляды с взрослением тоже менялись. Как уже упоминалось, написание стихов лицеистами принимало глобальный масштаб. Пушкин, видимо, не просто читал, он анализировал чужие стихи. «Всем хочется писать красиво, как Державин, Дмитриев, Жуковский, но за этим стоит большой труд», — замечал он. Результатом его размышлений стало стихотворение, опубликованное в июле 1814 года, в журнале «Вестник Европы», — «К другу стихотворцу».

Стихотворение доброе, шутливое и товарищеское. Заметьте, Пушкин не назвал ни одной фамилии лицеистов, а именно к ним он обращался. Мол, догадайтесь сами. «Нет, я разумел не того или другого из друзей-стихотворцев; каждый, кому угодно, может принять на свой счет», — отвечал Пушкин на вопрос, кого непосредственно он имел в виду и продолжал: «...Не тот поэт, кто рифмы плестъ умеет и, перьями скрипя, бумаги не жалеет...» А может, это и есть настоящая дружба в понимании Александра: вовремя предупредить, не обидеть, направить в нужное русло? Его поэтический дар, который к тому времени уже был признан, позволял сделать такое замечание, что нужно отличать умение писать от умения стихотворствовать, — за хорошими стихами стоит большой труд.

Стихотворение Пушкин подписал псевдонимом «Александр Н.К.Ш.П.», то есть свою фамилию он развернул, наоборот. Эта особен-

ность взята им из древнего финикийского языка. Складывается впечатление, что римско-греческая мифология была отлично знакома юному поэту. Его эрудиция поражает. Читая его стихи, приходишь к выводу, что пятнадцатилетний Пушкин был в курсе всех литературных и окололитературных событий как в Европе, так и в России. Поэтому и учиться на отлично он не успевал, проглатывая такое количество литературы.

«Чтение — вот лучшее учение», — писал позднее Пушкин брату. Чтение, по его мнению, восполняло пробелы в классных и домашних занятиях.

Наверное, интересно будет услышать, какие характеристики давали Пушкину воспитанники и преподаватели за первые три года учебы. Можно даже сравнить их.

«Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними», — вспоминал лицеист Иван Пущин.

«Пушкин имеет более блистательные, нежели основательные дарования. Словоохотливость и остроумие ему существенны». — М. С. Пилецкий.

«При малом прилежании оказывает не очень хорошие успехи, и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям. В поведение он резв; не менее противен прежнему». — И. К. Кайданов.

«Очень ленив, в классе не внимателен и не скромн, успевает весьма посредственно». — Я. И. Карцев.

«Пушкин весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне неприлежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики». — А. П. Куницын.

«Легкомыслен, ветрен, неопрятен, нерадив, впрочем, добродушен, усерден, учтив, имеет особую страсть к поэзии». — С. Г. Чириков.

Однако поэзия не должна заменять учебу в лицее. И не важно, что Саша Пушкин выбрал для себя другую стезю — стать поэтом. В одном из первых вариантов восьмой главы «Евгения Онегина» Пушкин писал:

В те дни — во мгле дубравных сводов
Близ вод, текущих в тишине.

*В углях Лицейских переходов,
Являться муза стала мне*

*Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья
Вдруг озарилась! – Муза в ней
Открыла пир своих затей,
Простите, хладные науки!
Простите, игры первых лет!
Я изменился, я поэт...*

Однако основная задача Лицея остается прежней — подготовка государственных чиновников для различных ведомств. Лицеисты стали задумываться, к чему их готовят? Задача задачей, но в корпусах, готовили военных, в университетах — профессоров, а назначение Лицея для них было неясно. Тем более — «хромая» дисциплина препятствовала успешному учебного процессу.

Для восстановления порядка в Лицее на должность надзирателя по учебной и нравственной работе в сентябре 1814 года был принят отставной подполковник артиллерии Степан Степанович Фролов, 1765 года рождения. Возникает справедливый вопрос, а почему именно артиллерии? Ларчик открывался просто: протекцию ему составил председатель Департамента военных дел Государственного совета, граф Алексей Андреевич Аракчеев, сам бывший генерал артиллерии. Про него своему флюгель-интенданту Петру Андреевичу Клейнмихелю, говорил Александр I: «Вы не можете знать, что значит для меня Аракчеев, он берет все плохое на себя и приписывает все хорошее мне». Таким образом, назначение не обсуждалось.

Чем запомнился новый надзиратель? Солдафоном, мечтающим превратить Лицей в казарму. Взялся за дело весьма рьяно: по звонку определил подъем, в три шеренги ставил лицеистов на молитве, запретил им в свободное время посещать 4-й этаж без разрешительных билетов и в наказание ставил лицеистов на колени во время молитвы. После размещение в Царском Селе Гвардейского полка лейб-гвардии его Величества, запретил гвардейцам посещать Лицей. Во время назначения временным директором Лицея Гауэндшильда был его заместителем.

Лицеисты в своей «национальной песне» дали характеристику Фролову, отметив все его недостатки: ночные игры в карты, постоянное курение трубки, что подвигло некоторых лицеистов к подражанию, ужасное знание французского языка. Он вспоминал «Алкоран», хотя не имел отношения к написанию статей нравственного закона, и мечтал получить медаль за участие в боевых действиях с французами, в то время как сам прятался в своем имении Лонка, когда шла война с Наполеоном.

*Ты был директором Лицея,
Хвала, хвала тебе Фролов!
Теперь ты ниже стал пигмея-
Хвала, хвала тебе Фролов
Детей ты ставишь на колени —
По поведению мы хлебаем,
А все молитву просыпаем.
Ты первый ввел звонка тревогу
И в три ряда повел нас к Богу...
Наверх пускал нас по билетам...
Швейцара ссоришь с юнкерами...
Нас познакомил с чубуками
От нас не спишь за банком ночи,
Нашел ты фИгуру в фИгуРе...
Кадетских хвалишь грамотеев,
Твой друг и барин Аракчеев,
Французским забросал Вальвиля
Эмилией зовешь Эмиля...
Медали в вечной ты надежде,
Ты математиком был прежде...
Статьи умножил в Алкоране,
Кадет секал на барабане,
Хотел убить Наполеонку
И без штанов оставил Лонку.
Тебе в лицо поют куплеты
Прими же милостиво эти.*

Пушкин запомнил этого надзирателя по истории, связанной с приготовлением лицеистами гоголь-моголя, хмельного напитка. Фролов

и Гауэндшильд дали ход этому делу и довели до сведения министра народного просвещения. «Гоголь-моголь» в переводе с немецкого означал «мешанина». В конце XVIII века это было популярное сладкое блюдо из взбитых с сахаром яиц. Затем к этому месиву стали добавлять спиртные напитки.

Среди лицеистов бытовало мнение: если ты не попробовал рому, значит, гусаром ты не станешь, а многие из них мечтали о военной службе. И вот в один из ненастных дней, когда Царское Село уже опустело, военный оркестр перестал играть, а на улице стало мрачно и слякотно, Пушкин, Пущин и Иван Малиновский решили порадовать ребят и приготовить хмельной напиток. Они обратились к дядьке Фоме с просьбой помочь в приобретении сахара, двух десятков яиц и бутылки рома.

Выждав момент, когда в очередной раз Фролов уехал играть в карты, а дежурные гувернеры были заняты собою, незаметно притащили самовар в свою камеру и по рецепту приготовили коктейль. А именно: разбили яйца, отделили белок от желтка, белок взбили до полной массы, желток растерли с сахарным песком и смешали. Далее разбавили смесь кипяченой горячей водой и добавили ром. Когда попробовали, показалось, что рома недостаточно и добавили еще. Пригласили других лицеистов. Самым слабым оказался Тырков — он не на шутку развеселился, пошел гулять по коридору, заглядывая в комнатки, не участвующих в мероприятии лицеистов, и был замечен гувернерами в приподнятом настроении, которое за ним не водилось. Они доложили об этом вернувшемуся Фролову, тот стал требовать зачинщиков и применил испытанный способ, прокричав: *«Если зачинщики не объявятся, то будут наказаны ВСЕ!»* Воспитанные в лучших дворянских традициях, Пушкин, Пущин и Малиновский признались, что делали сладкий коктейль, а как ром попал в него, они не знают.

Пушкин в стихотворении «Воспоминание к Пущину» изобразил изготовление «гоголь-моголя» поэтически и назвал Фролова педантом.

Фролов в рапорте директору доложил, что во время его отсутствия на одни сутки, лицеисты уговорили дядьку Фому принести им все необходимые продукты, из которых они приготовили «гоголь-моголь». Он провел расследование и наказал виновных стоянием на коленях

во время молитв в течение двух дней. Гауэншильд доложил министру Разумовскому о случившемся, и был вынесен приговор:

— Занести фамилии их с прописанием виновности в черную книгу, которая должна иметь влияние при выпуске;

— Две недели стоять во время утренней и вечерней молитвы;

— Сместить виновных на последние места за обедом.

В ответ на вмешательство Разумовского Пушкин написал на него эпиграмму:

— Ах! Боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.
— Бог с ним! Я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему.

Стояние на коленях вскоре было отменено за отсутствие нарушений за обедом их переместили на прежние места. Собственно, за это лицеисты особенно и не переживали, а вот за дядьку Фому — да! Его уволили. Пушкин чувствовал себя виноватым перед ним и обратился ко всем лицеистам с просьбой собрать все имеющиеся наличные деньги и передать их дядьке, так как у него было шестеро детей, а по их вине он остался без работы. Можно сказать, что к этому времени уже сформировались основные черты характера Александра Пушкина: доброта, благородство, живость.

Имея веселый характер, Пушкин был зачинщиком многих увеселительных мероприятий, но всегда считал, что нарушал порядок ради шуток и утверждал, что *«все, что вызывает смех, — позволительно и здорово; все, что разжигает страсти, — преступно и пагубно»*. Особенно это отмечалось во время частой смены директоров лицея. О последнем директоре он написал басню «О переменах в управлении Лицея», где одним из чертей, в руках которых за время «безначалия» побывал Лицей, был Гауэндшильд — *«сатана с лакрицей в зубах»*: *«Мужик, похоронивший отца, заставляет попа служить по нему панихиду за панихидой. И душа отца, которая до этого пребывала в покое, от излишнего усердия, заботившихся о ней пошла по рукам чертей»*.

Эта пора, которую ученики называли «безначалием», продолжалась почти два года. Только в марте 1816 года был назначен «постоянный» директор Энгельгардт, возглавлявший до Лицея Петербургский педагогический институт. Но чтобы поближе познакомиться с новым директором, лицеистам предстояло сдать переводные экзамены.

В декабре 1814 года было объявлено: *«Императорский царскосельский Лицей имеет честь уведомить, что 4 и 8 числа будущего месяца от 10 часов утра до 3 пополудни, имеет быть в оном публичное испытание воспитанников первого приема, по случаю перевода их из младшего в старший возраст»*. Кроме официальных лиц, были приглашены и родители лицеистов, а также мэтр русской поэзии XVIII века Гавриил Романович Державин.

Экзамен перенесли вследствие очевидной не подготовки учеников. Провал большинства учеников на экзамене означал бы провал системы образования Царскосельского лицея. Этого допустить было нельзя, так как неприятности могли возникнуть не только у лицеистов. Но как убедить преподавателей оказать им помощь? Никто не знал. Понятно, что любой мир лучше войны, и лицеисты решили написать письмо-ультиматум. Они стремились сохранить свое лицо и не могли признать лишь свои ошибки. Ивану Пущину было поручено передать письмо молодому профессору Галичу, благосклонному к воспитанникам Лицея: *«По милости безначалия учение у нас, надо сознаться, шло это время довольно-таки плохо, и если вы, профессора, нас не выручите на экзамене, то мы вас поневоле уже не выручим»*.

Компромисс был найден: преподаватели (совершенно секретно) сообщали каждому ученику номер билета, на который они должны были ответить, а те, в свою очередь, готовились отвечать так, чтобы от «зубов отскакивало». И вы представляете, это сработало! Причем все настолько держали язык за зубами, что договоренность осталась в стенах Лицея.

Экзамены завершились успешно, однако Державин желал услышать поэтическую подготовку лицеистов. Руководство лицея, зная об этом, долго решало, кто должен представить Лицей в данном вопросе. Обратились за советом к преподавателю русской словесности Галичу.

Тот, в свою очередь, решил переговорить с Александром Пушкиным, так как не видел лучшей кандидатуры. И вот, прогуливаясь с Пушкиным по парку лицея, он выразил мысль, что не знает более подходящего предмета для поэзии, чем история, намекая на «Историю государства Российского» Карамзина, и что царскосельские места, связанные с воспоминаниями, могли бы стать основой для элегии. Парк, памятники и мосты соединяли память о русских победах — от Петра, отдохавшего в этих местах после победы над шведами, до Екатерины. Ныне эти воспоминания, призывали к новым размышлениям — о двенадцатом годе и гибели завоевателя в Москве. Также он по секрету сообщил, что Разумовский хочет позвать Державина, и дал совет: *«Нужно думать о самом близком, о том, что под рукой, а это труднее всего»*. Затем добавил: *«Я позабыл вам сказать, что, если хотите обнять весь парк, а потом произвести отбор самого значительного, нужно наблюдать его с разных точек зрения и в разных условиях. Лучшее время для этого — темнота. Гуляйте в вечернюю пору, и вы увидите, как все его основные черты проявляются. Вечер — время льготного хода для мыслей. Утро — время проверки»*, что означало: «утро вечера мудренее».

Пушкин был озадачен, у него еще не было своего стиля. Вот если бы попросили написать лирическое стихотворение, то всегда пожалуйста. А здесь, пожалуй, жанр элегии, да еще с элементами высокой оды! Ему надлежало вскрыть связь настоящего с прошлым, а значит следует руководствоваться своими впечатлениями, изображать истинные чувства и обстоятельства, связанные с крупными историческими событиями. К тому же, рассуждал Пушкин, не следует забывать и о присутствии на экзамене самого Державина, которого он считал одним из своих учителей: значит обязательно должна быть торжественная песнь в честь этого выдающегося человека. Пушкин решил принять предложение Галича. Это был шанс к признанию, подумал он, и решил рискнуть.

Министр образования Разумовский, зная о требованиях идеала поэзии, накануне провел предварительные слушания и подтвердил, что выступать будет Пушкин со своей элегией «Воспоминания в Царском Селе».

Пушкин вспоминал, когда его вызвали читать и поставили рядом с Державиным; он был не в силах описать состояние души своей.

Примерно, как на вступительном экзамене, когда пелена затмила глаза мальчика, а голос срывался. Зато у друга, Ивана Пущина с душевным равновесием все было в порядке, и он так описывал это выступление: *«Читал Пушкин с необыкновенным оживлением... Мороз по коже пробежал у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах, бросился целовать поэта и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благовейно молчали. Хотели обнять нашего певца, его не было: он убежал!»* Оказывается, Александр даже не помнил, как закончил свое чтение, тем более, не помнил куда убежал. Вот такой экзамен держал будущий поэт перед патриархом российской поэзии — Гавриилом Романовичем Державиным.

На приеме, устроенном в честь перехода лицеистов из младшего курса в старший, отцу Саши — Сергею Львовичу, было сказано много восторженных слов в адрес сына. Запомнились слова Разумовского, когда он посоветовал сделать из сына писателя-прозаика, на что Державин заметил: *«Оставьте его поэтом!»* Именно после этого прочтения стала расти слава молодого Пушкина. Спустя три месяца Державин при встрече с Аксаковым¹ в Петербурге, так охарактеризовал юного поэта: *«Теперь многие пишут славные стихи, такие гладкие... Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в Лицее перещеголял всех писателей».* Карамзин, присутствовавший на экзамене в числе многочисленных гостей, увез с собой в Москву рукописный текст стихотворения, которое затем увидели московские писатели, поэты, в том числе и Жуковский.

Первыми свое восхищение выразили друзья Пушкина. Кюхельбекер восхищался талантом Пушкина и поклонялся перед его способностью все обращать в стихи, а чуть позднее, Дельвиг свой восторженный отклик отразил в стихотворении «К Пушкину» и первым предсказал другу великое будущее.

Так, в одночасье, Александр Пушкин, в столь раннем возрасте, получил признание! Его гений заметили все и даже родители!

Вечером, прощаясь с отцом, Саша узнал от него, что на обеде у графа Разумовского Державин торжественно вынес свой вердикт: *«Оставьте его поэтом!»* Причем Сергей Львович произнес это с гордостью! Весь

его внешний вид выражал большую любовь к сыну! Ведь стихотворение прозвучало из уст его сына на русском языке, особенно, если учесть, что он только в тринадцать лет написал первое свое стихотворение на русском языке!

Саша был в восторге! Отца он отблагодарил словами признания: *«...Я понимаю, папенька, что я виноват перед вами с маменькой... Но вы знаете мою горячую натуру... Я дурил, потому что то было в моей африканской крови... А вы с маменькой не хотели это знать; сперва наказывали меня, потом совсем отступились... Ну я и замкнулся в себе, ожесточился... Спасибо вам теперь за ваше доброе слово: я никогда не забуду».*

— Мир, полный и нерушимый, на веки веков аминь! — торжественно заявил Сергей Львович.

По поводу сыновних чувств князь Петр Андреевич Вяземский¹ говорил так: *«Александр Пушкин был во многих отношениях внимательный и почтенный сын. Он готов был даже на некоторые самопожертвования для родителей своих».*

Вернувшись домой, Сергей Львович поведал Надежде Осиповне о торжестве их сына. Мать тут же собралась, приехала в Царское Село и, впервые за много лет, забыв светские привычки, обласкала старшего сына. Саша обомлел. Так, на людях, мать никогда не проявляла свою любовь к нему! На глазах у него появились слезы. Надежда Осиповна тоже плакала, но от нежной любви к сыну.

Наконец-то родители признали его поэтический дар! У него словно гора с плеч свалилась! Его поддерживают родители, а это так важно для мальчика — чувствовать, что ты на правильном пути. А если так, то нужно подтвердить свой талант. Как тут не вспомнить Бажова. Когда школьники задали ему вопрос: *«А что такое талант?»*, он не задумываясь ответил: *«Это когда писатель не жалеет своих штанов. Ну и талант — это как раз и есть учеба, повседневная, настойчивая».* В понимании Пушкина, учеба — это ежедневное чтение книг, газет и журналов.

В подтверждение своей эрудиции Пушкин решил опубликовать стихотворение «Городок», в котором он перечисляет всех своих любимых

1 Сергей Тимофеевич Аксаков, 1791 года рождения, русский писатель.

1 Поручик, участник Бородинского сражения, друг Пушкина с 1816 г., русский поэт, историк, государственный деятель.

писателей, как зарубежных Вольтера, Вергилия, Тасс, Гомера, Горация, Лафонтена, Руссо, Мольера, так и российских: Карамзина, Фонвизина, Княжнина, Озерова, Крылова, Дмитриева, Свистова. Он не просто называет их фамилии, но и указывает, чем они были знамениты, объясняя свою начитанность, компетентность и способность писать отличные стихи своим уже пушкинским стилем.

В конце января 1815 года, когда Александр находился в лазарете, Царское Село посетил Батюшков¹. Он заехал в Лицей для знакомства с юным поэтом, «кудрявым мальчуганом», которого он видел еще в московской квартире Пушкиных. По мнению Белинского, совершенство пушкинского стиха и богатство поэтических выражений и оборотов в значительной мере подготовлены трудами Жуковского и Батюшкова. Современники очень высоко ценили талант поэта Батюшкова, в его стихотворениях русская речь обрела изящность, гармоничность, красоту. Его поэтический слог был так совершенен, Пушкин считал его своим предшественником. Батюшков впоследствии советовал: *«Брось, брось Саша эту легкость, пиши в том стиле, в каком написал „Воспоминания в Царском селе“». Они так славно у тебя вышли».*

В четвертом номере за 1815 год московского журнала «Российский музей» издателем В. В. Измайловым, было напечатано «Воспоминание в Царском Селе», указано имя автора — Александр Пушкин — и примечание: *«За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, талант которого так много обещает».*

Как был счастлив дядя будущего гения поэзии Василий Львович Пушкин! Это по его стопам пошел племянник, твердил он всему литературному сообществу Москвы.

В начале мая 1815 года, назначенный чтецом к императрице Марии Федоровне, Царское Село посетил Жуковский². Он тоже заглянул в Лицей, чтобы познакомиться с поэтическим дарованием, Александром Пушкиным. В письме к Вяземскому, он так описывает эту встречу: *«Я сделал еще одно приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем*

Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском селе. Милое живое творение! Это надежда нашей словесности». При следующем посещении Лицея и после неоднократных бесед с Пушкиным он снова пишет Вяземскому: *«Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть. Нам всем необходимо объединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который нас всех перерастет».*

Как он тонко прочувствовал пушкинскую поэтическую натуру, который подтвердил пророчество, изложив его мысли в стихотворении «Про себя»:

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!

Как я уже говорил, Пушкин был самокритичен и признавал, что из отчего дома и первых подражаний творчеству дяди и вкусам отца он вынес любовь к «лирике» французов. Это был плод веселого досуга, как он отмечал сам. Внезапная слава заставила его пересмотреть свои взгляды на поэзию. Он был подростком, а стал юношей. Многое понял, узнал, разглядел свои унылые элегии, где воспевались несчастная любовь, увядающая молодость, страдания, печали, слезы.

Чтобы переосмыслить свои взгляды, привести в порядок мысли требуется отвлечься от любимого занятия. Лучший способ отвлечься — это занятия спортом. Как уже отмечалось, Александром I, для занятий физическими упражнениями, воспитанникам было отведено Розовое поле, представляющее собой обширный луг, окаймленный со всех сторон кустами шиповника. Здесь можно было веселиться, шуметь и играть, не мешая празднующим гуляющим в парке. Играли в чехарду, перепрыгивая друг через друга, в лапту и новую для Пушкина игру в мяч — «бары».

Бары — эта игра, близкая к русскому «штандеру»: нужно добежать от одного «дома» (бара) к другому так, чтобы не попали в тебя мячом. У одного из играющих в руках мяч. Он подбрасывает его вверх и выкрикивает имя любого из игроков. Тот, чье имя выкрикнули, должен сам поймать мяч, а остальные игроки за это время должны разбежаться

¹ Константин Николаевич Батюшков, 1787 года рождения, русский поэт, критик, переводчик

² Василий Андреевич Жуковский, 1783 года рождения, русский поэт, автор государственного гимна Российской империи «Боже, Царя храни»

в стороны, как можно дальше от водящего. Поймав мяч, игрок выкрикивает слово «штандер»! Это является, для всех участников сигналом к остановке. Каждый должен, как вкопанный, замереть на своем месте. Водящий бросает мяч в любого из участников игры. Если попадает, то право подбрасывать мяч переходит к тому, в кого попали.

Теперь о малоизвестном факте — занятие боксом. Гусар Петр Вяземский вспоминал, что Пушкин научил его сына Павла «боксировать по-английски».

Другими физическими упражнениями на Розовом поле были борьба и фехтование. Пушкин ввязывался в борьбу с любым противником, но часто проигрывал. Пушкин и Камовский были самыми низкими среди лицеистов. Лицеист граф Броглио, здоровяк, особенно отличался в борьбе. Все боролись до изнеможения, падали, вскакивали, но не сдавались, пока один из них, торжествуя, не попирает коленом падшего противника. Вот так описывал эти сражения Пушкин в одном из вариантов «Гаврилиады»:

Вы помните ль то Розовое поле,
Друзья мои, где красною весной,
Оставя класс, резвились мы на воле
И тешились отважною борьбой?
Граф Броглио был отважнее, сильнее,
Камовский же проворнее, хитрее,
Не скоро мог решиться жаркий бой,
Где вы, лета забавы молодой?

А вот в чем равных не было Пушкину, так это в фехтовании. Учитель Вильваль спрашивал: «Никто не знает, почему Пушкин хорошо фехтует?» Тогда я объясню: «Он бьется всерьез, как в настоящей дуэли». Даже надзиратель Фролов отмечал: «У Пушкина большая ловкость, выпад хорош. Есть у него в выпаде — это чертово стремление, воображение». А на уроках танцев Пушкин был предпоследним. Опять же Фролов утверждал: «Нужно было держать такт, слушать команду, — идти то вправо, то влево и не махать руками. Нужно знать условные обозначения различных положений, позиций». Кстати, Фролов ввел новый предмет — верховую езду.

Командир лейб-гвардии Гусарского полка Левашов Василий Львович руководил обучением лицеистов верховой езде. Занятия проходили в Манеже 2–3 раза в неделю, лошади были полковые, запасного эскадрона. Пушкин любил верховую езду, навыки которой получил еще подростком от дядьки Никиты. Никита же и плавать научил Пушкина, и он стал страстным охотником до купания.

Все лицеисты обучались плаванию в Большой купальне в Царском саду. Занятия проводили матросы. После занятий проводился обязательный медицинский осмотр.

По этому поводу вспоминает Вяземский: «Однажды летом на Неве, напротив Летнего сада, была устроена купальня. Плавая там, Александр заметил двух молодых людей, почти подростков, барахтающихся беспомощно в воде. Понаблюдав за ними, он подплыл к ним, и звонко произнес: „Позвольте, показать вам как надо плавать. Вы не так размахиваете руками: надо — «по-лягушачьи!»“ — и развел руками, показывая, как лягушка шевелит лапками»

А вот в чем равных не было Пушкину, так это на уроках фехтования.

«Позвольте, показать вам как надо плавать»

В этом был весь Пушкин. Он хорошо запомнил детские годы, проведенные в Захарово, когда под присмотром дядьки учился плавать и как помогал ему советами старший сын няни Арины Родионовны — Егор.

Жаль, что Александр Сергеевич о своих успехах в спорте ничего не написал. А это очень важно, особенно для тех ребят, которые желают брать с него пример. Многие, как рассуждают: «Я такой родился — маленький, толстенький, болезненный». Всегда находятся, якобы объективные причины: «Нет времени, завтра обязательно начну», «Сосед, мол, занимается, а толку никакого». А может, просто лень? Пушкин же, будучи пухленьким и неповоротливым ребенком, занимаясь физическими упражнениями, превратил себя в крепкого молодого человека. Кроме того, в Лицее Пушкин продолжил играть в кегельбан, бильярд и шахматы.

Если мы упомянули о шахматах, то скорее всего, нужно более подробно остановиться на этой игре. Шахматы на Русь пришли на рубеже VIII–IX веков вместе с регистрацией персидского посольства. Правитель в восточном мире носил название «Шах». Персы говорили, что решающий ход — это «шахмат», то есть «король пал».

Известно, что в шахматы играли Иван Грозный, Борис Годунов, Алексей Михайлович Романов.

При Петре I шахматы получили дальнейшее развитие, особенно среди дворянства. Петр стал вводить игру на ассамблеях¹. Александр Пушкин в романе «Арап Петра Великого» писал: *«Ассамблеи были устроены следующим образом: „В одной комнате танцевали, в другой находились шашки и шахматы“»*. С шахматами Александр познакомился в юном возрасте, скорее всего в семье. Затем играл в Лицее с гусарами, в том числе с Ф. Глинкой, а позднее с будущими декабристами К. Рылеевым, И. Якушкиным, В. Кюхельбекером. Познакомившись с «Пособием для начинающих шахматистов» Бенджамина Франклина², Пушкин в Михайловском научил играть в шахматы Павла Ивановича Вульфа, брата хозяйки имения в Тригорском Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, а так-

же свою будущую супругу Наталью Николаевну. По словам ее современника, *«Наталья Николаевна стала лучшей шахматисткой Петербурга»*. Шахматные баталии в те времена проходили в литературных салонах, посетителями которых были Пушкины. Из рассказа сестры жены Пушкина, Александры Николаевны, следует, что однажды Наталья обыграла одного иностранца — знатока шахматной игры, а графиня Разумовская, смеясь сказала гостю: *«Вот такие наши женщины!»* Франклин писал: *«Игра в шахматы у всякого молодого человека изоцряет размышление и ум, ибо шахматист должен в каждую минуту помнить все и все знать, а в голове своей отчетливо хранить предшествующий опыт всех игроков»*. Мне кажется, что с фантастической памятью, какую имел Александр Сергеевич Пушкин, он мог бы стать шахматистом мирового уровня.

Продолжая тему спорта следует отметить Пушкина как неутомимого ходока. Он любил ходить пешком как на дальние расстояния по окрестностям, так и просто гулять по Царскому Селу. На широких улицах которого вперемежку с каменными домами располагались жилища придворных, служащих и рабочих: садовников, пекарей, столяров, печников, трубочистов, рыболовов, сторожей (инвалидов для караулов), огородников птичников, лакеев и прачек. По рассказам современников, Пушкин легко сходиллся с мужиками, дворниками и вообще с прислугой. Он говорил с ними на простом русском языке, как равный, не выпячивая свою образованность и с удовольствием принимал приглашения зайти к ним в гости. Особенно нравилось слушать рассказы о жизни, старине и новостях села от стариков и старушек. В стихотворении «Городок» он так описывал эти сцены:

...Оставляя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркую пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает...

1 Помещения в домах для проведения собраний, не только для забав (танцевальные балы), но и для дела (беседы и игры между гостями)

2 Американский политический деятель.

Иль добрый мой сосед
 Семидесяти лет,
 Уволенный от службы
 Майором отставным,
 Зовет меня из дружбы
 Хлеб-соль откушать с ним...

Наступил 1816 год, предпоследний год учебы в Лицее. Наконец-то закончилось «безначалие».

В январе 1816 года, от имени царя, граф Аракчеев предложил директору Петербургского института Энгельгарду занять пост директора Лицея.

Егор Антонович Энгельгард, 1775 года рождения, образование получил в популярном частном Петербургском пансионе девиц Бардевик, где обучались мальчики и девочки. Он в совершенстве овладел французским, русским, немецким, итальянским, английским и отчасти немного знал латынь. При императоре Павле Энгельгардт был секретарем магистра Мальтийского ордена святого Иоанна Иерусалимского, во главе которого стоял сам правитель. Изучение подробностей обрядов и истории Ордена, добросовестность и исполнительность Энгельгардта так впечатлили Павла, что он назначил его наставником по нравственным и политическим вопросам при сыне Александре.

После коронации Александра I в 1801 году Энгельгардт был назначен помощником статс-секретаря в Государственный Совет. В 1811 году переведен в Петербургский педагогический институт на должность директора. В марте 1816 года приступил к выполнению обязанностей директора Царскосельского лицея. Он исходил из того, что нет деятельности полезнее для общества, чем деятельность педагога: *«Всякая другая деятельность, как бы она ни была усердна, остается единоличною, педагог же воспитывает, дает отечеству десятки примерных граждан и тем удешевляет свою деятельность на пользу общества»*. Энгельгардт начал внедрять свои принципы педагогики, утверждая: *«Школа должна быть для ученика родным домом»*, — и добавляя, что *«чем более разумной свободы, тем более и самостоятельности, сознания собственного достоинства»*.

С появлением Энгельгардта положение в Лицее стало меняться к лучшему. По мнению директора, активизировался учебный процесс, был налажен быт. Он добился изменения формы для лицеистов на более удобной и практичной для ежедневного ношения. Вместо треуголок, которые сдувало ветром, выхлопотал легкие фуражки из синего сукна с черно-бархатным околышем и красными кантами; вместо белых панталон, которые легко рвались и пачкались. — просторные синие брюки; вместо сапог — ботинки. Синий суконный сюртук с красным воротником летом менялся на куртку.

Он увеличил библиотеку Лицея до 7000 томов. Организовал в конференц-зале литературные вечера, на которых чаще всего сам читал. Для телесных упражнений воспитанников завел обязательные гимнастические упражнения, а в парке зимой устраивал для них ледяные горки и каток. Зимой, в праздники, вывозил их на тройках за город, а летом, захватив с собой провизии, совершал с ними пешком отдаленные «географические» экскурсии, продолжавшиеся день или два.

Но самое главное, как считали лицеисты, он выхлопотал у министра разрешение отлучаться после уроков в город, то есть в Царское Село и Софию, а также посещать светские мероприятия в аристократических домах. По мнению директора, образовательный процесс Лицея был направлен на воспитание честного и благородного человека.

Свой педагогический эксперимент директор начал со своей семьи, он был убежден, что домашняя обстановка и привычка быть в кругу семейства принесут воспитанникам пользу. Он старался сплотить ребят, создать одну большую лицейскую семью. Одного только не учел, что «деткам» уже исполнилось по 16–17 лет! И у них другие интересы...

Ежедневно несколько лицеистов приглашались к нему на квартиру и проводили здесь вечера в непринужденной беседе, читая по ролям театральные пьесы, в которых участвовали и дочери Энгельгардта.

Здесь произошло первое близкое знакомство Пушкина с императором Александром I.

Как-то под вечер государь зашел в гости к директору Лицея.

— Я вижу и радуюсь, что директор и его воспитанники составляют одну нераздельную семью.

— Да, ваше величество, — ответил Энгельгардт. — Особенно это важно для юношей, восторженных и талантливых, которые подают большие надежды, но при выходе из Лицея не оказались бы среди беспокойной толпы, словно в бурном море.

— То есть между твоими воспитанниками и такие есть? — спросил государь, прищурясь своими близорукими глазами, и с любопытством оглядел вытянувшихся в ряд лицеистов.

— Одного я имею возможность сейчас представить Вашему Величеству, — сказал Энгельгардт. Подойдя к Пушкину, он подвел его за руку к государю. — Это Александр Пушкин, будущая надежда и краса родной литературы.

— Я читал твои «Воспоминания о Царском» и стихи на мое «Возвращение», — ласково произнес Александр Павлович. — Старайся — и я тебя не забуду.

Так произошло знакомство Пушкина со вторым государем Российской империи.

А пока лицеисты почти все свободное от занятий время, не дожидаясь «царского двора», который еще не переехал с зимних квартир, посещали различные светские дома в Царском Селе и не только...

По воспоминаниям лицеиста Корфа: *«После вступления в должность Энгельгардта все переменилось — в свободное время будних дней лицеисты ходили в почтенные дома, надзор был настолько слаб, что возможно были даже, по-видимому, бегства на целую ночь в Петербург или к гусарам».*

Творческие вечера у Энгельгардта, балы и танцы в светских домах нравились Пушкину, но его тянуло к гусарам, ведь еще до поступления в Лицей он мечтал служить в гвардейских полках.

Во время войны с Наполеоном лицеисты узнали о подвиге генерала Николая Николаевича Раевского и его сыновей: в критический момент боя Раевский взял за руки своих сыновей, одиннадцатилетнего Николая и шестнадцатилетнего Александра, и, встав впереди русских воинов, произнес: *«Вперед, ребята, за веру, за Отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь».* После этого призыва он повел в атаку на французские батареи Смоленский пехотный полк. Воодушевленные героическим примером генерала и его сыновей, солдаты ринулись вперед,

сметая все на своем пути. Русский писатель, историк Сергей Николаевич Глинка, в 1812 году, в стихотворении «Генералу Раевскому» написал:

*Великодушный русский воин,
Всеобщих ты похвал достоин:
Себя и юных двух сынов —
Приносишь все царю и Богу;
Дела твои сильнее слов,
Ведя на бой российских львов,
Вещал: Сынов не пожалею.
Готов я с ними вместе лечь,
Чтоб злобу лишь врагов пресечь!..
Мы россы!.. умирать умеем.*

Пушкин восторгался младшим сыном Раевского, которому было всего одиннадцать лет, а он уже участвовал в сражениях. Пушкин завидовал, что по окончании войны ему не исполнилось еще и шестнадцати лет, а он где только не был, чего не видел. Военные люди сегодня здесь, а завтра там, а яркая форма гусар — предмет особой гордости. Гусарские мундиры были украшением всех парадов и вызывали восторг у женской половины, что еще больше утверждало Пушкина в его юношеском желании.

С завистью с осени 1814 года он наблюдал за ходом гусарских военных учений на плацу Царского села и с удовольствием принимал приглашения на дружественные офицерские собрания, вечеринки, правда, тайно от своего начальства. С приходом нового директора и появившейся свободой передвижения вне Лицея ежевечерние встречи с молодыми гусарами еще больше укрепили мечту Пушкина идти в гусары. Он писал:

*Покину кельи кров приятный,
Татарский сброшу свой халат.
Простите, девственные музы!
Прости, прият младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз —
В числе воющих корнетов!*

В мае 1816 года произошло событие, которое, по моему мнению, повлияло на дальнейшую жизнь и творческую деятельность Пушкина.

В феврале 1816 года Карамзин¹ приехал в Петербург, чтобы представить императору Александру I написанные тома «Истории Государства Российского» и получить разрешение на их издание. В этих томах излагалась история России от древнейших времен до кончины царицы Анастасии Романовны, супруги царя Иван Васильевича Грозного, то есть до 1560 года.

Царь был к Карамзину благосклонен, ласков и внимателен до мелочей. Собственноручной запиской он приглашал писателя к нему в гости, так как «в Царском Селе сухо и чисто в саду, а в Китайском его жилье тепло и прибрано».

25 мая 1816 года семейство историографа Карамзина переехало в Царское Село и поселилось на Садовой улице в Кавалерских домах².

Садовая улица начиналась от лицейской арки и наблюдалась из лицейских окон. По одну ее сторону с начала до конца зеленой стеной тянулся парк, отделенный от улицы водным каналом. Этот живописный канал с каменными уступами и маленькими водопадами служил не только украшением, но и преградой, затрудняя доступ в парк нежелательным посетителям. Другую сторону улицы, составляли служебные каменные конюшни, манеж, огромные оранжереи и ближе к лицу — Кавалерские домики.

Работая над окончательной редакцией восьми томов «Истории», Карамзин обсуждал их с Александром I, который сам читал рукописи и делал свои замечания.

Каждое утро Карамзин с императором прогуливался по цветущим аллеям царского парка. Прогулки они проводили в тихих и долгих беседах. О чем говорили? Скорее всего, о том, что вошло в «Историю» и что Карамзин не смог включить. У них были доверительные отношения, а разговоры были «свободными и своевольными». Карамзин, скорее всего, напоминал государю о высоких налогах в мирное время, о «министерстве просвещения или затмения».

Александр Пушкин, наблюдая за прогулками Карамзина, ждал своего часа встречи с выдающимся литератором, историком, историографом того времени. Двенадцать лет назад он познакомился с мэтром поэзии конца XVIII — начала XIX века. И вот следующая встреча! Карамзин не любил никого принимать в то время, когда работал над «Историей», но для юного Пушкина делал исключение. В послании «К Жуковскому», в конце 1816 года Пушкин Карамзину посвятил следующие благодарственные и восторженные строки:

*...Сокрытого в веках священный судия,
Стаж верный прошлых лет, наперсник муз любимый,
И бледной зависти предмет непоколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил.*

Он, по рассказам очевидцев, каждый день после занятий бывал у Карамзиных, гулял с ними, играл с их детьми. Карамзин с юным другом делился размышлениями, читал ему вслух написанное. С особым интересом Александр Пушкин относился к историческим занятиям Карамзина. Это ведь была история его родины — он впитывал имена, события, подробности быта далекого прошлого. Он перенял любовь к древнейшим рукописям, старым книгам, к преданию устному и письменному, уловил в его творчестве связь времен, определил, что объектом внимания Карамзина является «простая жизнь».

В доме Карамзиных Пушкин встречался с Жуковским, Тургеневым, Вяземским. Здесь же он познакомился с корнетом Семеновского гусарского полка Петром Яковлевичем Чаадаевым, 1794 года рождения, участником Бородинского сражения, завершившим свой воинский путь в Париже. Близкое знакомство с Чаадаевым, стало для Пушкина вторым по значимости событием 1816 года после встречи с Карамзиным и оказало влияние на формирование его политических взглядов.

До знакомства с Чаадаевым, встречаясь с гусарами, Пушкин слушал их бесконечные рассказы о приключениях военных и невоенных... В понятие «гусарство» вкладывались чувство товарищеской солидарности, презрение к опасности, прямотушие и отвага. На вечеринках царствовал

¹ Николай Михайлович Карамзин, 1766 года рождения, русский историк, поэт и литератор

² Так раньше назывались дома для придворных

дух гусарского удалства, Бахуса¹, веселья, громкого смеха и вольнодумства. Пушкин не чуждался застолий, но больше общался с людьми, обладавшими незаурядным интеллектом и интересовавшимися литературой. Таким оказался Петр Яковлевич Чаадаев. Он не был любителем развлечений — его больше привлекали прогулки по тенистым аллеям Царского Села. Пушкина поражала его необыкновенная эрудиция: он был знаком с трудами французских просветителей и новой французской литературой, изучал английскую и немецкую философию. Пушкина восхищали его рассуждения, ум, образ мыслей. Беседы с Чаадаевым учили Пушкина смотреть на жизнь «облагороженную высокой целью». Они говорили о политике, литературе, истории, философии и нравственности. Чаадаев заставлял Пушкина мыслить. Он был решителен и резок в своих взглядах. Не боялся назвать Аракчеева злодеем, высшие военные и гражданские власти — взяточниками, дворян — подлыми холопами, а духовных отцов — невеждами. *«А все остальное, — говорил с горечью, — коснеет и пресмыкается в рабстве»*. Таким образом происходило формирование политических взглядов поэта. Зарождающаяся дружба с Чаадаевым основывалась на общих убеждениях и звала поэта к патриотическим действиям.

Забегая вперед, скажу, что впоследствии Чаадаев, насмотревшись на европейский уклад жизни, пришел к выводу, что Россия должна следовать тому же пути. Пушкин же с этим не согласился и писал в ответ: *«Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться... ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог ее дал!»*

Несмотря на разногласия по поводу выбора исторического пути России, прогрессивные взгляды Чаадаева все-таки запали в душу лицеиста Пушкина.

Подтверждением стала эпиграмма на Карамзина. Пушкин не соглашается с ним по поводу того, что единственно возможная власть для России — самодержавие, то есть ничем не ограниченная царская власть:

*В его «истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

Возможно этой эпиграммой лицеист Пушкин демонстрирует, что до сих пор увлекаем то в одну, то в другую сторону, поддаваясь влиянию обстоятельств, соблазнов и авторитетных личностей. Еще вчера он восхищался Карамзиным, называя его «Историю государства Российского» «подвигом честного человека», а сегодня уже критикует его. Разум Пушкина еще не готов был осознать, что «Историю» Николай Михайлович писал по заказу царя, который выступал его цензором. Разве он мог иначе отобразить нашу историю? Тем более, когда из казны получил 60 000 рублей на издание своего выдающегося произведения.

Пушкин тяготился учебой, все чаще пропадал у царскосельских гусар, особенно после отъезда семейства Карамзиных. Известны его слова: *«Целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного! Целый год еще дремать перед кафедрой — это ужасно. Безбожно молодого человека держать взаперти!»*

У его новых друзей было свое мнение об учебном процессе в Лицее. Гусар Нащокин отмечал: *«Лицей давал легкое энциклопедическое образование. Особой любви к науке не прививал»*. Его поддерживал лицеист Михаил Корф: *«Основательного, глубокого в наших познаниях, конечно, было немного, но поверхностно мы имели идею обо всем и были очень богаты блестящим всезнанием. Мы мало учились в классе, но много в чтении и в беседе при беспристрастном трении умов...»*

С новым директором лицея отношения у Пушкина не сложились. Поэзию Знгельгардт признавал как средство образования, что очень не нравилось молодому поэту, так как для него она была страстью, делом без которого он не мог жить. Энгельгардт писал о нем: *«Его высшая и конечная цель — блистать и именно поэзией. Ум его совершенно поверхностный, французский ум»*.

Однако ума его хватало на разные шалости. Он был не прочь пошутиться или выкинуть какую-нибудь шутку, в адрес несимпатичных или чем-то надоевших ему людей. Пушкину шел восемнадцатый

1 Бог вина.

год, поэтому и «развлечения», как он их называл, соответствовали его возрасту.

Лицейист Илличевский вспоминал: «В летние месяцы в Царском Селе, первым и почти единственным удовольствием, были вечерние гулянья, музыка в саду. Это привлекало и нас».

У дворцовой гауптвахты перед вечерней зарей играл полковой оркестр. Военная музыка играла заметную роль в музыкальной и общественной жизни России начала XIX века. Она должна была создавать ощущение мощи и непобедимости русской армии, подчеркивать силу и блеск императорской власти, мужество и преданность войск.

На летние гулянья съезжались представители столичной знати, отдыхающие на дачах, придворные царской семьи, в том числе фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны. Фрейлина — младшее придворное женское звание для девиц. Оно давалось представительницам знатных дворянских фамилий. Они составляли свиту императрицы или Великих княжон. У каждой фрейлин были одна или две горничные: одна занималась уборкой комнаты, другая следила за шифоньером. Жили в одной комнате, разделенной перегородкой: в маленькой комнатке спали горничные.

У одной из фрейлин княгини Волконской Варвары Михайловны, 1781 года рождения, была премиленькая горничная Наташа, которая нравилась Малиновскому, Пущину и Пушкину, который не упустил отметить:

*Как мы одну все трое полюбили
Наперсники, товарищи проказ.*

Из флигельского дворца, где размещался Лицей, по длинному коридору, который назывался фрейлинским, был выход из Царского дворца. Оттуда можно было пройти к месту, где играл оркестр. Проходить из флигеля во дворец лицеистам было запрещено, но двери никогда не закрывались и за проходом никто не следил. Лицейсты помнили поговорку: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

Иногда в коридоре можно было встретить хороших горничных и немного с ними пофлиртовать, что собственно, и происходило время от времени. И надо же, именно в этом коридоре Пушкин попал

в историю, которую до сих пор обсуждают историки, выдвигая различные предположения.

«Однажды идем мы, растянувшись по этому коридору маленькими группами. Пушкин, на беду, был один. Слышит в темноте шорох платья, воображает, что это непременно Наташа и бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется из комнаты дверь, освещая сцену — перед ним оказывается сама княжна Волконская!», — так об этом событии, вспоминал Иван Пущин. Княжна узнала Пушкина и, посчитав его, поведение недостойным, рассказала обо всем своему брату, князю П. И. Волконскому. Тот, в свою очередь, поспешил донести известие до государя.

Однако директор лицея Энгельгардт, уже знавший о происшествии из своих источников, представил царю этот эпизод как шалость. Он объяснил, что Пушкин совершенно случайно перепутал княжну с горничной и готов принести Волконской извинения. В очередной раз Александр I простил лицеиста.

Сам Пушкин о своем приключении никогда не вспоминал и не описывал причины возникновения. Но ведь эпиграмму он почему-то написал? Что здесь было не так?

Предложим и мы свою версию произошедшего. Событие, о котором говорим, произошло в конце лета 1816 года. А это уже 5 лет мужского заточения в Лицее. Французские стихи, юношеский пыл требовали девичьего, женского внимания. Каждый женский взгляд, благосклонный жест в сторону молодого человека принимались им как взаимный ответ и надежду на продолжение общения. Особенно это касалось женщин старше Пушкина на 5, 10, 15, а то и 20 лет: Екатерина Бакунина — сестра лицеиста Бакунина, Наташа, горничная фрейлины В. М. Волконской. Другая Наташа — актриса домашнего театра, царско-сельского жителя В. В. Толстого, вдова Мария-Смит, дальняя родственница директора лицея Е. А. Энгельгардта, Екатерина Андреевна, 1780 года рождения, жена Н. М. Карамзина, фрейлина Варвара Михайловна Волконская, 1781 года рождения.

В те времена женщин старше тридцать лет, считали уже старухами, причем не за внешность и грацию, а только по возрасту. Всем, кто ему нравился, Пушкин посвящал стихотворные послания. Ответа могло и не

быть, о чем Пушкин особенно долго и не жалел. Но с юности у него были твердые правила чести, о чем говорят последние строки его стихотворения «Паж»:

*...Хотите знать мою богиню,
Мою Севильскую графиню?..
Нет! Ни за что не назову!*

Бережное отношение к репутации женщин, за которыми он ухаживал — это и есть его правила чести. Фрейлина Волконская здесь, похоже — исключение. Скорее всего, она препятствовала встречам своей горничной с Пушкиным и в то же время благосклонно относилась к знакомствам Наташи с другими молодыми людьми, что, конечно, задевало гордость Александра, и он прилюдно решил отомстить.

В начале XX века русский поэт-переводчик Валерий Брюсов перевел с французского на русский язык эпиграмму Пушкина на Волконскую:

*Сударыня вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую обезьяну,
Но за грацию — о боже, нет».*

С ним не согласилась писательница Анри-Труайя. По ее мнению, в переводе с французского была допущена ошибка. Нужно читать:

*Мадемаузель, вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую уродину;
Но за простолюдинку, — о боже нет.*

Какой из этого можно сделать вывод? Оставим вам — придирчивому читателю.

Есть мнение, что именно этот последний «гусарский» подвиг Пушкина, с подачи государя, понудил лицейское руководство объявить о переносе выпускных экзаменов с октября 1817 года на июнь месяц этого же года. Новый директор понимал, что его усилий недостаточно для перевоспитания слишком уж резвых воспитанников старшего курса, тем более что после окончания Лицея вместо государственной службы почти половина лицеистов мечтала о военной карьере. Энгельгардт

прекрасно осознавал, что его дальнейшая карьера зависит от того, как лицеисты нового императорского учебного заведения сдадут выпускные экзамены. Профессора и преподаватели также понимали, что их репутация зависит от выпускных экзаменов. Они, как никто другой, хорошо помнили, как согласились с ультиматумом нахальных учеников при сдаче экзаменов в январе 1815 года. Но и ученики понимали, что их отношение к учебному процессу за двухлетие междуцарствия, сейчас аукнется им, и они не успеют наверстать свои учебные пробелы. Выход был один — договариваться о льготной системе, допущенной при переходе из младшего курса в старший. Почин был сделан профессором Карцевым, у которого действительно продолжал заниматься только Вольховский. Раздав каждому воспитаннику по билету, он взял с них слово, что свой билет, каждый обязательно выучит, как следует. Его примеру последовали и другие профессора.

По окончании Лицея — двенадцать воспитанников выбрали военную карьеру, в том числе Малиновский, Пущин, Данзас, а семнадцать воспитанников были назначены на гражданскую службу. Из друзей это Пушкин, Кюхельбекер, Дельвиг. Мечтам подростка, а затем юноши Пушкина о гусарской службе, не суждено было исполниться, так как отец решительно заявил ему, что их «расстроенные средства не позволяют этой роскоши», и добавил: «ежели так нейдет, то пусть идет в армию», чего тот, конечно, не желал. Поэтому Александр Сергеевич Пушкин был причислен к Государственной комиссии Иностранных дел с чином коллежского секретаря по десятому классу «Табелю о рангах».

В свидетельстве по окончании Лицея отмечено:

«В течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи:

— в законе божьем и священной истории, в логике и нравственной философии, в праве естественном, частном и публичном, в российском гражданском и уголовном праве — ХОРОШЕЕ;

— в латинской словесности, в государственной экономии и финансовых — ВЕСЬМА ХОРОШЕЕ;

— в российской и французской словесности, также в фехтовании — ПРЕВОСХОДНЫЕ;

Сверх того, занимался историей, философией, географией — оценки по ним не выставлялись.

Постараемся выставленные оценки перевести на понятную нашим ученикам балльную систему: «Хорошее» — это 3; «весьма хорошее» — это 4; «превосходные» — это 5. Предметы без оценок, скорее всего, означают — «неудовлетворительно».

С географией еще можно согласиться. Позже, в Кишиневе, Пушкин смеялся, когда не сумел на карте показать какое-то географическое место, а вызванный тут же крепостной слуга одного из офицеров сумел. А вот с оценками по истории и философии можно поспорить. Как ученик, не имеющий (по свидетельству) соответствующих знаний, мог написать восточную сказку-поэму «Фатима. Разум человеческий» еще в 1815 году?

«Жили два старика: муж с женой; жили счастливо, как лучше быть нельзя. Одного только не послал им Аллах для полного счастья — детей. И вот является добрая фея. Они молят ее умилосердить всевышнего — дать им сына.

— Желание ваше исполнится, — говорит фея.

— Но умника-разумника, какого в мире еще не бывало! — добавляют старики.

— Будь по-вашему, — говорит фея, — в самый день рождения он будет уже возмужалым... Старики слов не находят, как благодарить фею.

— Не хвалите утра ранее вечера, — говорит им она. — Природа не терпит нарушения ее законов, что она теряет на одном, то берет на другом. Сын ваш родившись возмужалым, с годом на год будет слабеть умом и телом, пока не пройдет обратно всех возрастов жизни от возмужалости до младенчества.

И точно: Аллах дал старикам сына, который был учен, что только выглянул на свет Божий, как первым делом спросил по латыни:

— Ubi sum?¹

Но с году на год, со дня на день, ученость его испарялась, как дым, пока наконец на руках родителей не очутился беспомощный, бессмысленный младенец.

Мораль сказки: насильственное нарушение естественного порядка вещей не ведет к добру.»

Складывается впечатление, что под внешним легкомыслием, под показным нежеланием учиться, перед нами скрывался не только будущий гений поэзии, чей талант уже был признан, но и серьезнейший мыслитель, отчасти философ, и умнейший юноша.

Возьмем его отношение к истории. Стихотворение «Моя родословная» написано в 1830 году. Пушкин чрезвычайно гордился тем, что происходит от фамилий, игравших довольно значительную роль в русской истории, и дорожил памятью своих предков. «Родоначальник наш Раджа, — писал он, — выходец из Пруссии, прибыл в Россию еще при Александре Невском, и после этого Пушкины состояли целые века при русских царях в разных придворных и других высших званиях». Однако в XVIII веке предки Пушкина попали в опалу, сначала у Петру I, затем Екатерине I, и по выражению самого поэта, «род его присмирел». Себя же он противопоставлял знати, гордясь, что относится к низшему городскому сословию — мещанству. Пушкин писал: «Я без прискорбиа никогда не мог видеть унижения наших исторических родов... Образованный француз или англичанин дорожат строкою летописца, в которой упоминается имя его предка... И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двояродного дядюшки, чем историей своего дома, то есть историей Отечества. И это ставите вы ему в достоинство выше знатного рода — именно достоинство личное... Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят все наши старинные родословные. Но неужто потомкам этих людей смешно было бы гордиться их именами? Я не понимаю, как можно не гордиться историческими предками! Я горжусь тем, что под выборной грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных!»

Да, стихотворение «Моя родословная» написано после окончания лицея, но вызрело-то оно из рассказов бабушки Марии Алексеевны, из подготовки сочинения «Воспоминание в Царском Селе», из пересказа истории рода Ганнибалов лицеистам во время первого ночного их пребывания в карцере. Как? Может ли быть? После такого неожиданного откровения лицеисты засыпали его вопросами: «Ты Пушкин — правнук арапа Петра Великого? То-то ты такой смуглый и кудрявый», — подытожил

¹ Где я?

их любопытство Иван Пущин. Поэтому, считаю, что именно сейчас уместно ознакомиться с этим стихотворением:

Смеюсь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй вздор какой!
Не офицер я, не ассерор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.
Понятно мне времен привратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломов
(И по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок;
Я братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я слава богу мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому Служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV Пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смерив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямство дух нам всем подгадил
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукий,
Умен покорный мещанин.
Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.
Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот сохранил
И не якшаюсь с новой знатью
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец —,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам Большой: Я мещанин.

Post skriptum

Решил Фиглярин, сидя дома
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома

И в руки к шкиперу попал.
 Сей шкипер был тот шкипер славный
 Кем наша двинулась земля,
 Кто придал мощно бег державный
 Рулю родного корабля.
 Сей шкипер деду был доступен
 Исходно купленный арап
 Возрос усерден, неподкупен,
 Царю наперсник, а не раб
 И был отец он Ганнибала,
 Пред кем средь чесменских пучин
 Громада кораблей вспылала
 И пал впервые Наварин
 Решил Фиглярин вдохновенный,
 Я во дворянстве мещанин.
 Что же он в своей семье почтенный Он?
 Он в Мещанской дворянин.

Стихотворение «Моя родословная» нужно рассматривать гораздо шире самого названия. Здесь можно увидеть и привязанность к родной семье, и любовь к Отчизне. Пушкин чрезвычайно гордился тем, что происходит от фамилий, игравших довольно значительную роль в истории, и дорожил памятью предков. Интересуясь историей своего рода, он неизбежно должен был начать изучение всей русской истории, но в лицейские годы он был еще далек от историзма.

В ранние лицейские годы в нем господствовала концепция романтизма, воспевание творческой личности. Его продолжали вдохновлять французские поэты XVI–XVIII веков. Яркими представителями русских поэтов начала XIX столетия стали Батюшков и Жуковский. Это было модное в то время влияние у начинающих литераторов. Романтизм можно было сравнить с начальной школой, мимо которой пройти было невозможно. Но у Пушкина подражание великим поэтам вовсе не означало слепое копирование их творчества. Его лицейское творчество отличалось переосмысливанием их мастерства. Пушкинская лирика лицейского периода, выделялась радостями наслаждения и бытия, любви к природе.

Царскосельский парк играл свою роль в жизни будущего поэта, давал уединение на лоне благоухающей природы. В парке, посреди пруда, видел он воздвигнутую Екатериной I колонну в память Чесменской битвы, в которой участвовал его двоюродный дед Иван Абрамович Ганнибал. Здесь бродил он средь мраморных статуй, напоминавших ему статуи московского Юсуповского сада.

Можно сказать, что это была беззаботная жизнь мальчугана на полном пансионе, причем на все шесть лет учебы. Пушкин с грустью и умилением вспоминал об этой жизни, которой, как известно, он посвятил много прекрасных стихов. Задайте вопрос любому подростку, нравится ли ему такая жизнь? Поверьте, если он не маменькин сыночек и за ним не было постоянного пригляда со стороны родителей, а в школе обещали, что не будут жаловаться родителям за некоторые провинности, и за неудовлетворительное отношение к учебе, то 99 % ответят: «Yes!» (Да).

Саша Пушкин, не принимая во внимание различные нюансы, достаточно быстро адаптировался к новым условиям жизни. Даже, несмотря на свой несносный характер, неординарную внешность, невысокий рост, который он с иронией комментировал: «Меня судьба, как лавочник, обмерила», и недостаток физического развития, он принял правильное решение: стать лидером в мальчишеских проказах, ежедневными упражнениями в спортивных занятиях достичь гармоничного физического совершенства, не утаивать истоки своей внешности, когда считал, что «его привлекательность — это ум и талант». И это сработало!

Единственное, в чем он не смог достичь лидерства, это в учебном процессе. Хотя, с какой стороны посмотреть на это. На вступительных экзаменах в Лицей юный Пушкин обратил внимание на то, что уровень знаний не играл ведущую роль при поступлении. Живой ум его, тут же делает вывод, что и дальше так же будет. Тем более он не видел себя ни будущим профессором, ни выдающимся государственным деятелем. Феноменальная память позволяла с прохладой относиться к учебе. Услышанного, один раз на занятиях, ему хватало, чтобы не слыть неуспевающим по всем предметам. И самое главное, после выступления на переходных экзаменах из младшего в старший курс, когда сам Державин прослезился, услышав стихотворение пятнадцатилетнего лицеиста

«Возвращение в Царское Село», преподаватели изменили свое мнение о нем, как о плохом ученике. То есть, Пушкин добился того, чтобы они поверили в его талант, примирились с его исключительностью и даже стали гордиться им. Причем всего этого Пушкин достиг сам, без чьей-то посторонней помощи, благодаря беспримерному отношению к своему поэтическому таланту. Другими словами, успех не всегда измеряется оценками и академическими достижениями. Главное найти свое призвание и следовать ему. Именно в Лицее Пушкин нашел свое призвание и посвятил дальнейшую жизнь литературе. Становление творческой личности закреплялось глубоким изучением русской литературы, латыни, истории, древнегреческой и древнеримской мифологии, французской и российской поэзии. К моменту завершения образования юношеский романтизм уходил в прошлое, настроение лицейских стихотворений стало заметно меняться. По какому-то шестому чувству, иногда это называют интуицией, у Пушкина стал проявляться реализм в стихах. В послании «К Юдину» упоминается сельский пейзаж деревни Захарово, в «Городке» появляются «добрая старушка и старый майор», а «Сон» навеял снова сельский быт и портрет «мамушки». Скорее всего, в этом и есть гениальность Пушкина: первым начать изображать то, что у него вызревает в душе, и представлять творчество, понятное для народа.

Всего за время учебы Пушкиным было написано 130 стихотворений, из которых более двадцати посвящены друзьям и жизни в Лицее.

В позднем лицейском творчестве начинают просматриваться революционные взгляды гусар — плод дружбы с гвардейскими офицерами, будущими декабристами. Тема дружбы становится центральной темой для Пушкина того времени. Само понятие дружбы уже было для него свято. Друзья-лицейсты уважали Александра Пушкина за его честность, доброту и умение дружить и дорожить дружбой. Каждый из друзей воспринимался Пушкиным, как человек, связанный с ним судьбой. Таким образом, отличительной чертой Лицея был культ чести, товарищества и патриотизма. К тому же лицейское содружество было тем самым, что заменило им в юности необходимые для человеческой души ощущение «Дома». Лицейские годы Пушкиным описывались, как «ясные дни», а себя и друзей называл «семьей».

На прощальном балу лицеисты-выпускники установили традицию в виде клятвы — непременно встречаться каждый год в день основания Лицея — 19 октября. Прощальная клятва заканчивалась словами: «И последний лицеист один будет праздновать 19 октября». В завершении торжества прозвучала «Прощальная песнь воспитанников Царскосельского лицея», написанная Антоном Дельвигом:

*Друг на друге остановите
Вы взор с прощальной слезой!
Храните, о друзья храните
Ту ж дружбу с тою же душой...!*

Пушкин прочитал стихотворение «Прощанье» (товарищам):

*Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,*

Не рвусь я грудью в капитаны
 И не ползу в ассессора;
 Друзья! немного снисхожденья —
 Оставьте красный мне колпак,
 Пока его за прегрешенья
 Не променял я на шишак,
 Пока ленивому возможно,
 Не опасаясь грозных бед,
 Еще рукой неосторожной
 В июле распахнуть жилет.

«Право на признание и любовь народа я заслужил, —
 во-первых, высокой человечностью своего творчества;
 во-вторых, своей борьбой за свободу (вслед Радищеву, вос-
 славлял я свободу); в-третьих, защитой декабристов».

А. С. Пушкин

Часть 4

Пушкин и будущие декабристы 1817–1820 гг.

После выпускного дня Александр приехал к родителям в Петербург. 13 июня 1817 года в секретном департаменте коллегии иностранных дел принес присягу, расписался в том, что прочел указы Петра I и Екатерины II о «не разглашении тайн». 9 июля оформил на 2 месяца положенный ему отпуск, получил подъемные и со всей семьей уехал отдыхать в село Михайловское Псковской губернии.

Как любой творческой натуре Пушкину требовалось уединение, чтобы переосмыслить время, проведенное в Лицее, дописать начатую там поэму «Руслан и Людмила», привести в порядок свои мысли на дальнейшую жизнь.

Деревенский покой ему был по душе: нравилось уединение, клубника в саду и речка под горой, в которой он купался каждое утро. Правда, не любил долго оставаться в воде: бросится, уйдет в глубь и — назад. В холодное время года Саше готовили ванну, в воду предварительно бросалась ледяная крошка, принесенная из погреба. Он и зимой тоже купался — только в бане, где всегда ему была приготовлена вода. Утром встанет, пойдет в баню, прошибет кулаком лед в ванне, сядет, окатится — да и назад. Своеобразная закалка организма была.

Село Михайловское находилось намного севернее деревни Захарово, где провел свое детство Саша, и природа здесь несколько отличалась от захаровской; но и здешние сады и луга восхищали юного поэта.

Был только один минус: в ближайшей округе на тот период не было никого из знакомых или друзей. За последние шесть лет Пушкин никогда

не оставался один. Вы скажете: а как же родственники, няня? Для восемнадцатилетнего парня пару недель хватает, чтобы пообщаться со своими родными и не надоесть друг другу. Зато он помнил, что в трех днях езды находится Петербург, где веселая жизнь не прекращается ни днем, ни ночью. Душа Пушкина рвалась в столицу. Терпения у него хватило до сентября 1817 года. Он дождался момента, когда со всех близлежащих от Петербурга имений, закончив летний сезон, в столицу возвращался весь бомонд. И Александр с головой окунулся в светскую жизнь столицы.

Как автор стихов он сразу попал в общество петербургских писателей. Если в «Арзамас» Пушкин был принят заочно, еще будучи лицеистом, то в кружок петербургской молодежи «Зеленая лампа», состоящей преимущественно из военных, и негласно связанный с «Союзом благоденствия», еще предстояло официально вступить. Хотя, как оказалось, Пушкин знал почти всех членов «Зеленой лампы», так как большинство из них вышло из гусар, с которыми он познакомился еще в Лицее. Это Чаадаев, Глинка, Тургенев, братья Муравьевы. Пушкину нравилось, что гусары смотрели на него не как на школьника, а как на равного и считались с ним, как с поэтом и остряком.

На собраниях «Зеленой лампы», наряду с чтением стихов, обсуждением театральных премьер и прочими светскими беседами были и политические споры, которые часто заканчивались увеселительными мероприятиями, продолжавшиеся за полночь, а то и до утра.

Молодые офицеры Шишков, Каверин, Раевский, Молоствов, Нащокин убеждали Пушкина, что они шли воевать в 1812 году за Россию, за свободу. Царь сулил преобразования: свободу для граждан, вольность для народа, а когда вернулись с войны, то увидели, что простые солдаты, которые еще вчера были героями, опять превратились в бесправных и жалких крепостных. «Доколе это терпеть? Не пора ли действовать?» — призывали они. В их словах звучала ненависть к самодержавию, призыв к свержению царя, но Пушкину не объясняли, как они мечтали это сделать, поэтому выводы в стихотворениях он делал свои.

Мы уже убедились, что в Лицее у Пушкина не была сформирована собственная политическая концепция. Сейчас же в атмосфере петер-

бургского вольномыслия начинает формироваться новое миропонимание — конечно, основанное пока на взглядах будущих декабристов.

При непосредственном влиянии идей участников «Союза благоденствия» всего через несколько недель наступившей осени 1817 года на квартире декабристов, по предложению Николая Тургенева, Пушкиным написано острое политическое стихотворение — ода «Вольность»:

*...Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.
Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди главных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!*

Кроме оды, написано еще немалое количество вольнолюбивых стихов, эпиграмм, политических острот, в том числе на архимандрита Фотия:

*Полу-фанатик, полу-плут;
Его орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых.
— На военного министра графа Аракчеева:
Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю, он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто же он? Преданный без лести,
Грошевый солдат.*

На императора Александра I — «Рождественская сказка»: *«Ура! В Россию скачет / Кочующий деспот. / Спаситель горько плачет, / А с ним и весь народ...»* В ней все конституционные обещания монарха молодой поэт расценивал как сказки.

Заметьте ода «Вольность» написана по просьбе, а не по поэтическому вдохновению. Это говорит о том, что мировоззрение у Пушкина не меняется, он все еще увлекаем.

Альтернативой отдыха от встреч с участниками Обществ были балы, проводимые в светских домах, которые также заканчивались далеко за полночь.

Молодой организм, привыкший к строгому распорядку дня, с такими нагрузками не справился, и в феврале 1818 года Пушкин заболел. Врачи установили диагноз «горячка». Две недели Александр находился между жизнью и смертью. Однако постоянный уход родных дал себя знать и помог юноше справиться с болезнью.

Как всегда, нет худа без добра. 1 февраля 1818 года, в Петербурге в продажу поступили 8 томов «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, тиражом 3000 экземпляров, именно той «Истории», о которой рассказывал Карамзин в 1805 году Сергею Львовичу Пушкину, в присутствии шестилетнего Саша.

За время болезни Пушкин прочитал «в постели, с жадностью и вниманием» все 8 томов «Истории государства Российского». На основании чего сделал вывод: «История Государства Российского» — *«Есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека»*. Позже Пушкин вспоминал: *«Все даже светские дамы, бросались читать Историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалась найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили»*.

Говорят: хороша ложка к обеду. У Пушкина уже год, как вызревала в голове поэма «Руслан и Людмила», но что-то никак не складывалось, а в «Истории» он нашел факты, которых ему не доставало, исторические подробности времен правления князя Владимира, которые благополучно использовал для своей будущей поэмы.

Выздоровление шло медленно. Несмотря на недомогание, в Петербурге Пушкин часто заходил в Демутов трактир, где жил П. Я. Чаадаев, вел с ним долгие беседы, «пророческие споры» (по выражению поэта). Их объединяла преданность свободе и Отчизне. Чаадаев внушал Пушкину, что поэзия, есть мысль, облеченная в поэтическую форму, которая должна отображать «дух времени», и задача поэта — постичь этот дух, обращаясь к опыту и думам «передовых» людей эпохи, то есть, на то время — будущих декабристов.

После полного выздоровления, в июле 1818 года, Пушкин уезжает из Петербурга в село Михайловское — на свежий воздух.

Осенью 1818 года в «духе времени» Пушкин пишет еще одно острое политическое стихотворение — послание «К Чаадаеву»:

... Пока свободой горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Опять Пушкин пишет стихотворение без поэтического вдохновения, а руководствуясь «думами и мыслями передовых» людей, хотя хорошо известно, что вдохновение было формой его существования как поэта.

Если лето и осень Александр проводил в Михайловском, то на зиму и весну уезжал на зимнюю квартиру к родителям в Петербург.

В марте 1919 года поэт вступает в литературно-театральное общество «Зеленая Лампа», которое уже напрямую ассоциируется с «Союзом благоденствия», и становится полноправным ее членом, участвует во всех заседаниях. С этого момента в творчество и жизнь Пушкина начинает проникать политика. Собрания «Зеленой лампы», скорее всего, и сформировали свобододлюбивый дух пушкинской поэзии. Однако Александр мечтал о вступлении именно в тайное общество «Союз благоденствия». Он догадывался, что там при встречах, рассматриваются

самые острые политические вопросы, в обсуждении которых желал принимать участие.

Лето и осень 1819 года Александр Сергеевич провел в Михайловском, дописывая поэму-сказку «Руслан и Людмила».

Постепенно Пушкин стал обращать внимание, что именно в осенний период у него начинается активная творческая деятельность. В Михайловском он радовался туманной и дождливой осени, которая приносила ему бодрость мысли, целыми днями гулял по окрестностям, вокруг которых было много небольших деревушек. Часами наблюдал, как землевладельцы управляют своими рабами (так крепостных называли декабристы).

Александр знал, что владелицей Михайловского была его мать, бабушка владела деревней Захарово, а отец — деревней Болдино и еще несколькими деревнями вокруг. Также он знал, что никто из родных не занимался хозяйством лично: везде нанимались управляющие, которые и приглядывали за крепостными крестьянами.

Деревня дала Пушкину жизненные наблюдения, конкретные факты, что позволило ему сделать некоторые выводы о самодержавии, рабстве. Сейчас он стал считать гусарскими заблуждениями то, что природой в деревне наслаждаться невозможно, так как якобы все отравляет рабство.

Осенью 1919 года в соответствии с идеями участников Общества он написал политическое стихотворение с говорящим за себя названием «Деревня».

*...Приветствую тебя пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновения...
<...>
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.*

Заметьте, это опять заказное стихотворение. Пушкин обратил внимание, что, не принимая его в «Общество», в кругу будущих декабристов на него возлагают надежды только, как на «рупора» политической

пропаганды, и не более того. Конечно, Пушкин не мог не осознавать своей ответственности за крайние революционные идеи в своих стихотворениях, которые легко заучивались и запоминались. Декабрист И. Д. Якушкин писал, что в те времена едва ли был такой взрослый воспитанник, который не списывал и не выучивал наизусть этих стихов, а в армии «любой сколько-нибудь грамотный прапорщик тоже знал их наизусть». Кроме того, современники рассказывали, что и весьма пожилые люди в высоком звании, которые не были причастны к революционным идеям, между тем твердо помнили наизусть все стихотворения Пушкина. То есть, для всех, кто с ним близко общался, он был популярен только своими революционными стихами, что подтверждал в своем письме Петру Вяземскому Николай Тургенев: «...Его знают по мелким стихам и большим шалостям». Вот эти-то шалости, а также известная изменчивость в быстрых переходах от одной крайности к другой, стремление стать своим человеком в великосветских кругах и были, скорее всего, причинами, неприятия поэта в тайное общество. А значит он не был в курсе подлинных революционных тем заговорщиков. Поэтому вследствие своей еще политической неграмотности, Пушкин в стихотворениях делает определенные выводы на надежды поэта: «на тронах поразить порок»; увидеть «рабство, падшее по манию царя», которые и уводили его от собственно поэтических целей.

Известно, что поэзия для Пушкина была важным делом его жизни. А здесь оказалось, что его стихи нигде не печатаются: подключилась правительственная цензура. Они переписывались и ходили в рукописях, в узких кругах обсуждались — но все это в основном среди молодого поколения.

Можно сделать вывод, что жизнь и поэзия сливались у Пушкина в одно целое. Факты жизни становились у него фактами творчества. В свою очередь, поэзия определяла его судьбу, что наглядно проявится в событиях 1820 года.

«Благодаря цензурным доброжелателям», острые политические стихи были доведены до Александра I и вызвали его гнев.

В конце апреля 1820 года Александр I, встретившись с директором Лицея Энгельгардтом высказал ему с укором: «Пушкина надо сослать

в Сибирь, он наводнил Россию своими возмутительными стихами, и вся молодежь читает их наизусть».

В защиту Пушкина выступили писатели, его старшие товарищи: Карамзин, Жуковский. Они убеждали царя: он не опасен, обычная юношеская бравада, но зато талантлив. Карамзин так объяснял свое ходатайство перед вдовствующей императрицей Марией Федоровной, матерью Александра I: *«Я просил о нем из жалости к таланту и молодости, авось будет рассудительней, по крайней мере дал мне слово на два года!»*

Видимо, ее просьба к императору и была решающей. Скорее всего, Мария Федоровна напомнила сыну, каким безвредным шалуном в Лицее был Пушкин, а сейчас разве он виноват, что кто-то воспользовался политической его неграмотностью? Но он ведь Гений! Талант! Царь смиловился и распорядился: *«Снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему подорожные в соответствии с чином и соблюдением возможной благовидности. Отправить на службу в Екатеринослав к генералу Инзову — наместнику Бессарабии»*. Кроме того, Пушкин должен был доставить депешу о назначении Инзова полномочным наместником Бессарабской области. Также Пушкин вез с собой указ императора и характеристику на самого себя, подготовленную графом Ионисом Каподистрия, непосредственным начальником Александра Сергеевича Пушкина.

Друзья-лицеисты, соблюдая клятву в вечной дружбе и верности, также обратились со словами поддержки опального поэта. Кюхельбекер на одном из собраний «Вольного общества любителей словесности», решил публично выступить в его защиту и прочитал свое стихотворение «Поэты» со словами:

*Итог — наш юный Корифей —
Певец, любви, певец Руслана!
Что для тебя шипенье змей...*

Вскоре после выступления на Кюхельбекера донесли министру иностранных дел, куда он поступил на службу после окончания Лицея. Вопрос стоял об его аресте за крамольные стихи. В эти дни директор Императорских театров Александр Нарышкин подыскивал секретаря со знанием немецкого языка для поездки за границу. Другой друг

поэта, Дельвиг, по своему происхождению, получил такое предложение. Лицейская дружба оказалась превыше собственной значимости. Дельвиг посоветовал Нарышкину взять вместо себя Кюхельбекера, который неплохо знал несколько иностранных языков. Сам Дельвиг, в поддержку поэта, тоже написал стихотворение «Соловей», так как не знал на какое время расстанутся друзья:

*Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридцать земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега...*

Интересно, что в дальнейшем стихи попали к композитору А. Алябьеву, когда тот находился в тюрьме, и в результате появилась музыка к этим печальным стихам.

Опять, как и в юные годы, Пушкин отделался легким испугом. Но в этот раз он почувствовал, что с властью нужно быть осторожней: не порицать всенародно. Внимательно ознакомившись с распоряжением о так называемой командировке, Пушкин увидел, что в нем отсутствуют сроки возвращения, а значит, подумал он, царь не простил его, и скорее всего, отлучил от пребывания в столице, может быть, навсегда. Когда уезжаешь надолго появляется желание как-то обезопасить свой дом от случайностей. Пушкин вспоминает мифологического хранителя очага, бдительного сторожа — Домового и пишет стихотворение:

*Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой,
И скромную семьи мою обитель!
Счастливым домик охрани!
Ходи вокруг него заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
Калиткой ветхою, с обрушенным забором...*

Собираясь в дорогу, Пушкин подумал, как хорошо, что в 1819 году он закончил поэму «Руслан и Людмила» и даже успел заключить договор с издательством на печать с оплатой по договоренности. Таким образом,

Пушкин стал первым писателем в России, который начал получать гонорары от издателей.

Следует отметить, что в эти годы у Пушкина продолжается лицейское инстинктивное влечение к реалистическим стихотворениям, пусть пока это только отрывки из них, к примеру: «К Всеволожскому», «Деревня», но направление, как покажет будущее — истинно народное. Народность поэмы «Руслан и Людмила», опубликованной весной 1820 года, была обусловлена слиянием элементов богатырской сказки, фантастики, простонародной лексики, историзма. Легкая сказка была написана простым русским языком, от которого так и веяло русским духом, отмечал Гоголь. Публика с восторгом приняла историю, понятную по содержанию, состоящую в том, что Руслан, древний русский богатырь, отыскивает свою невесту Людмилу, которую похитил злой волшебник Черномор. Новаторским явился и язык поэмы. Он был простой и понятный, близкий к живой народной речи, изобилующий простонародными выражениями. Многие осуждали автора за наличие в поэме «низких» слов, «площадного» языка, не отвечающего требованиям «хорошего вкуса». Пушкин никогда без внимания не оставлял критику в свой адрес, он отвечал: *«Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Грубость и простота более ему пристали»*. Читающее же общество делает вывод: *«Так значит, можно писать близко к тому, как мы говорим! — и это замечательно»*.

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаям упоенный...

А. С. Пушкин

Часть 5

Пушкин на юге России

1820–1824 гг.

Пушкин прибыл в Екатеринослав 16 мая 1820 года и познакомился с генерал-лейтенантом Иваном Никитичем Инзовым, под началом которого ему предстояло служить.

И вдруг опять несчастье: искупавшись в холодных водах Днепра, он заболел. Здесь не было родственников, которые ухаживали бы за ним, кроме дядьки Никиты Козлова. Но по счастливой случайности в эти дни в Екатеринослав по дороге на Кавказ, заехало семейство генерала Раевского, со стороны которых была проявлена настоящая гусарская дружба, и они забрали Пушкина с собой, с предложением подлечиться на Кавказе (предварительно договорившись с Инзовым).

Целебный горный воздух благотворно подействовал на молодой организм, и через неделю от болезни не осталось и следа. До конца лета 1820 года Пушкин пробыл с Раевскими на Кавказе. Побывали в Кисловодске, посетили Горячеводск (Пятигорск), Железноводск, осмотрели колонию русских немцев Каррас у подножия горы Машук, основанную шотландцами с целью распространения христианства между язычниками и мусульманами.

Покинув Кавказ, Раевские и Пушкин направились в Крым (Таврида) через Кубань, Тамань, Керчь. Из Керчи ехали в каретах до Феодосии, в степях заезжали к черноморским казакам. Пушкин вспоминает: *«...вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась пушка с заряженным фитилем»*. Для чего такая охрана была у генерала? Дело в том, что согласно Табели о рангах Раевский Николай Николаевич имел II класс, выше

него был только фельдмаршал. А местные жители, черкесы, в надежде получить большой выкуп, готовы были напасть на известного русского генерала, про которого Наполеон говорил: *«Этот русский генерал сделан из материала, из которого делаются маршалы»*.

От Феодосии до Гурзуфа плыли морем. Пушкин впервые увидел Черное море. Они двигались на военном бриге «Мингрия». Природа Крыма захватила поэта так, что он всю ночь не спал. Позднее Пушкин писал брату, что за эту ночь, по пути к Гурзуфу, он сочинил элегию «Погасло дневное светило».

В Гурзуфе было имение Раевских, где они пробыли целый месяц, за время которого совершили поездку по всему Крыму. Приехав в Бахчисарай, осмотрели дворец хана и знаменитый «фонтан слез». Образ Крыма и просто-та его коренных жителей, покорили поэта настолько, что он мечтательно записал: *«Когда-нибудь у меня будет клочок Крыма»*. Далее добирались через Симферополь, Таганрог, Ростов, где им открылись земли донских казаков, овеянные легендами о Степане Разине. Они с увлечением слушали предания, песни и собирали исторические известия о народном герое.

В это время пришло сообщение, что канцелярию наместника Бессарабии Инзова перевели из Екатеринослава в Кишинев. Пришлось Пушкину изменить маршрут, ехать через Одессу в Кишинев, куда и прибыл в сентябре 1820 года. Выполняя поручение правительства «надзирать» за ссыльным поэтом, Инзов приютил Пушкина у себя и не обременял его служебными поручениями. Формально Пушкин был занят переводом с французского языка на русский молдавских законов — но сам он писал: *«ни дня не служил, никому ни писал ни одной бумаги, ни одного отчета. Единственной моей службой была литература»*. Стоит отметить, что у Инзова была богатейшая библиотека.

Территорию Бессарабии Россия получила во владение в результате шестилетней русско-турецкой войны 1806–1812 годов, по Бухарестскому миру, а Кишинев был признан столицей Бессарабской области и центром православной епархии. С появлением немногочисленной русской общины в Кишиневе зазвучала русская речь. В дальнейшем Александр Сергеевич писал своему брату: *«Пиши ко мне, покамест я еще в Кишиневе. Я тебе буду отвечать со всевозможной болтливостью и пиши мне по-русски,*

потому что, слава богу, с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русский язык». С целью укрепления русского общества сюда для продолжения службы были переведены высокообразованные офицеры, участвовавшие в Бородинской битве: Орлов, Раевский, Пестель, П. С. Пущин, М. Д. Горчаков¹ и другие, вокруг которых стало объединяться светское общество.

Благодаря покровительству Инзова, Пушкин был вхож в дворянские дома, поэтому свое знакомство с Кишиневским обществом Пушкин начал с посещения салонов богатых молдаван. Интересен рассказ лицейского товарища Горчакова: *«Говоря о балах в Кишиневе, я должен сказать, что Пушкин охотно принимал приглашения на все праздники и вечера, и все его звали. На этих балах он участвовал в неразлучных с ними занятий — любил карты и танцы»*. Кишиневская молодежь также приняла его в свои ряды, в первую очередь за стихи: как они говорили — шли «на Пушкина». Известный своими неординарными выходками Пушкин был предметом любопытства и рассказов о нем. Складывалось впечатление, что поэт сознательно продолжал поддерживать сложившееся мнение о нем, как о человеке, которому все дозволено и который ничего не боится. Он продолжал развлекаться, как в недавней юности. Правда шалости были уже не детские, а взрослые шутки, с далеко идущими последствиями. Он мог прийти на бал аристократической знати и своей одеждой шокировать всех светских женщин, или верхом на лошади взобраться на высокое крыльцо дома знатного вельможи и напугать его супругу. Кроме того, были известны случаи столкновения с представителями мужского кишиневского общества, причем в нескольких случаях окончившихся дуэлями. Иногда Инзову удавалось вовремя узнать о готовившемся поединке, и генерал принимал решительные меры: сажал Пушкина под домашний арест, а сам в это время пытался уладить возникший конфликт. Существует версия: окна комнаты, где был закрыт Пушкин, выходили во двор, где генерал-губернатор держал орлов, прикованных за лапу железной цепью. Могучие птицы не могли вырваться и улететь на свободу, в чем наш «узник» увидел сходство со своим заточением. Вдохновленный сравнением, Александр Сергеевич написал стихотворение «Узник»:

1 Павел Сергеевич Пущин, 1785 года рождения; Михаил Дмитриевич Горчаков, 1793 года рождения — участники Отечественной войны 1812 года.

*Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,*

*Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!..»*

Считаю, что в силу своего возраста и отсутствия политического опыта, Пушкин не догадывался, что за ним со стороны наблюдают не только жандармерия, но также и прогрессивные Отечества сыны. Цензуру за собой он, конечно, осознавал, а вот как повлияет его эпатажное поведение на представителей, зарождающегося революционного движения на юге России не предвидел.

Правительство, выслав Пушкина из Петербурга, неожиданно для себя невольно приблизило его к передовым людям России. Эпиграммы против правительства и самого царя разносились в рукописях от Петербурга до Одессы, везде их читали, токовали, любовались ими. Они придавали поэту популярность среди молодежи на периферии и особенно среди офицерского состава армии.

В свободное время Пушкин, по сложившейся уже традиции, посещал народные гуляния, игры и базары. Разгуливая по городу в праздничные дни, поэт без стеснения присоединялся к народным танцам. Он внимательно слушал и записывал песни болгарских, греческих, сербских эмигрантов. Пушкина вдохновляли их быт и пестрая смесь национальностей. Поэт даже писал об этом:

*Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин.
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин.*

Но в преимуществе своем жили, в Кишиневе, конечно, молдаване. Пушкин даже написал для себя небольшой молдавский словарь, этого запаса хватало для простого разговора.

Вместе с Инзовым Пушкин путешествовал по всей Бессарабии. По служебным делам посещали Измаил, Аккерман, Болгород, Одессу, Бендеры, а Пушкин успевал еще знакомиться и с достопримечательностями местного края, коренными жителями, пытался проникнуть в жизнь многонационального народа Российской империи.

Однажды Пушкин, не сказав никому, пропал на несколько дней. Оказалось, что все эти дни он провел с цыганским табором. Позднее на основании тех наблюдений, которые накопились у Пушкина во время его скитаний в пустынях Бессарабии, была написана поэма «Цыгане». В эпилоге к поэме он написал:

*Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смирненной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях праздный я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпать пред их огнями
В походах медленных любил...*

Как мы видим, во всех местах, где останавливался Пушкин, он старался поближе познакомиться с жизнью и бытом проживающего там населения, узнать их привычки, язык, фольклор.

Но, как и раньше, Александр скучал без своих друзей. Узнав, что семейство Раевских поселилось в Киеве, он, пользуясь благодушным отношением к себе Инзова, добился разрешения навестить друзей в имении Каменка, где ежегодно на день рождения матери генерала Николая Николаевича Раевского собирались многочисленные родные и друзья. Дело в том, что по второму браку с Львом Денисовичем Давыдовым она была Давыдова. У нее было два сына Александр и Василий Давыдовы. С Василием Пушкин был знаком еще по Петербургу.

В Каменку Пушкин прибыл в ноябре 1820 года и находился там до марта 1821 года. Поместье хозяйки Раевской-Давыдовой было огромным: кроме большого барского дома включало отдельные флигеля во дворе и бильярдную, где любил уединяться Пушкин; поэму

«Кавказский пленник» он начал писать лежа на бильярдном столе, а по словам одного из братьев Раевских, Николая, что на нем же ее и закончил.

Здесь же, в Каменке, он встретил будущего декабриста Якушкина, с которым его познакомил Чаадаев, а также членов «Арзамаса» — генерала Орлова, поэта Владимира Раевского, с которыми также был знаком по Петербургу.

На мужской половине барского дома Пушкин увидел будущих декабристов Пестеля, Волконского, Сергея Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина.

День рождения, обстановка этого праздника удовлетворяли требованиям конспирации, — догадывался Александр Сергеевич, — значит, неспроста здесь собирались заговорщики тайных обществ. Предчувствие не подвело поэта: после организации Южного общества «Союза Благоденствия» Каменка превратилась в один из штабов заговора, о чем он узнал позднее. На заседаниях обсуждались вопросы истребления всей царской фамилии, убийство Александра I. Вот он — мой шанс вступить в тайное общество, — подумал Пушкин, хоть и не мог быть до конца уверен, что общество вообще существует. После Петербурга это была вторая попытка встать в ряды заговорщиков, но она оказалась еще провальней и обидней: участники Общества разыграли целый спектакль, принятие Пушкина оказалось мнимым, так как в конце собрания они со смехом сказали, что это только шутка, никакого тайного обществ нет и не было! О реакции Пушкина и его возмущенных словах в своих «Записках» сообщил декабрист Якушкин: *«Я никогда не был так несчастлив, как теперь, я уже видел жизнь мою облагороженную, и высокую цель перед собой, а все это была только злая шутка».*

Члены южного общества по многим причинам относились к Пушкину довольно осторожно. Основная причина это то, что он стал лицом политически неблагонадежным. Тайная полиция внимательно следила за поднадзорным поэтом. За Пушкиным следил и Аракчеев, читавший все вышедшее из-под его пера. Кроме того, бдительное око начальства ни на мгновение не выпускало Пушкина из поля своего внимания. Кишиневские шпионы писали в Петербург доносы: *«Пушкин открыто бранит*

военное начальство и правительство». Действительно, в Кишиневе Пушкин вел себя заносчиво, в разговорах с чиновниками Инзова восхвалял революцию, своими вольнолюбивыми устными выступлениями оказывал определенное революционное влияние на прогрессивные круги не только русского дворянства, но и молдавского боярства. Его площадное вольнодумство, о чем говорилось выше, шло в разрез с конспиративным поведением заговорщиков. Политическая активность Пушкина выглядела как позерство, он не понимал, что члены тайных обществ так себя не ведут: не кричат на каждом углу, что ты не согласен с действующей властью. В таких условиях принятие опального поэта в тайное общество действительно представляло бы собой грубейшее нарушение основных требований конспирации. Привлечь его к заговору — это значило навести сыскных ищек на прямой след Тайного общества.

Позднее Пушкин в разговорах с Пушциным в Михайловском в 1825 году, а также с женой декабриста Никиты Муравьева, ехавшей к своему мужу, в 1827 году в Сибирь, передавая ей послание к декабристам «Во глубине Сибирских руд» признавал, что обиды с его стороны за то, что его не принимали в Общество, были несправедливы: *«Впрочем, я не заставляю тебя любезный Пуцин, говорить. Может ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою — по многим моим глупостям».* А Александре Григорьевне говорил: *«Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести».* Но в марте 1821 года по возвращении в Кишинев Пушкин считал себя незаслуженно обиженным.

Известно, что за черной полосой всегда следует белая. Так и произошло в нашем случае: по рекомендации Ивана Никитича Инзова, Пушкина приняли во вновь открывшуюся в Кишиневе масонскую ложу. Не беда, что она юридически не была оформлена, — зато сбылась мечта поэта, — быть членом, может быть общества заговорщиков.

Ложу возглавил генерал-майор Павел Сергеевич Пуцин, ее называли «Овидий». Есть мнение, что имя древнеримского поэта, жившего в ссылке на берегу черного моря, предложил Пушкин. Для Пушкина Овидий был таким же изгнанником, как и он.

Масонская ложа в те времена являлась самой популярной формой нравственного воспитания. Масонский лозунг «Свобода, равенство,

братство» вдохновлял Пушкина. На самом деле масонами был озвучен лозунг Французской революции, где свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому; равенство — означает, что все равны перед законом, то есть, имеют равный доступ ко всем постам, должностям и занятиям; братство — не делай другим того, что не хотел бы получить сам. Это было время, когда все были масонами. Масонство было своеобразной модой, объединявшей многих литераторов, философов, аристократов. Пушкин обратил внимание, что под лозунгом масонства собирались участники кишиневской ячейки Южного тайного общества. В ячейку входили офицеры 16-й пехотной дивизии под командованием Михаила Федоровича Орлова. Здесь поднимались вопросы изменения политического строя России.

В декабре этого же года ложа прекратила свое существование из-за политической направленности организации и целей, которые преследовали ее члены, а в особенности из-за выбранного пути — революционного.

Александр I покровительствовал масонам, пока не столкнулся с их революционными идеями, когда на первый план были выдвинуты уже и социально-политические вопросы. 1 августа 1822 года он издал указ о закрытии всех тайных обществ, включая масонские ложи. Однако масонство как класс не было уничтожено. Пущин, Орлов, Раевский, Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин все были масонами. В ответ на запрет русское масонство замкнулось в тайных конспиративных кружках, сохранив свое направление: борьба с самодержавием, отмена крепостного права.

Генерал Орлов возглавил Кишиневскую управу тайного кружка. В те годы Орлов разрабатывал широкую программу либеральных реформ, куда входили свобода печати, введение суда присяжных, отмена крепостного права, установка конституционной формы и, возможно, даже монаршего правления. За Орловым был установлен тайный надзор: правительство искало повод, чтобы лишить его должности, несмотря на то что на съезде «Союза благоденствия» в январе 1821 года, он добровольно вышел из организации, а сам Союз был распущен из-за разногласий его членов в вопросах будущего России.

В доме командира 16-й дивизии Михаила Орлова собиралось общество образованных передовых людей, которым претил царский деспотизм: велись беспрестанно шумные споры как литературно-философские, так и политические.

Орлов был уважаемым генералом в армейских кругах. Он одним из первых отменил телесные наказания в армии, а в своей дивизии ввел школы для нижних чинов по методу взаимного обучения, начальником этих школ назначил майора Владимира Раевского, который использовал занятия для политического просвещения солдат. Известны его записки «О рабстве крестьян» и «О солдатах». В последней записке скрытно проведена мысль, что правильным выходом из тяжелого положения является вооруженная борьба — восстание, а Пушкина он призывал к гражданственности в поэзии, с чем тот был вовсе не согласен. Поэтому, чем дальше, тем больше поэт опасался культурного диктата будущих декабристов: он видел их нескрываемое желание обратить искусство в прислужницу политики. Пушкин разочаровывается в перспективах революционного движения, которое было движением группы военных заговорщиков, совершенно не учитывающих настроение масс, и приходит к мысли, что революционный путь не единственный и далеко не лучший.

6 февраля 1822 года по доносу секретного агента был арестован Владимир Раевский. Он был обвинен в революционной пропаганде и агитации среди солдат и юнкеров. Арест произведен при отсутствии прямых улик, по одному лишь подозрению в антиправительственной агитации среди солдат, которых он учил грамоте. В марте 1822 года отставлен от службы генерал Павел Сергеевич Пущин. В ноябре 1822 уволен с армейской службы ближайший соратник Орлова Константин Алексеевич Охотников. Наконец очередь дошла до самого Орлова. Под предлогом ослабления дисциплины в дивизии, его лишили должности, оставив в армии без места. Таким образом, произошел разгром Кишиневского южного тайного кружка масонов. Среди членов тайного кружка не было никакого единства, что вызывало разочарование Пушкина. Все-сильность масонов не проявилась. Сработал лозунг «Наложение на уста молчания», когда масонство предполагало определенные границы в высказываниях, определенные согласования своих речей с братьями,

находящимися старше по иерархии. Братья масоны — генералы Орлов и Пущин — на глазах поэта показали свою немощь. Один собрат был лишен должности, другого отстранили от службы, а третьего вовсе бросили в тюрьму.

Пушкин, недавно принятый в масоны, был одинок, не нашлось старшего брата, на кого можно было опереться, а вот попасть в каталажку¹ он мог запросто. Пушкин пишет:

*Всегда так будет и бывало
Такой издревле белый свет:
Ученых много, умных мало,
Знакомых тьма, а друга нет.*

Скорее всего, разочарование Пушкина было не в масонстве, а в тех, кто его представлял. Будущие декабристы-масоны прежде всего занимались не вопросами совершенствования, а обсуждением социальных и экономических проектов, предполагавших, в частности, сокращение сроков воинской службы и освобождение крестьян, с классом которых, за чье дело они боролись, не могли войти в контакт. Вместо постепенного совершенствования, акцент в работе тайных кружков был сделан на решительном действии с переходом к тактике военной революции, для чего им и требовалась лира опального поэта. В этом случае, совершенно другая роль должна отводиться народу в его собственном освобождении от крепостничества, — считал Пушкин.

Кроме того, Пушкин тоже был масоном и его следующее разочарование было в том, что политики-масоны знают пути и цели, а поэт — только их помощник, который распространяет эти идеи среди читателей. Главное дело остается за руководителями Орловым и Пестелем или Тургеневым с Никитой Муравьевым. Пушкина они видели просто агитатором. Также разочарование вызывал в нем и лозунг свободы, который масоны понимают как право, а не обязанность, долг.

В 1823 году Пушкин был прикомандирован к канцелярии генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабии графа Михаила Семеновича Воронцова с резиденцией в Одессе. Воронцов добился, чтобы

ссылного поэта перевели из Кишинева в Одессу, где «все Европой дышит, веет». Оказывается, на эти действия губернатора были причины: во-первых, дядя Воронцова был крестным Пушкина, а это по правилам того времени родня! Во-вторых, Воронцов искренне рассчитывал обрести в Пушкине «послушного и дельного чиновника, готового исправить прегрешения достойной службой царю и отечеству», а самому заслужить благодарность Александра I.

Одесса — большой город с ресторанами, театрами, итальянской оперой, блестящим и разнообразным обществом, резко контрастировавшим с кишиневской провинциальностью.

3 июля 1823 года Пушкин переезжает в Одессу, а 30 июля 1824 года уже покидает, причем не по собственной воле. Воронцов по приезду Пушкина ввел его в круг семьи и своих знакомых. В письмах к своему приятелю он признавал, что талант у Пушкина есть, что русским языком владеет в совершенстве, пишет молодо, свежо и занятно, и своему начальству сообщал, что поведение его благоразумно и сдержанно. Однако в марта 1824 года он обращается в министерство иностранных дел с просьбой удалить Пушкина из Одессы, причем куда-нибудь подальше: он писал, что тот не хочет ничего делать и проводит время в совершенной лени, а основной недостаток Пушкина — это его самолюбие, или, иначе говоря, независимая манера поведения. Пушкин же считал, что его авторское самолюбие «сливается» с «аристократической гордостью шестисотлетнего дворянства», поэтому он не считал себя обязанным служить, что было для того времени в порядке вещей. Воронцов совсем не высоко ценил талант Пушкина, в нем он видел прежде всего мелкого и притом опального чиновника, а не гениального поэта. Воронцов продолжал писать письма в правительство с просьбой удалить от него Пушкина. В своих закулисных играх он руководствовался прежде всего личной неприязнью к поэту. Решение наверху не принималось. Тогда Воронцов прибегнул к излюбленному способу подчиненных: воспользоваться слухами и надавить на слабое место императора. Дело в том, что тот ненавидел Байрона, за его поэму «Бронзовый век», написанную в 1823 году, в которой Байрон предлагал русскому императору заняться своей несчастной страной, где народ изнемогает от рабства и нужды.

¹ Место заключения, небольшая тюрьма

В письме министру иностранных дел граф Воронцов представил Пушкина как ученика и подражателя этого вопиющего клеветника Байрона. Он писал: «Разве можно оставить стихотворца безнаказанным?» Что было и доложено Императору. Одновременно сыграл свою роль его Величество Случай: в Москве было вскрыто письмо Пушкина лицейскому товарищу Кюхельбекеру, где тот писал о своем увлечении «атеистическими учениями», а в XIX веке безбожие считалось государственным преступлением. За такие высказывания поэту грозила не просто отставка, а ссылка.

По многочисленным доносам графа, что Пушкин проникся «вредными началами», Александр I принял решение:

1. Исключить его из списков чиновников министерства иностранных дел за дурное поведение.
2. Удалить его в имение родителей в Псковскую губернию под надзор местного начальства.

29 июля 1824 года Пушкин получил предписание *«без замедления отправиться из Одессы в губернский город Псков и оттуда в Михайловское, имение его матери»*. 30 июля Пушкин покинул Одессу, дав подписку властям, что поедет по предписанному ему маршруту и нигде не будет останавливаться.

Александр Сергеевич Пушкин никак не представлял себе такой поворот в своей жизни. Один резкий разворот в своей судьбе он уже пережил, когда ссылку в Сибирь император заменил ему на южную «командировку», больше похожую все-таки на ссылку. Но вот на творчество его никто запрета не накладывал. За четыре годы, проведенные в южных губерниях, Пушкин написал более ста стихотворений. Находясь в изгнании, поэт создал произведения, в которых появляется герой, стремящийся к свободе. Именно на юге в поэзии Пушкина свобода становится едва ли не основной темой его творчества. Но теперь на первый план выходит идея свободы отдельной личности, причем материал берется из реальной жизни. Другими словами, от романтизма в творчестве Александр Сергеевич переходит к реализму. Одним из примеров действительного происшествия была поэма «Братья-разбойники», где был описан побег из кишиневской тюрьмы двух скованных между собой братьев-сирот, ставших разбойниками

из-за крайней бедности, а для усиления необходимого колорита Пушкин вводит в поэму народно-бытовое просторечие.

Александр Сергеевич во время путешествия по дорогам России узнавал русскую жизнь. Во время путешествий по Кавказу и Крыму уже стал интересоваться бытом казачьих станиц, рассказами о вольных шайках разбойников. Соприкосновение с крымскими татарами, горцами, цыганами, армянами, донскими казаками явилось дальнейшим этапом в развитии элементов народности. Путь к реализму Пушкина идет через проникновение в интересы «простого» народа.

Величавая дикая горная природа ошеломила поэта своей первозданной мощью. Впечатления от увиденного нашли отражения в поэме «Кавказский пленник». Никто еще до него так точно не описывал жизнь горцев и их обычаи. Восхитил Пушкина ханский дворец в Бахчисарае. Древняя Таврида пленила его воображение роскошью природы, простой жизни местных жителей, что он и отметил в поэме «Бахчисарайский фонтан». Публика с восторгом приняла поэмы и «Крым и Кавказ стали знакомы каждому русскому». Да, поэмы романтические, однако невозможно не заметить присутствия в них образов из реальной жизни. Кроме того, в южной ссылке Пушкин вновь обратился к фольклору, историческому прошлому с элементами фантастики. У него складывается взгляд на народную поэзию как на поэзию героическую. Пушкин пишет историческую богатырскую балладу «Песнь о вещем Олеге».

Князь Олег — это действительно живший человек, правитель Новгорода с 879 года, а с 882 великий князь Киевский. Вещим он назван так за победоносный поход на греков в 907 году и взятие столицы Византии — Царьграда. В балладе Пушкин отразил историческое прошлое не только при описании военного быта, но и при описании народной жизни. К тому же описанная легенда о смерти князя Олега укладывалась в веру народных суеверий. В ту эпоху люди верили в колдовство и предсказания, а образ змеи в народе считался символом смерти. Так Пушкин смог отразить в своем произведении жизнь и народные представления во времена правления князя Олега.

Но главной темой творчества Пушкина во время Южной ссылки оставалась все-таки тема свободы. Себя он тоже считал узником поневоле,

что подтверждает стихотворение «Узник», а в стихотворение «Птичка», в завуалированном виде, поэт обратился к императору: не может ли тот даровать свободу, как «беззащитному перед ним изгнаннику?»

Согласно православному обычаю, в Светлое воскресенье — Пасху, некоторые русские помещики отпускали на волю часть крестьян:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Расчет Пушкина на великодушие и милость монарха не оправдался. Вместо свободы он получил настоящую северную ссылку.

...Я приступал лишь только к жизни; годы
Промчались — и вы во мне прияли
Усталого пришельца!..

А. С. Пушкин

Часть 6

Михайловская ссылка

1824–1826 гг.

Пушкин прибыл в село Михайловское 9 августа 1824 года. По дороге пришлось заехать в Псков, к губернатору, и дать подписку о том, «что он обязуется жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благонаравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни и не распространять оных никуда».

Друзьям, Александр Сергеевич Пушкин называл истинную причину ссылки: «За две строчки не-религиозные. За две строчки перехваченного письма». Наученный горьким опытом перлюстрации¹, дает советы родственникам и друзьям, как с помощью двойного конверта под чужим адресом избежать перлюстрации. И обязательно нужно было подтверждать о их получении: например, он пишет Вульффу: «Пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей». Был еще один способ, писать, не скрывая мыслей. Это «оказия», то есть удобный случай для отправки письма, посылки с кем-либо. В условиях поднадзорности «оказия» приобретала большое значение: позволяла писать более свободно. Как правило, эти письма отправлялись с хорошо знакомыми людьми или родственниками друзей. Почта в начале XIX века тоже работала, но письма отправляли не в конвертах. Письмо представляло собой один или несколько листов бумаги. Их текстом внутрь складывали несколько раз и опечатывали сургучной печатью. На обратной стороне писали место

¹ Просмотр личной, персональной корреспонденции, совершаемой в тайне от отправителя и получателя.

назначения и фамилию, имя, отчество адресата. Далее письмо взвешивалось и оплачивалось. Один лист — один лот, весом 12,8 гр., стоил от 3 до 10 копеек.

В 1820 году началось массовое производство белых конвертов. Один конверт из белой бумаги стоил 6 копеек серебром. Верхняя часть штемпельных конвертов не была обработана клеем. Перед отправкой писем штемпели на конвертах перечеркивали от руки пером, для предупреждения пересылки нескольких писем в одном и том же конверте. Корреспонденцию доставляли в специальные почтовые дни. Скорость доставки зависела от времени года: зимой 12 верст, а летом от 8 до 10 верст в час. Почта играла ключевую роль в общении людей на расстоянии. Интересен факт появления выражения «дело в шляпе»: особо ценные и тайные письма, или как их еще называли «дела», почтовые гонцы нередко зашивали под подкладку шляпы, чтобы их не украли в пути. Так и прижился ответ на вопрос: «Как дела?», а «Дело в шляпе», то есть все в порядке.

Такую подготовку провел Пушкин, предвидя трудности в общении с друзьями, так как властью он был обвинен в вольнодумстве и склонности к атеизму. Поэтому в этот раз над ним был установлен двойной надзор как государственный, так и церковный, что привело к более строгому контролю за перепиской и посещением друзей.

В Михайловском его встречала вся семья: отец, мать, сестра, брат, няня Арина Родионовна. Первые дни ушли на расспросы: почему? за что? Мать удивлялась: «Ты же ведь перестал писать возмутительные стихи против Государя? А причем здесь церковь?» Все прояснилось, когда Сергея Львовича пригласили к предводителю псковского дворянства: тот предложил отцу следить за сыном, вскрывать письма. Сергей Львович не сумел отстоять свою честь и честь сына — и согласился помогать надзорным органам. Узнав о предательстве, Александр имел с отцом тяжелый разговор, результатом которого был отъезд семьи в ноябре 1824 года в Петербург.

Пушкин вместе с няней поселился в небольшом доме своего деда Ганнибала. Обустроившись, Александр Сергеевич выписал из Петербурга избранную библиотеку, кучу научных книг, стал изучать русскую

историю, читать запоем Шекспира. «Отрывок, мысль из книги рождали собственные мысли и образы», — писал поэт. Впервые в жизни пребывание на отчей земле, вблизи ганнибаловского родового гнезда позолило Пушкину почувствовать прикосновение к прошлому. Здесь же он оказался в близком соприкосновении с народом — и не только с дворовыми слугами, но и с крестьянами, имел возможность ежедневно наблюдать за крестьянским трудом, их бытом разговаривать с ними. Кроме того, по свидетельству Ивана Пущина, Александр Сергеевич ездил в Псков, — якобы проконсультироваться с докторами по вопросу болей в сердце, которые он предполагал у себя. А сам время пребывания в Пскове посвящал тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изучению народной жизни. Ходил по базарам, общался с простыми людьми и весьма почтенными горожанами, и эти люди видели его переодетым в мещанский костюм, в котором он даже явился в один из уважаемых домов Пскова.

Скитаясь по большим и малым городам, Пушкин совершенно не знал реальную жизнь России, русскую деревню. Постепенно он начинает признавать свои ошибки в представлении о крестьянах. Понимание этой ошибки побудило поэта продолжить заниматься изучением народной жизни. Впечатления от русской природы, от общения с крестьянами способствовали более глубокому постижению русского народа. Подлинный образ простых людей, который теперь открывался Пушкину, оказался совсем другим, чем тот, что он себе представлял, живя в городе.

Однако разрыв с семьей, жизнь вдали от друзей, упадок духовных сил терзали молодого человека. Ведь ему всего двадцать пять лет, а переживаний, доставшихся ему за последние пять лет, другому хватило бы на всю жизнь. Сохранились обиды на все и на всех! «Стихи на ум не идут», — утверждал поэт на тот момент. Друзья, которые по его просьбам: «Книг, ради бога книг!», привозили книги, замечали эти меланхолические настроения и говорили между собой: «Только хватило бы мужества у Пушкина преодолеть все невзгоды».

Помощь пришла неожиданно: вдруг на память пришли слова директора Лицея Энгельгардта: «Всякому из нас нелишне время от времени перебирать свое прошлое, чтобы избегать ошибок».

Пушкин стал вспоминать свое непослушание и своеволие в родительском доме, разные мелкие столкновения с товарищами, с начальством в Лицее, разочарование в масонах и перспективах революционного движения... В тиши псковских лесов, вдали от шумной толпы Александр Сергеевич переосмыслил политические взгляды ордена и полностью отверг их, а революционный путь заговорщиков признал бесперспективным.

Изменение в мыслях поэта нельзя понимать как полный отказ от убеждений прошлых лет: он по-прежнему желал освобождения крестьян от крепостного права, но теперь ему это стало представляться немного в другом свете: пути еще предстоит узнать, способы — взвесить. Главное — понять, что такое народ и быть понятым им. В своем настойчивом стремлении проникнуть как можно глубже в жизнь народа, понять его взгляды и потребности Пушкин не ограничивается только непосредственным общением с крестьянством.

Он пересматривает собственные политические взгляды, и это влечет за собой и пересмотр творческого направления. Юношеский романтизм уходит.

Последним произведением пушкинского романтического периода была поэма «Цыгане», начатая в Одессе 1 января 1824 года и окончена осенью этого же года в Михайловском. В поэме «Цыгане» намечается плавный переход Пушкина к реализму: изображение действительности, людских характеров, событий, описание природы, быта, правдивое изображение жизни различных сословий русского народа и местных нравов. Тем более Александр Сергеевич заметил начинающее равнодушие читателей к его стихотворному творчеству, а ему хотелось, чтобы его произведения были востребованы всеми, кто любит вообще литературу.

Принято считать, что от литературы зависит просвещение в стране. Литература призвана давать людям на пути образования различные знания.

Очень точно значение литературы определил Чернышевский: «В детстве в первую пору молодости человек учится в школе: уроки наставников имеют ту цель, чтобы сделать юношу образованным. Но когда он выходит из школы, перестает учиться, его образование поддерживается

чтением, то есть вместо прежних наставников, которых слушал мальчик, юноша, взрослый человек имеет одну наставницу — литературу».

Будущие декабристы, считал Пушкин, рассматривали литературу как важное средство формирования гражданского самосознания. Они говорили, что наша словесность ограничивается одной поэзией. Сочинения в прозе не касаются политики, и это отличительная черта русской литературы делает ее неудовлетворительной для нашего времени.

Следует отметить, что русская проза, как таковая, вообще еще не сформировалась. Прежние писатели редко избирали предметом своих рассказов русскую жизнь. Они писали по большей части о предметах не интересных для русского читателя. Батюшков отмечал: «Жизне-радостный, артистический показ классической древности был не понятен русской душе». Действительно, число людей, привыкших к чтению, насчитывалось в то время мало, как раз только они и находили наслаждение в стихах, особенно на французском языке.

Пушкин объяснял, почему в те времена (начало XIX века) все молодые люди читали зарубежные произведения: «Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша еще была ограничена. Она, конечно, представляет нам несколько отличных поэтов, но нельзя же от всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе мы имеем только „Историю Карамзина“: первые два или три тома романа появились два или три года назад, между тем как во Франции, Англии и Германии книги... следуют одна за другой... Мы принуждены все, известия и понятия черпать из книг иностранных...»

Пушкин осуждал распространение тогда французской поэзии в России. Он утверждал: есть у нас свой язык, взятый из истории, обычаев, былин, сказок и песен. Подавая пример, поэт сам насыщал литературный язык элементами народной речи. К тому же, не затронутый просвещением люд, сохранивший истинный говор дополнял словарный запас поэта. Простоте родного языка, по его убеждению, проще всего учиться у народа. Обращаясь к молодым писателям своей эпохи, он писал: «Читайте простонародные сказки, чтобы видеть свойства русского языка». Сам же поэт обратился к изучению древнерусской поэзии, начал с Кирши Данилова и его «Сборника русских былин, исторических и бытовых

песен, скоморошин, духовных стихов», продолжил былинной «Повестью о славном князе Владимире» и «Русскими сказками, содержащими древнейшие повествования о славных богатырях, сказками народными и прочими оставшимися через пересказывание в памяти народной, приключениями» В. А. Лёвшина, «Собранием разных песен» М. Д. Чулкова, а также «Малороссийскими песнями» М. А. Максимовича.

Народная поэзия давала Пушкину возможность проникнуться духом народным, приближала его к истинному пониманию внешней стороны жизни народа — к его языку, обычаям.

Пушкин постоянно изучал язык простого народа, как поэтический, так и обычный, бытовой, не пропуская различных наречий и говоров. Ради языка он за два года ссылки, по собственному убеждению, прочитал «двенадцать телег книг», стараясь в совершенстве овладеть русским языком, всесторонне проникнуть в жизнь народа. Как поэт он хотел овладеть поэтическим содержанием и формой народного творчества: всегда старался вносить в свой слог слова, обороты, поговорки, взятые у народа — из разговора или из народных сборников. Хорошо известно, что он не только разговаривал с крестьянами, не только интересовался крестьянскими шутками или спорами парней, но и постоянно слушал их песни, сам пел с крестьянами. В то же время, понимая, что крестьяне никогда не будут откровенны с барином, Александр Сергеевич принимает решение обратиться к народной поэзии, чтобы в своих произведениях полностью произвести ее стиль, язык общения, условия. Для полного понимания народного творчества, стремясь проникнуть, как можно глубже в жизнь народа, понять его взгляды и потребности, Пушкин начинает свое хождение по ярмаркам, базарам, кладбищам, папертям храмов записывает песни, пословицы, поговорки, меткие выражения и приметы. «Хождения в народ» вызывались стремлением поэта понять сущность народно-поэтического творчества самому, своей душой до него дотронуться.

Чтобы быть «своим», иной раз он одевался по-крестьянски — и в село: на праздники или ярмарку, на народные гуляния. С виду мужик мужиком в армяке, с круглым воротником, красный шелковый кушак у пояса, на ногах смазанные сапоги; или же появлялся в соломенной

шляпе, в красной ситцевой рубаше с неизменной железной палкой в руках. Есть свидетельства крестьян из ближних деревень: они отмечали, что Пушкин любил гулять около крестьянских селений и слушать крестьянские рассказы, шутки, песни; любил ходить, где более было собравшихся старцев (нищих). Он, бывало, вмешается в их толпу и поет с ними разные припевки, шутит с ними и записывает, что они поют; любил ходить на кладбища, когда там «голосили» бабы и прислушиваться к бабьему причитанию, сидя где-нибудь на могилке; на ярмарках, в Святогорском монастыре, садился на землю — собирал вокруг себя слепцов, которые пели ему народные песни, сказывали народные сказки; любил разгуливать среди народа и останавливаться у групп, где нищие тянули «Лазаря»; или где парни и девушки водили хоровод; с народом простаивал подолгу. Начиная записывать, держа в одной руке дощечку с наложенной на ней бумажкой, а в другой карандаш. Заложив руки назад, записывал незаметно для других, передвигая пальцами левой руки бумагу на дощечке, а правой водя карандашом.

Причем это были не барские причуды. Ему хотелось проникнуть в психологию народа, понять его мысли и чувства. Для чего? Это понимание должно было полностью разрушить его старое представление о народе и о его политической роли в истории современности как неверное.

«Внедрение» в народ продолжалось и во все последующие годы жизни Пушкина. Нащокин рассказывал, что он в большинстве случаев не дожидался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах. Особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей. Народный язык он знал в совершенстве и чрезвычайно скоро умел располагать к себе крестьянскую серую толпу настолько, что мужики совершенно свободно говорили с ним обо всем.

В ознакомлении с русским народным творчеством, русским фольклором, большую роль сыграла няня — Арина Родионовна. В Михайловском, когда она поделила с повзрослевшим воспитанником ссылку, она сумела стать для него источником вдохновения. Пушкин, слушая няню,

заново открыл для себя детские сказки и законспектировал несколько из них. Своими мыслями обычно делился с любимыми им всю жизнь, старшей сестрой Ольгой и младшим братом Лёвушкой. В своем письме брату он рассказывает о жизни в ссылке: *«Знаешь мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого моего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»* Внимательно прислушиваясь к разговорному языку старушки, Александр убеждается, что именно в простой живой речи русский язык раскрывается во всем великолепии и именно она, то есть живая речь, является ключом к самой душе русского народа. Восхищаясь крестьянской манерой разговора и повествования, Пушкин старался ей подражать.

Первым опытом написания произведений в виде изложения русского фольклора стали простонародные сказки «Жених» и «Утопленник». В первой рассказывает о девушке, которая вывела на чистую воду разбойника-жениха, атамана разбойников. Вторая история повествует о страшной мести.

В Михайловском Пушкин обратился к прошлому русского народа, полагая, что без его усвоения не может быть настоящего. Пушкин считал, что уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости. Самое важное, что изменил отношение к народу. Он осознал, что это не «стадо», несущее «вековое ярмо» и не мечтающее «о дарах свободы», как он писал в своих стихотворениях.

Свое новое убеждение о крестьянстве Пушкин захотел выразить в поэтическом произведении. Самым подходящим был бы пугачевский бунт, — рассуждал Пушкин; однако материалы для написания этой истории в Михайловском отсутствовали. На ум приходит народная пословица: кто ищет, тот всегда найдет. И нашел! Это был исторический материал, который давал ему возможность сказать слово о судьбе народа, о его борьбе со своими угнетателями, о ненависти к крепостному гнету.

Опять, как при написании поэмы «Руслан и Людмила» и баллады «Песнь о вещем Олеге», Пушкин обратился к «Истории государства Российского». Он внимательно перечитал вышедшие в начале 1824 года последние X и XI тома. В этих томах Пушкин нашел все, что нужно было

для того, чтобы написать драму о царствовании Бориса Годунова и вторжении Лжедмитрия I.

В связи с этим, у Пушкина усиливается интерес к крестьянским восстаниям, как к недавним, Емельяна Пугачева и Степана Разина, так и к первому в истории России — под предводительством Ивана Болотникова. Главной причиной бунта 1607 года стало закрепощение крестьян: издание в 1591 году (по инициативе Бориса Годунова) царем Федором Иоановичем указа, запрещающего переходы крестьян от одного помещика к другому, даже в «Юрьев день»¹; введение царем в 1597 году «Урочных лет»².

Трагедию «Борис Годунов» Пушкин начал писать в ноябре 1824 года. Сюжетом послужила версия убийства сына Ивана Грозного — цесаревича Дмитрия, по приказу Бориса Годунова. В драме «Борис Годунов» Пушкин поднял проблему в необходимости ограничения самодержавной власти, уничтожения крепостничества, о народе, борющемся за свои права. Основная идея трагедии — показать на примере исторических событий, почему возникают восстания, какие силы являются главенствующими в судьбе страны и простых людей, и что успех восстания определяется не интригами бояр, а настроением простого народа. В ноябре 1825 года драма «Борис Годунов» была подготовлена к печати. Опубликована была только в 1830 году: цензура не устраивала, — причем не версия изложенного, а простонародные выражения, те, что ждал от него простой народ, особенно после триумфа, опубликованной поэмы «Руслан и Людмила» в 1820 году.

В трагедии «Борис Годунов» Пушкин полностью перешел к реалистическому воплощению персонажей. Принцип «судьбы человеческой, судьбы народной» был положен в основу этой исторической драмы.

Познакомившись с «Борисом Годуновым», Вяземский писал: *«...ум Пушкина развернулся не на шутку, мысли его созрели, душа прояснилась, он в этом творении вознесся до высоты, которой еще не достигал».*

30 декабря 1825 года произошло долгожданное для Пушкина и всех его почитателей событие: в Москве вышел первый сборник поэта:

1 День, когда разрешен уход крестьянина от землевладельца за неделю до 26 ноября и спустя неделю после этого дня, с уплатой денежного сбора

2 Указ, определявший срок сыска крестьян — 5 лет

«Стихотворения Александра Пушкина». Были сообщения, что Россия зачитывается стихотворениями Пушкина и раскупает их нарасхват. Можно сказать, что на основании всеобщего ажиотажа, сборник обрел всенародное признание. Интересна просьба от 12 января 1826 года московского почт-директора А. Я. Булгакова, к своему брату, петербургскому почт-директору К. Я. Булгакову: *«Здесь раскупили все экземпляры стихотворений Александра Пушкина. Пришли мне экземпляр, хочется посмотреть, что это за хваленые стихи»*. Улыбку вызывает сообщение о декабристе А. С. Гангалове, который, сидя на гауптвахте, с большим наслаждением читал помещенные в сборнике стихотворения, а Грибоедов, находившийся под арестом в Главном штабе по делу декабристов, в одном из писем просил прислать ему «Пушкина стихотворения на одни сутки». Также известно, что в январе Баратынский¹ и Вяземский читали вместе этот сборник Пушкина по свидетельству Баратынского, «проглотили всю книгу в один присест».

Пушкин вспомнил, что еще в январе 1825 года, когда Иван Пущин навестил его в Михайловском, сообщал ему, что «читающая публика благодарит поэта за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность во всей России». «Так ли это? — думал тогда Пушкин, — или друг „бесценный“ Жанно² пытается так успокоить и утешить затворника?» Сейчас, в начале 1826 года, из писем друзей он получает подтверждение, что не забыт: раннее напечатанные «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», а также напечатанные в последнем сборнике стихотворений «Песнь о вещем Олеге», «Празднества Вакха», «К домовому», «К морю», «Наполеон», «Черная шаль», «Чаадаеву» — действительно приводят в восторг читающую публику, особенно молодежь. Шефу жандармов Бенкендорфу докладывали, что студенты Московского, Харьковского университетов продолжают переписывать и раздавать направо и налево стихи Пушкина. Значит своими произведениями Пушкин все-таки проникает в душу народа, а душой народа многое что является: это и стихи, и пословицы, и сказки, и песня, и музыка, может быть, и природа.

1 Евгений Абрамович Баратынский, 1800 года рождения, русский поэт первой половины XIX века.

2 Прозвище Пущина в Лицее.

Исходя из изложенного, ловлю себя на мысли, у читателя может сложиться впечатление, что никакая это не ссылка, а отдых в деревне: когда ты с удовольствием гуляешь по близлежащим полям и лугам, часто проводишь время в соседнем селении Тригорском с дружественным семейством Осиповых-Вульф, навещаешь двоюродного деда в Петровском, посещаешь Святогорский монастырь по воскресным дням, а если остаешься дома, то играешь двумя шарами в бильярд сам с собой и постоянно занимаешься своими творческими планами, пишешь художественные произведения. И нет даже намека на его внутреннее душевное состояние. А оно, между прочем, ничуть не изменилось, начиная с первого дня приезда в Михайловское из Одессы. Поэт продолжал себя чувствовать угнетенным невольником. Пушкин отмечал: *«Мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство»*. Однообразие деревенской жизни так сильно тяготило Пушкина, что он постоянно рвался из своего заточения, мечтая сбежать за границу. Александр Сергеевич тяжело переживал жизнь «в глуши, во мраке заточенья». Весь год он писал письма к столичным друзьям с просьбами посодействовать, помочь... Друзья Пушкина принимали самое горячее участие в его стремлении к освобождению: из Петербурга сообщены были ему правильные, формальные пути к этому. Не получилось, хотя на переписку ушел почти целый год.

Пушкин очень скучал без друзей, дар дружбы ему был дан редкий. Как он обрадовался, когда в январе 1825 года, с риском для себя, в Михайловском его посетил Иван Пущин. Пусть всего на один день, но сумел выбраться. А. И. Тургенев удивлялся: *«Как? Разве вы не знаете, что Пушкин под двойным надзором, политическим и духовным?»* Вот она настоящая дружба! Пушкин оценил риск друга:

...Поэта дом печальный,
о Пущин мой, ты первым посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный...

А в конце апреля 1825 года, по этому же пути проехал Антон Дельвиг, что тоже без внимания не оставил Пушкин:

О, Дельвиг мой, твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро, я судьбу благословил...

Ждал Малиновского, который обещал навестить друга, но тот по не известной причине не смог приехать. Мне кажется, в нашей жизни не всегда так исполняется клятва, данная почти десять лет назад.

Неожиданно с октября 1825 года в Михайловское перестают поступать письма. В начале декабря до Михайловского доходит известие о скоропостижной кончине 19 ноября 1825 года государя Александра I¹ и, что самое интересное, нет объявления о новом императоре. Братья Константин и Николай присягают друг другу и не могут принять решение, кто из них будет править. В России наступает междуцарствие! Пушкину приходит на память Лицей, в частности — скоропостижная смерть директора. Тогда в Лицее наступило безначалие, приведшее к нарушению дисциплины, отсутствию прилежного отношения к учебе. А сейчас установилась политическая нестабильность, начались выступления за конституционную монархию и проведение социальных реформ. Промежуток политической неопределенности в Российской империи продлился один месяц. Для спокойствия государства Константин Павлович решил отказаться от своего права на наследование престола.

Получив окончательный отказ от брата, великий князь Николай I решил принять трон согласно воле Александра I.

Вечером 12 декабря 1825 года М. М. Сперанским был составлен Манифест о восшествии на престол императора Николая I.

Николай подписал его 13 декабря. Присяга Государственного Совета, Сената, Синода и армии была назначена на 14 декабря 1825 года.

*Видел я трех Царей! Первый велел снять с меня картуз
и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал,
третий, хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет,
но променять его на четвертого не желаю: добра от добра
не ищут.*

А. С. Пушкин

Часть 7

Царствование Николая I 1826–1837 гг.

В Петербурге на Сенатской площади 14 декабря 1825 года произошло восстание, организованное группой дворян-единомышленников с целью превращения России в конституционное государство и отмены крепостного права. К вечеру этого же дня правительство полностью подавило восстание. Руководители были арестованы и приговорены к смертной казни, а более 100 декабристов сосланы в Сибирь. В Петербурге был арестован Иван Пущин, в Варшаве — В. Кюхельбекер. Участь Пушкина была неизвестна.

В июле 1826 года приговор пяти декабристам, казнь через повешение, был приведен к исполнению.

Следствием была установлена непричастность Пушкина к тайному обществу декабристов, хотя многие арестованные декабристы на допросах указывали на наличие революционных стихов Пушкина у себя.

Александр Сергеевич Пушкин надеялся, что после внезапной смерти императора Александра I, окончания следствия по делу декабристов и предстоящей коронации на престол Николай I, ставший императором, примет решение по освобождению поэта из ссылки.

Неожиданно в ночь с 3 на 4 сентября 1826 года в Михайловское прискакал фельдегер с приказанием Пушкину немедленно отправляться в Москву, где в это время находился Николай I. Приказано везти Пушкина «в своем экипаже свободно, не в виде арестанта», но с сопровождением конвойного офицера.

¹ «Всю жизнь свою провел в дороге, простыл и умер в Таганроге» — А. С. Пушкин

8 сентября 1826 года, в Москве состоялась их первая встреча. Разговор был долгим и откровенным. Общение было одновременно благожелательным и великодушным, с одной стороны, и независимым, с достоинством и благородством, с другой. Пушкин верил в самодержавие, но был за проведение реформ, учитывая настроение в народной и дворянской среде, а Николай считал, что менять ничего не нужно, нужно сохранить все как есть. Пушкин убеждал царя, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

Александр Сергеевич доказывал, что его творчество было направлено на содействие делу возрождения Русского народа, его возвращения к старым православным традициям. Он говорил, что справедливый царь всегда должен прислушиваться к лире, которая в большинстве своем является беспристрастной. Поэзия, как утверждал Пушкин, опирается на правду, поэтому поэт обязан, как указывать на пороки, так и не скупиться на похвалу. Тем самым он обращал внимание царя на самоуправство административных властей, развращенность чиновников и подкупность судей. Пушкин выступал перед государем как гражданин своей страны, которого волнует политика государства, и он признавал, что «приближенные к власти рабы и льстецы, способны привести монарха и страну к краху». Император внимательно слушал, возможно, соглашался, но в основном только задавал вопросы. Для себя он уже сделал выводы.

Из итогов беседы следует, что Николай I не захотел повторять ошибок прежнего государя, удаляя поэта в ссылку, тем самым превращая его в национального героя. Напротив, он принял решение, приблизить Пушкина к себе и сделать его придворным поэтом: «...Что же до тебя, Пушкин, то ты свободен. Я забываю прошлое, даже уже забыл... Не вижу перед собой государственного преступника, вижу человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы, на котором лежит высокое призвание – воспламенять души вечными добродетелями и ради великих подвигов. Теперь можешь идти! Где бы ты не поселился, ибо выбор зависит от тебя, помни, что я сказал и как с тобою поступил, служи Родине мыслью, словом и пером. Пиши для современников и для потомства, пиши со всей полнотой вдохновения и совершенной свободой, ибо цензором твоим – буду Я!»

Пушкин, по словам очевидцев, вышел из кабинета со слезами на глазах, бодрым, веселым, счастливым. С искренним восторгом эту беседу он поведал своему другу, польскому графу Струтынскому: «Вместо надменного деспота, круто державного тирана, я увидел человека рыцарски-прекрасного, величественно-спокойного, благородного лицом. Вместо грубых и язвительных слов угрозы и обиды, я услышал снисходительный упрек, выраженный участливо и благосклонно». Конечно, Пушкин сомневался в правдивости слов царя, но свобода уже ждала его у входа! Правда, пока жить разрешили только в Москве, где он снова вливается в светское общество.

После беседы с Николаем I Пушкин в глубине души надеялся получить полную свободу в творчестве, однако не представлял, что доступ к «телу» императора возможен только после одобрения написанного — Бенкендорфом¹, который в дальнейшем на словах, исполняя волю монарха, на деле старался всячески притеснять Пушкина.

Простодушие, наивность, искренняя вера в обещания высокопоставленных лиц присущи русскому человеку, каким и был Пушкин. Николай I уверил поэта в том, что он желает использовать свою власть во благо и процветание народа. Мне кажется, что беседу между собой вели два умных человека, но некоторые вещи ими воспримались по-разному. Александр Сергеевич, вроде бы внешне и примирился с царем, но в душе остался верен союзу с декабристами.

В 1827 году Пушкин пишет дружественное послание декабристам, отбывающим ссылку — «Во глубине сибирских руд», в основу которого легли реальные события 1825 года. В нем поэт выразил надежду на скорую амнистию декабристов. В 1828 году написал стихотворение «Анчар». Стихотворение основано на легенде о «древе яда», растущем в пустыне, и было проникнуто мыслью о возможности хоть в какой-то мере повлиять на царя и способствовать освобождению сосланных в Сибирь декабристов.

Сближение Пушкина с властью, особенно после слов Николая I, что он беседовал с умнейшим человеком России, в завистливом высшем

¹ Александр Христофорович Бенкендорф — шеф отдельного корпуса жандармов и одновременно главный начальник III отделения собственной его Императорского величества канцелярии.

обществе породило неприятные для поэта потоки клеветы, сплетен, наговоров, упреков. Один из таких клеветников, А. Ф. Воейков, разразился на Пушкина эпиграммой:

*Я прежде вольность проповедал,
Царей с народом звал на суд,
Но только царских щей отведал,
И стал придворный лизоблюд.*

Самое обидное для Александра Сергеевича было то, что даже у некоторых друзей возникло недоверие к нему.

В ответ Пушкин пишет стихотворение «Друзьям»:

*Нет я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю...*

Цель стихотворения — пояснение своей гражданской и политической позиции не только товарищам, но и всему обществу.

Уже через месяц после встречи с Николаем I Пушкина вновь потянуло назад, в Михайловское. Два года творчества вдалеке от городской светской жизни оставили неизгладимый след в жизненном укладе Александра Сергеевича Пушкина. Невозможно было так просто бросить все и забыть очарование сельской жизни. Пушкин утверждал: «Чувствую, что в Михайловском духовные силы мои достигли полного развития, и я могу творить». Он писал:

*Здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия как ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душою.*

Осень 1826 года, лето и осень 1827 года Пушкин провел в Михайловском. 31 июля 1827 года Пушкин пишет Дельвигу: «Я в деревне и надеюсь много писать, а в конце осени буду у Вас, вдохновенья еще нет, покамест принялся за прозу». «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат», — писал в своей статье «О прозе» Александр Сергеевич.

После 1826 года Пушкин уже не отступал от своей главной задачи — глубокого познания объективной действительности и точного ее изображения такой, какая она есть на самом деле, ничего не приукрашивая. Тем более, что своей задачей он считал развитие повести и романа, которые более всего доступны широкому кругу читателей, их читают все и везде. «В наше время под словом „роман“ разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании», — отмечал Александр Сергеевич. Особенность романа Пушкин находил во всестороннем изображении жизни и характера человека.

Вернувшись в Михайловское, Пушкин сразу же приступил к работе над новым историческим романом «Арап Петра Великого». Интерес к Петру I у Пушкина возник еще в детстве, когда он слушал рассказы бабушки Марии Алексеевны.

На главном месте, в центре повествования, находится личность Петра Великого. В Петре I Пушкин видит образцового государственного деятеля. Пушкин восхищался его трудолюбием и работоспособностью. Петр I постоянно тянулся к знаниям, сам учился и заставлял учиться других. «Самодержавною рукой он сеял просвещение», — писал Пушкин. Царь не боялся никакой работы. Освоил несколько специальностей: плотник, кузнец, инженер, шил одежду и обувь. Прообразом Арапа Пушкин представил своего прадеда Ибрагима Петровича Ганнибала. Роман создавался на основе внимательного и, скорее всего, одностороннего изучения петровской эпохи, так как подлинные архивные материалы Пушкину были еще недоступны. Ему пришлось по крупицам собирать приметы ее исторической жизни, черты быта и нравов. В мае 1827 года арест на выезд из Москвы был снят, и Пушкин мог выезжать в Петербург, чтобы пользоваться фондами Публичной библиотеки, библиотекой архива Эрмитажа.

Из-за отсутствия некоторых исторических материалов роман в начале 1828 году был досрочно завершен.

Одновременно с романом Пушкин в 1828 году написал историческую поэму «Полтава» о доблести русского оружия и победе Петра I в Полтавской битве 1709 года со шведами. В ее основе положены действительные факты, которые могут быть подтверждены документальными

источниками, изложенными в русских и иностранных исторических трудах. Поэтому конец 20-х годов XIX века все-таки можно охарактеризовать, как начало развития повествовательного жанра у Александра Сергеевича Пушкина. Произведения этой поры проникнуты чувством гордости за великий исторический путь России.

В этом же году на одном из светских мероприятий он познакомился с Натальей Гончаровой, в которую, по собственному признанию, влюбился с первого взгляда. В мае 1829 года Александр Сергеевич сделал ей предложение. Пушкин считал, что семья поможет сделать его жизнь более размеренной и спокойной, что плодотворно скажется на его творчестве.

В августе 1830 года, по семейным делам, Пушкин поехал в родовое поместье отца, деревню Большое Болдино, где вынужден был из-за карантина по холере задержаться на три месяца. *«Выезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдино»*. Насколько эпидемия была опасной можно судить по принятым мерам почтовым ведомством в 16 губерниях России. Переписка была единственной связью между поселениями. На трактах стояли заставы из мужиков с дубинами, чтобы не пропускать желающих уехать. Абсолютно все письма прокалывались или надрезались в нескольких местах, а затем внутри конвертов пускались пары серы, хлора или обычный дым. Изредка для этих целей применялась обработка жидкостями. И тогда адресату приходили письма с характерными проколами и разводами от обработки, например — уксусом. Меры были предприняты беспрецедентные. Пушкин как всегда, в стороне не остался, и в своем стиле выступил с проповедью в церкви перед своими крестьянами: *«Холера послана вам братцы оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!»*

Этот период стали называть «Болдинской осенью». Это один из самых продуктивных периодов творчества поэта. Действительно, из всех времен года он более всего любил осень, и чем хуже она была, тем больше ему нравилась. Пушкин говорил, что «только осенью овладевал им бес стихотворства». Любовь к осени, по мнению Нащокина, можно объяснить тем, что осень со своими отвратительными спутниками — дождем, слякотью, туманами и нависшим до крыш свинцовым небом — держала его как бы под арестом дома, где он сосредоточивался и давал

свободу своему творческому бесу. Таким образом, Пушкину мила была осень своею непогодой. Три месяца пробыл Пушкин в Болдино, пока карантин не был снят.

В декабре 1830 года Пушкин сообщил своему издателю П. Плетневу¹: *«Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази степь да степь; соседей ни души, езди верхом сколько душе угодно, пиши дома, сколько вздумается, никто не помешает. Скажу тебе (за тайну), что в Болдино писал, как давно уже не писал... Написал я прозой 5 повестей, и которые напечатанем Анопуме (анонимно). Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин² заругает...»* Удивительна стремительность написания повестей, которые видимо какое-то время вынашивались и вызревали в голове поэта: 9 сентября 1830 г. — «Гробовщик»; 14 сентября — «Станционный смотритель»; 20 сентября — «Барышня-крестьянка»; 14 октября — «Выстрел»; 20 октября — «Метель». Повести вышли одной книгой с заголовком «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» Чтобы избежать проблем с цензурой Пушкин взял себе псевдоним — Иван Петрович Белкин и назывался издателем. Материалом для повестей послужили воспоминания писателя, предания, бытовые эпизоды из жизни приятелей и совершенно незнакомых людей. Другими словами, это жизнь, нравы и быт разных классов и сословий простонародной России. опережая рецензии критиков, Пушкин написал: *«...Кто бы он (Белкин) там ни был, а писать повести надо вот так: просто, коротко и ясно...»* Заслуживает внимания и продолжение исторического рассказа Белкина, записанного Пушкиным — «История села Горюхина», об ухудшении состояния русского крестьянства крепостной России, о непримиримости интересов помещиков и крестьян.

В этом же 1830-м году, помимо «Повестей Белкина», Пушкин написал драматические пьесы «Маленькие трагедии»: 23 октября — «Скупой рыцарь»; 26 октября — «Моцарт и Сальери»; 4 ноября — «Каменный гость»; 6 ноября — «Пир во время чумы». Сюжеты взяты из истории самых разных стран, эпох и из жизни реально существовавших, всемирно известных людей.

¹ Друг Пушкина, поэт, журналист, издатель.

² Булгарин Фаддей Венедиктович, издатель-журналист, платный агент политической охраны

За неполные три месяца написаны произведения, как говорят, «на любой вкус и цвет», рассчитанные на разнородную читательскую публику. Желаете посмеяться — пожалуйста: это шутивно-сатирические повести в стихах «Граф Нулин», и «Домик в Коломне»; порассуждать о людях, кто рядом с нами живет — «Повести Белкина»; пофилософствовать об отрицательных человеческих качествах — «Маленькие трагедии»; обсудить крестьянскую жизнь в России — «История села Горюхина». Кроме того, в первую болдинскую осень написаны три сказки: «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре, князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», сказка «О медведихе» (осталась не оконченной). Несколько слов об истории возникновения сказок. До конца XVII века сказок как жанра вообще не существовало. Были мифы, были легенды, предания и истории. Они были очень страшными, кровавыми и развратными. В XVIII и первой четверти XIX века сказки признавались вредным чтением для детей, чаще запрещались или не приветствовались. Детям предназначалось религиозное и историческое чтение. Пушкинские же сказки — это воплощение народного духа. В них он отразил основные черты русского характера.

В декабре 1830 года, когда Пушкин вернулся в Москву, стало известно, что родители Натальи дали согласие на брак. В феврале 1831 года состоялась свадьба Александра Сергеевича Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой.

В этом же году произошло событие, которое Пушкин охарактеризовал как выдающееся для России. Николай I опубликовал «Ma confession» (моя конфессия), так называемое исповедание своего политического кредо: *«Россия — держава могущественная и счастливая сама по себе; она никогда не должна быть угрозой ни для других соседних государств, ни для Европы. Но она должна занимать внушительное оборонительное положение, способное сделать невозможным всякое нападение на него. Где раз поднят флаг, там он спускаться не должен»*. Пушкин желал видеть в Николае I продолжателя Петровских свершений. Ведь Петр не успел завершить многое из начатого. Поэт считал, что нужно знать историю своего народа и не повторять ошибки прошлых лет.

Чтобы получить доступ к государственным архивам, следовало быть на государственной службе, что прекрасно осознавал Александр Сергеевич, и решение об этом мог принять только государь.

В 1831 году Пушкина принимают на службу в качестве историографа. По рассказу В. Д. Камоуского — младшего брата лицейского товарища Пушкина, вторая встреча с Николаем I у них произошла в Царском Селе. На вопрос царя, почему он не служит, Пушкин отвечал: *«Я готов, но кроме литературной службы, не знаю никакой»*. Тогда Николай I приказал ему отслужить службу — написать историю Петра Великого.

14 ноября 1831 года высочайшим приказом Пушкина зачислили на службу в государственную коллегию иностранных дел коллежским секретарем X-го класса с жалованием 5000 рублей в год. Бенкендорф отметил: *«Государь велел его принять в Иностранную комиссию с позволением рыться в архивах для написания истории Петра Великого»*.

А Николай I в феврале 1832 года направил поэту сборник актов Российской империи, содержащих значительный свод документов петровской эпохи. Внимательный взор поэта обратил внимание на найденный среди прочих документов приговор Пугачеву и его сообщникам. Пушкина осенило: разве не он хотел документально изложить крестьянскую войну под предводительством Емельяна Пугачева? Да, не было достаточно подтвержденных материалов, а сейчас вот они: читай и пиши! 30 сентября 1832 года Пушкин пишет жене: *«Мне пришел в голову роман, и вероятно, за него примусь»*. Но вмешался случай: Пушкин услышал от своего друга Павла Нащокина историю белорусского дворянина Островского, произошедшую с ним в начале 30-х годов. Оставшись без имени, в результате судебной тяжбы с соседом, Островский вместе со своими крестьянами составил банду, грабившую сначала подъячих, потом и других. Отложив все дела, Пушкин, учитывая свою скорострельность написания при «посещении музы», приступил к написанию романтической повести о дворянине-разбойнике, которую назвал «Дубровский». Однако тема крестьянского бунта заставила вспомнить Пушкина о будущих возможных цензурных затруднениях с публикацией. Пушкин приостановил работу над ней и вернулся к «Истории Пугачева», событиям 1773–1775 годов.

Для более глубокого изучения истории пугачевщины 7 февраля 1833 года он обратился к военному министру Чернышову с просьбой помочь в поиске документов в архивах военного ведомства, мотивируя это работой над биографией генералиссимуса Суворова, который занимался подавлением пугачевского бунта. Дополнительно Пушкину предоставили еще 2800 рукописных документов 1774 года, к тысяче листов Секретной экспедиции военной коллегии о пугачевском восстании, присланных ранее. В первой половине 1833 года поэт собрал и изучил печатный труд историков, рукописи, а также провел значительные изыскания в доступных ему архивах. Особое внимание он уделял словам Пугачева: «Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает», тем самым, как бы предупреждая, что угроза русского бунта остается. Пушкина все больше привлекала биография мужицкого царя, «славного мятежника» — Емельяна Пугачева. Ему важно было представить образ Пугачева не только как предводителя восстания, но и как обычного человека с особенностями характера. Важными элементами для произведения также были представления о месте действия, людях, их языке, нравах, повседневной жизни, природе и степных пейзажах. Эти детали можно было бы запечатлеть в историческом романе, а не в сухих фактах исторических исследований.

В апреле 1833 года Пушкин завершил черновой вариант «Истории Пугачева», но для окончательного его завершения Пушкин запросил в июле 1833 года разрешение на поездку в Казанскую и Оренбургскую губернии, по местам пугачевского восстания, и сбор сведений о тех событиях. Важными для его работы были беседы с очевидцами событий, которые позволили бы ему оценить подлинные народные настроения, понять причины восстания, а так же помогли изучить особенности быта пугачевского лагеря и осаду Оренбурга. Эти материалы необходимы были для написания будущего романа, который на тот момент Пушкин скрывал.

Из Петербурга в Болдино Пушкин выехал 17 августа 1833 года по маршруту: Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск. В Оренбурге Пушкин встретился с В. И. Далем¹, который служил

¹ Владимир Иванович Даль, 1801 года рождения, русский писатель, автор «Толкового словаря живого русского языка».

чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе В. А. Перовском. Даль сопровождал его в поездках по окрестностям Оренбурга, помогал собирать сведения о Пугачеве, а также снабжал его разнообразными этнографическими сведениями. Первой остановкой была станица Бёрдская — бывшая «столица» Пугачева. В письме к жене по возвращении в Болдино Пушкин сообщал: «В деревне Бёрды я имел „счастливую случайность“ — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время».

Свидетельница А. Т. Блинова подтверждает: «Я была тут же около старушки. Штатские, двое, подошли и, вероятно, увидев, что она очень древняя, один из них кучерявый, спросил Бунтову (ее фамилия) не знает ли она что-либо про Пугачева. Старушка ответила, что знает про Пугачева и даже песню про него сложила. Господа попросили ее спеть. Бунтова спела одну песню».

Бунтова позднее рассказывала: «Только он со двора, бабы все на меня как накнулись. Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму за мою болтовню засадят, кто говорит: „Антихриста видела ногти-то у него какие. Да и в Писании сказано, что антихрист будет любить старух, заставляя их песни петь и деньгами станет дарить“ (Пушкин дал ей червонец). Слегла я со страху, велела телегу заложить везти меня в Оренбург к начальству. Так и говорю: „Смилуйтесь, защитите, коли я чего лишнего наплела на свою голову“. Те смеются. „Не бойся, — говорят, — это ему сам государь позволил о Пугачеве везде расспрашивать“».

В предместьях Оренбурга Пушкину показывали Георгиевскую колокольню, куда Пугачев поднял пушку, чтобы расстреливать город. По преданию, Пугач несколько раз стрелял в город пятаками, зарядив вместо картечи. Мальчишки бегали собирать их. По другому анекдоту рассказывают, что Пугач ворвавшись в Бёрды, где испуганный народ собрался в церкви, также вошел в церковь. Приняв важный вид, прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин много хохотал. Пугачева называл свиньей.

Вернувшись в Болдино, осенью 1833 года Пушкин завершил «Историю Пугачева» и в декабре предоставил Николаю I для получения

разрешения на публикацию, которое было получено с изменением названия на «Историю Пугачевского бунта». Царь выделил из казны средства на печать книги. После одобрения императора Пушкин признался: *«Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но нашел множество материалов, и я оставил вымысел и написал историю пугачевщины».*

Этой же осенью Пушкин написал «Медного Всадника», «Анджело», «Пиковую даму», «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» и «Сказку о рыбаке и рыбке». «Сказку о золотом петушке» написал в 1834 году.

После публикации в 1834 году «Истории Пугачевского бунта», Пушкин приступил к написанию исторического романа под названием «Капитанская дочка». Эпиграф к роману «Береги четь смолоду» обозначает главные ценности для любого человека, как считал А. С. Пушкин: достоинство, благородство, верность долгу. Другими словами, истинный патриотизм в романе «Капитанская дочка», по мысли автора, заключается в любви к своей стране, верности своим принципам, совести, чести и готовности защищать Родину от врагов. Если в «Истории Пугачева» Пушкин изобразил Пугачева преступником и самозванцем, то в «Капитанской дочке» представляет его великодушным героем, который воспринимается народом, как спаситель. Пушкин предвидел, что принятие народом этих произведений будет зависеть от их содержания и образа главного героя. Роман «Капитанская дочка» был последним реалистическим произведением, напечатанным в декабре 1836 года, при жизни Пушкина.

Литераторы светского общества, первой четверти XIX века не были готовы к новому литературному направлению, которое позволяло узнать и проникнуть в различные моменты прошлого и жизни других людей. Также либералы не могли простить поэту его отказ от усовершенствования России «революционным путем» и выражение искреннего уважения к Николаю I. Император действительно покровительствовал стихотворцу, неоднократно оказывая ему материальную и моральную поддержку. Даже когда Пушкин надумал жениться, он попросил передать матери невесты, что Александр Сергеевич находится «не под гневом, а под его отеческим попечением».

Недрузи поэта, пытаясь сравнить его с Николаем I, распустили слух, что Пушкин является платным агентом правительства. Кроме того, в Петербурге ходили слухи о его жене и ее поклонниках, а поэту приходили анонимные письма. Пушкин не мог долго оставаться хладнокровным и выносить оскорбительные слухи. Чувствуя, что над поэтом сгущаются тучи, государь взял с него слово не драться на дуэли ни под каким предлогом. Пушкин обещал, но не смог сдержать слова. Он не стерпел очередного покушения на репутацию жены и дал себя спровоцировать. Был назначен поединок с французским бароном, поручиком Кавалергардского полка Жоржем Шарлем Дантесом, главным интриганом, порочащим репутацию Натальи Николаевны Пушкиной.

В секунданты Александр Сергеевич пригласил своего лицейского друга, подполковника Константина Дантеса. Согласно «Своду законов уголовных», утвержденному в 1832 году Николаем I, участие военных в дуэлях было запрещено. За нарушение военным, как то дуэлянту или секунданту, грозило наказание, вплоть до смертной казни. С дуэльным кодексом Данзас был хорошо знаком. Но и лицейскую клятву тоже помнил. Защита чести друга подпадала под условия лицейской дружбы. Данзас так объяснял свое участие: *«Я не мог не почитать избравшего меня в свидетели тяжело оскорбленного в том, что человек ценит дороже всего в мире: в чести жены и собственной; оставить его в сем положении показалось мне невозможным, я решился на себя принять обязанности секунданта».* Жена Карамзина писала: *«Как трогателен секундант Пушкина, его друг и лицейский товарищ полковник Данзас, прозванный в армии „Храбрым Данзасом“».*

27 января 1837 года на дуэли с Дантесом, Пушкин был тяжело ранен и скончался через два дня.

Известие о смерти распространилось по всему городу. Люди всех сословий приходили поклониться гробу. Дом его с утра до вечера наполнен был народом, который видел в прахе этом утрату надежд своих на будущее...

Немедленно после поединка Данзас и Дантес были арестованы. Судебное следствие завершилось вынесением приговора: Дантес, лишившись офицерских званий, был выдворен за пределы России. Суд

первой инстанции вынес самое строгое наказание Данзасу, однако последующие инстанции приговор смягчили с учетом предсмертной просьбы Пушкина, что Данзаса он случайно встретил на улице и как своего друга уговорил быть секундантом. Отбыв наказание в крепости, Данзас был освобожден 19 мая 1837 года. Кроме того, перед смертью Пушкин надиктовал Данзасу свои долги, которые требовалось вернуть, попросил сжечь некоторые свои бумаги и подарил кольцо с бирюзой, сказав: *«Возьми и носи это кольцо. Мне его подарил наш общий друг Нащокин. Это талисман от насильственной смерти»*.

Разве это не настоящая мужская дружба? Когда один при смерти, другой сознательно готов понести смертельное наказание выполняют заветы юношеской клятвы о вечной дружбе!

Известно, что 27 января состоялся обмен сообщениями между умирающим Александром Сергеевичем и императором Николаем Павловичем. Поэт попросил у государя прощение за то, что нарушил запрет на дуэли. В ответной записке, переданной Василием Жуковским, царь объявил, что прощает его, а жену и детей «берет на свои руки». 12 февраля 1837 года был подписан «высочайший указ», который гласил: *«Выплачивать вдове до замужества по 5000 рублей, двум дочерям до замужества по 1500 рублей, а двум сыновьям до вступления в службу на воспитание каждому по 1500 рублей в год из государственного казначейства»*. Кроме того, Николай I распорядился выплатить семье покойного 10 000 рублей на неотложные нужды и 50 000 рублей на печать собрания сочинений Пушкина в пользу вдовы и детей за казенный счет.

Глава III

Общепризнанное признание

« Заслуги Пушкина перед Россией
велики и достойны народной
признательности »

Иван Тургенев

Пушкин однажды обмолвился в ответ на вопрос: «А где вы теперь служите? Я числюсь по России!» Как сказал Герцен, Петр I своими преобразованиями «бросил вызов России», а Россия «ответила ему Пушкиным».

Пушкин научил образованную русскую публику, часто лучше знавшую французский, чем русский, высказывать свои мысли на родном языке. Именно с творчеством Александра Сергеевича Пушкина принято отсчитывать появление русского литературного языка; поэт писал свои произведения языком, максимально близким и доступным всему народу.

С Пушкина начинается постижение не только русского языка, но и истории. Родная природа, народная жизнь, русские традиции и обычаи — все это нашло отражение в его произведениях, в которых непрерывно звучит тема русского духа, а в стихах он выражал то, что дорого русскому сердцу — любовь к родине, семье и близким людям. Его добрые сказки входят в нашу жизнь с раннего детства и остаются с нами до глубокой старости. На примере своих сказочных героев Пушкин показал правила поведения членов семьи: супругов между собою, родителей и детей, а также отношение младших к старшим. Сказки Александра Сергеевича Пушкина для нас, можно сказать, являются энциклопедией семейных отношений. Эти сказки учат всех, как нужно строить семью на основе любви и взаимоуважения.

Павел Петрович Бажов, задумываясь над тайной сказок Пушкина утверждал: *«Он гений — это да!»*

А ведь гений — это именно тот, кто способен выразить душу народа, тот кто создает на языке народа произведения, понятные широкому кругу читателей. В жизнь народа он проникает через свои произведения, в которых звучат его мысли о России и русском народе. То есть пушкинская поэзия — это всенародный голос русской души. Он писал об обычных людях и ситуациях. Его персонажи со своими недостатками и достоинствами, делают их близкими читателям. Поэт был прост и понятен каждому, будь то ребенок или взрослый.

Ему были доступны все жанры поэзии — а это уже верх гениальности!

Пушкин — поэт, прозаик, драматург, публицист, критик, основоположник русского литературного языка. За свою короткую жизнь он написал: 12 поэм, 15 произведений в прозе, 7 сказок, 8 драматических произведений, 1 роман в стихах, 783 стихотворения.

Поражает его энциклопедическое образование — он прекрасно знал труды французских и немецких философов, античную философию. Полиглот, он владел французским (в совершенстве), английским, немецким, итальянским, испанским (читал, писал, переводил), латинским (читал и переводил), церковнославянским (уверенно читал), украинским, польским, сербским (читал), древнегреческим (начальные познания), арабским и турецким (знал поверхностно) языками.

Пушкин был историком. Вяземский писал, что «в Пушкине было верное понимание истории», он считал, что прошлое, настоящее и будущее связаны. Пушкин подчеркивал, что неуважение к прошлому — это черта необразованности. Справедливости ради следует отметить, что при жизни поэта читательская аудитория за пределами двух столиц была невелика. К тому же широкой публике не было известно, что лучшие произведения Пушкина не были допущены к печати.

Известно, что при жизни Пушкина было издано всего 26 его произведений, причем небольшими тиражами, по 1200 экземпляров каждый. Однако даже в эти годы популярность Пушкина была велика у либеральной молодежи и в армии. Ода «Вольность», стихотворения

«К Чаадаеву», «Деревня» переписывались от руки. Поэма «Руслан и Людмила», «Песнь о Вещем Олеге», «Стихотворения Александра Пушкина», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» — эти произведения, которые читала вся грамотная Россия. Их переписывали девушки, ученики на школьных скамейках, сидельцы за прилавками магазинов и лавок. Это происходило не только в столицах, но даже в уездных захолустьях. После выхода «Пугачевского бунта», «Капитанской дочки» и сказок известность Пушкина стала еще больше. Однако Пушкину было мало восхищения почитателей и революционеров. Он ощущал потребность, чтобы его всем сердцем на века полюбила вся Россия.

И вот, чтобы завоевать всеобщее признание народа, Пушкин продолжал трудиться, создавать новые произведения. Он был трудоголиком. Л. Н. Толстой отмечал: *«Мы читаем Пушкина стихи и нам кажется, что у него все вылилось в такую форму. А нам не видно, сколько он употребил труда для того, чтобы вышло так просто и гладко»*. Вяземский еще глубже заглянул в душу поэта: *«Труд был для него святыня, купель в которой исцелялись язвы, обретали бодрость и свежесть, немощь и уныния, восстанавливали расслабленные силы. Когда чуял он налет вдохновения, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался»*.

Чтобы собрать материал для задуманных произведений, Пушкин отправлялся в путешествия. Историками подсчитано, что за свою творческую жизнь Пушкин проехал более 30 тысяч верст по дорогам России. Он месяцами сидел в архивах, разбирая многочисленные исторические свидетельства: *«В архивах я был и принужден буду опять рыться месяцев на шесть»*. Он учил любить и уважать нашу историю «такой какой нам Бог ее дал». Недаром после продолжительной беседы с Николаем I, тот отозвался о нем: *«Я беседовал с умнейшим человеком России»*. В произведениях Пушкина лингвисты насчитали более 21 тысяч слов, в то время как в быту человеку достаточно 300–400 слов, которые составляют 90 % речи, причем на любом языке.

«Пушкин — наше все!» так охарактеризовал проникновение творчества Пушкина в душу народа, его речь, образы, традиции, обычаи русский поэт Аполлон Григорьев. Это, пожалуй, самое меткое выражение, последовавшее за словами литератора В. Ф. Одоевского, который написал

некролог на смерть поэта: *«Пушкин — солнце нашей поэзии! Пушкин наш Поэт! Наша радость, наша народная слава»*.

Чтобы признать народность произведений Пушкина, проникновение в жизнь народа, следует обратиться к тому самому народу, который вознес его на Олимп русской поэзии. Для начала обратимся к представителю обнищавшего помещика старинного дворянского рода, писателю, первому русскому обладателю главной литературной премии имени Альфреда Нобеля, Ивану Алексеевичу Бунину (1870 года рождения).

Бунин на вопросы французской эмигрантской газеты «Возрождение» о своем отношении к Пушкину отвечал своим вопросом: *«Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких?»* Затем, некоторое время подумав, сам себе и ответил: *«Ведь он со мной с начала моей жизни. Имя его я слышал с младенчества, узнал его не от учителя, не в школе: именно, в той среде из которой я вышел, тогда говорили о нем, повторяли стихи постоянно. Говорили и у нас — отец, мать, братья. В необыкновенном обожании Пушкина прошла молодость моей мамы и ее сверстниц. Они тайком переписывали в свои заветные тетради „Руслана и Людмилу“, и она читала мне наизусть целые страницы оттуда»*.

Другими словами, Пушкин вошел в жизнь Бунина, как говорится, с молоком матери. А ведь действительно, Пушкин — это наше детство. Мы начинаем учить и познавать русский язык с его сказок, стихов. Его словами мы нередко объясняем в любви к близким, шутим, утешаем себя, часто даже не задумываясь чьими словами мы выражаем свои мысли и эмоции. Павел Петрович Бажов вспоминал, что в детстве вместе с друзьями они часто распевали стихи Пушкина, не подозревая, кто их написал.

Однако для многих, особенно сельского населения, в те далекие времена творчество Пушкино было вообще недоступно. Посудите сами: мне читали сказки Пушкина, маме читали, бабушке читали, прабабушке читали, а вот если заглянуть в глубокую старину, вряд ли кто-то читал прапрабабушке. Дело в том, что до конца XIX века население Российской империи отличалось своей неграмотностью. Грамотными в России считались люди умеющие читать по слогам.

Одной из причин научиться читать, на мой взгляд, было отсутствие всеобщего обязательного образования до 1852 года, утвержденных программ по литературе с фиксированным списком чтения. Согласно Уставу учебных заведений России, принятому в 1804 году, школы делились на четыре ступени: приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты. Русская словесность не входила в перечень Устава как отдельный предмет. Школы не прививали любовь к книгам, которые и так было трудно достать крестьянам.

Государство образованием крестьян не занималось. По статистике за 1857–1859 годов, из 70 млн. населения России более 23 млн. были помещичьими крестьянами, то есть главным препятствием получения образования было крепостное право. Как при таких условиях можно было говорить о знакомстве народа с творчеством А. С. Пушкина, тем более, когда царское правительство своей цензурой препятствовало увеличению тиражей произведений Пушкина?

Однако свято место пусто не бывает. На помощь пришла лубочная литература. В старину липу называли лубом, отсюда и название «лубок». Лубок представлял собой отдельные награвированные картинки разных размеров, которые раскрашивались вручную. Первые лубочные книжки были листовые. Один большой лист делился на 8 или 16 фрагментов, которые затем разрезались и сшивались в небольшую книжку, причем очень дешевую. В самых отдаленных уголках страны и небольших деревнях лубочными книжками на сельских ярмарках торговали бродячие торговцы — коробейники или еще их называли офенями. Особенно большим спросом среди простого народа пользовались сюжеты из любимых народных сказок. Оформление же пушкинских лубочных картинок началось с 1830–1850 годов. Известно, что у лубочных книг был один недостаток: лубочные листы почти не содержали информации об авторах и о владельцах мастерских, в которых они печатались. Исследователи, занимавшиеся изучением народного чтения, утверждали, что читатели знали содержание прочитанного, но не упоминали, кто автор того или иного произведения.

Становится ясным, что без широкомасштабной поддержки образования со стороны государства никак не обойтись.

Первым пособием появился учебник-хрестоматия. Хрестоматия использовалась как дополнительная литература для чтения, с целью расширения кругозора учеников. Она содержала наглядные иллюстрации, отрывки из литературных произведений с указанием автора и анализ их содержания. Например, пособие 1829 года В. А. Золотова «Русская стихотворная хрестоматия» включала в себя 7 текстов А. С. Пушкина, в том числе «Песнь о Вещем Олеге» и отрывок из «Кавказского пленника». У В. Эртеля в «Новой русской хрестоматии» 1833 года, отрывок из «Руслана и Людмилы». В январе 1837 года, при переиздании «Российской хрестоматии», И. И. Пенинский дополнительно к 17 текстам Пушкина предыдущего издания 1834 года добавил отрывки из «Полтавы», «Медного всадника» и «Сказку о рыбаке и рыбке».

Всего по базе данных 49 учебных хрестоматий XIX века, произведения А. С. Пушкина (или их отрывки) присутствовали во всех изданиях.

В 1852 году в учебных заведениях Российской империи была введена программа по литературе с фиксированным списком чтения. Первая такая программа была составлена для всех военных заведений империи (кадетские корпуса) и произведения Пушкина в нее сразу же вошли — это отрывки из «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки», то есть в школьные программы творчество Пушкина вошло не сразу. Только в 1856 году от поступающих в Московский университет стали требовать знания, некоторых произведений Пушкина и основных фактов его жизни.

В 1872 году была утверждена школьная программа для учреждений разного уровня и типа (гимназии, реальные училища). П. П. Бажов вспоминал: *«В начальных школах 70–80 годах XIX века учились писать и читать по книгам К. Д. Ушинского «Родное слово». В двух первых — материал для чтения, пересказа, бесед, заучивания наизусть; третья книга полностью опиралась на одно произведение А. С. Пушкина, на сказку „О рыбаке и рыбке“».*

Исследования показывают, что в 1880 году грамотностью владели уже 9,4 % всех жителей страны. Что интересно, с увеличением грамотности сразу возник новый промысел. Предприимчивые торговцы скупали популярные книги и давали односельчанам читать их за 5 копеек в месяц.

С 1860 по 1890 годы продолжался третий период в развитии отечественного образования, характеризующийся подготовкой к внедрению новой реформы образования. Рассматривались различные варианты изучения произведений русских писателей.

Согласно министерской программе 1890 года большие произведения, читаемые учителем в классе в отрывках, дома ученикам следовало прочесть полностью. Значит, и родители тоже знакомились с произведениями Пушкина. Был определен круг текстов, обязательных к заучиванию. Утверждают, что доля пушкинских текстов во всех хрестоматиях составляла 15 %.

В конце XIX века пушкинская библиотека в учебных заведениях насчитывала 139 текстов, из них 108 стихотворений, 7 поэм, 6 сказок, 4 драматических текста и отрывки из 13 прозаических текстов.

Настоящая пушкинская эпоха в издательском деле наступила в 1887 году. Дело в том, что после смерти поэта, император Николай I определил 25-летний срок собственности наследников писателя на его произведения, затем Александр II продлил его до 50 лет со дня смерти автора и наследники поэта получили права на все его сочинения до 1887 года.

По истечении этого срока многие издатели, воспользовавшись моментом, приступили к выпуску произведений А. С. Пушкина. Только Ф. Ф. Павленков выпустил в этот год пять изданий собрания сочинений поэта общим тиражом 45 тысяч экземпляров. Особой популярностью пользовались серии малообъемных книг «Дешевая библиотека». В 1887 году в этой серии А. С. Суворин выпустил в продажу десятитомник сочинений Пушкина тиражом 100 тысяч экземпляров по цене 15 копеек за книгу. Петербургская газета «Русские ведомости» писала об этом издании: *«Из дешевых же, общедоступных изданий, разумеется, наибольшим спросом будет пользоваться издание Суворина. Стоимость его вообще баснословна низка. Она ровно в десять раз меньше прежней цены на полное собрание сочинений Пушкина. Розничная же цена продажи отдельных томов по 15 копеек, несомненно, через офеней и деревенских ярмарках приведет прямо и непосредственно в народ».* Успех издания был необыкновенный. Читатели буквально снесли прилавки и раскупили все экземпляры.

Конец XIX века характеризуется как время экономического подъема России. Наблюдается рост городского населения. Требуется все больше и больше образованных людей. Отмена крепостного права стала определяющей в создании народных школ и развитии общего образования.

По переписи 1897 год в России проживало 125,4 млн. человек, в том числе сельских жителей — 108 млн. Грамотных было в среднем 21 % по стране и 17,4 % сельского населения.

Следует отметить, что в царствование Николая II образованию стало уделяться особое внимание. Изменилось и отношение к А. С. Пушкину и его творчеству.

Впервые на уровне государства в 1899 году было отмечено столетие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Российская империя с большим размахом праздновала столетний юбилей. В Петербурге и в губернских столицах создавались организационные комитеты, намечавшие программы празднования, применительно к местным условиям.

В Москве в Историческом музее и Дворянском собрании прошли литературно-музыкальные мероприятия, в городских училищах устраивались чтения, посвященные Пушкину. Школьникам бесплатно раздавались избранные сочинения поэта. В петербургских садах и скверах прошли народные гуляния. Бедным детям в этот день раздавались дешевые издания произведений Пушкина. Юбилей Пушкина не оставили без внимания и военные. С величайшего позволения для бесплатного обеспечения военного ведомства и флота было издано 12 200 экземпляров сборников избранных произведений Пушкина. В пехотных полках солдат знакомили с произведениями великого поэта, закупали для ротных библиотек томики со стихами и поэмами Пушкина. В земствах и лицеях прошли литературные и музыкальные вечера. В честь Пушкина назывались школы, библиотеки, читальни. В окнах всех лавок во всех городах империи, глазами на улицу смотрели бюсты и портреты Пушкина. Были выпущены памятные жетоны и билеты, похожие на банкноты, которыми в деревнях расплачивались хитрые граждане. С наклейками в честь Пушкина магазины были завалены духами, мылом и другими предметами, не имеющими никакого отношения к поэзии и литературе.

Как всегда, не обошлось и без комических эпизодов. Один репортер спросил у торговца, а что общего между Пушкиным и спичками, которые он продавал. Находчивый купец ответил с достоинством: «Общее? Борьба с тьмой и торжество света!» В ресторанах разыгрывались такие сценки:

— Один обед, — говорю лакею.

— Обыкновенный или «Пушкинский»? — спрашивает лакей.

Оказывается, предприимчивый ресторатор придумал специальные пушкинские обеды. Меню «Пушкинского обеда» было составлено по рецепту из «Евгения Онегина»: ростбиф, страсбургский пирог, лимбургский сыр, ананасы и так далее. Всюду звучало имя Пушкина.

Подготовка к празднику была всеобщей. Газетчики готовили заголовки газет, лавочники заботились о красочном оформлении витрин, дети для выступлений учили стихи, коробейники в больших количествах скупали произведения Пушкина, а родители копили деньги для покупок на ярмарках. У всех на устах было имя Пушкин! Да, многие не знали такую фамилию, и не знали чем он знаменит. В этом и заключалась суть таких мероприятий: познакомить несведущих людей с творчеством великого поэта и пропагандировать его среди народа. Важно знать не только названия произведений Пушкина, но и понимать, что привлекает читателя. Почему появляется желание взять в руки его книгу и прочитать?

Начало XX века в царской России отмечено ростом учебных заведений, особенно начальных народных школ. Только начальных училищ открылось 57 тысяч. Вечерне-воскресные классы создавались крупными промышленными предприятиями для неграмотных рабочих. С 1908 года образование для жителей Российской империи стала бесплатным. Произведения Пушкина с 1907 по 1916 год были напечатаны в количестве 5,1 млн. экземпляров.

После Октябрьской революции в 1917 году было утверждено Положение об обязательном образовании для всех детей до 17 лет. В декабре 1917 года декретом «О государственном издательстве» было решено приступить к выпуску дешевых народных изданий русских классиков. Только в 1919 году во время Гражданской войны, произведения Пушкина

были выпущены тиражом 750 тысяч экземпляров. Их печатали не только центральные, но и местные издательства. Началась, можно так сказать, культурная революция в стране. И как обычно не обошлось без перекосов. В 1926 году были отменены домашние задания, уроки истории заменили политграмотой и обществоведением. На местах пытались ввести американскую модель: когда дети могли сами выбирать предметы и сдавать по ним проекты (якобы такое обучение приближало детей к практике). К счастью, нововведения быстро отменили. Уже в 1927 году правительство ввело обязательные программы по всем предметам, включая литературу.

1930 год был отмечен введением всеобщего начального образования, а в городах и городских поселениях — семилетнего образования. Следует отметить, что обязательное семилетнее образование было осуществлено только к 1950 году.

С начала 30-х годов XX Советская власть стала проводить литературную и историческую политику, направленную на преемственность традиций.

16 декабря 1935 года ЦК Союза ССР принял постановление о создании Всесоюзного Пушкинского комитета в связи с приближающимся столетием со дня смерти Пушкина. По всей стране развернулась подготовка к проведению пушкинских дней. Не было ни одного завода, цеха, колхоза, бригады, части Красной армии, школы, общественной организации, где бы не проводились конференции и вечера, посвященные творческому наследию писателя. Партийный актив, рядовые рабочие и колхозники с огромным интересом читали произведения Пушкина, писала Литературная газета 5 февраля 1937 года.

В структуре Всесоюзного Пушкинского комитета была образована комиссия для проведения юбилея в начальных и средних школах. Были отпечатаны 90 млн. специально оформленных школьных тетрадей с рисунками по мотивам стихотворений и сказок Пушкина, текстами его стихотворений и отрывками из поэм. Не были забыты и самые популярные произведения. Общий объем юбилейных пушкинских изданий в 1936–1937 годах составил около 19 млн. экземпляров. В это же время был издан Сборник собрания сочинений Пушкина в 16 томах. Сотрудники

Мособлгоркино получили задание демонстрировать фильмы по произведениям Пушкина в кинотеатрах Москвы и Московской области, а также во всех передвижных кинотеатрах, которые выезжали в сельские клубы. В 1937 году вышел документальный фильм «Юность поэта», посвященный лицейским годам Пушкина. Фабрика «Красный Октябрь» выпустила шоколад «Сказки Пушкина», который на десятилетия вперед оставался любимым лакомством детей.

Главным официальным мероприятием стало торжественное заседание в Большом театре в Москве 10 февраля 1937 года, в котором приняли участие все руководители СССР во главе со Сталиным. Заседание транслировалось на всю страну. По словам Сталина: творчество Пушкина должно было объединить русский народ, поэтому Александр Пушкин вместе с поэтами-революционерами и писателями-реалистами, был объявлен классиком советской литературы. В статье: «Слава русского народа» газеты «Правда» отмечалось: *«Пушкин никогда еще не был так популярен и любим, как в настоящее время. А произошло это по той причине, что никогда не было в нашей стране столько грамотных и читающих людей».*

Юмор, так присущий русскому человеку, проявился после всех проведенных масштабных мероприятий. В народе утверждали, что теперь любой житель страны Советов (разбуди его ночью), без запинки ответит:

- Кто является родоначальник великой русской литературы?
- Пушкин!
- Кто создатель русского литературного языка?
- Пушкин!
- Кто твой любимый поэт?
- Пушкин!

Популярность Пушкина была настолько велика, что его стали «считать ответственным» за все, что происходило в обычной жизни. У Михаила Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» есть такой пассаж: Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведения поэта Пушкина, но самого-то его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или: «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин выкрутил?»

Думаете, что это шутка? Булгаков для красного словца придумал? Ничего подобного — домашнее воспитание. В их большой домашней библиотеке были произведения Пушкина, Толстого, Гоголя. Мать Булгакова, Варвара Михайловна, бывшая учительница, прививала любовь к чтению своим детям. С юного возраста Миша зачитывался стихами Пушкина, «Капитанской дочкой». Во взрослом возрасте полюбил оперы «Евгений Онегин», «Руслан и Людмилу», «Пиковую даму». По собственному признанию, перечитал всего Пушкина, его письма, дневниковые записи, воспоминания о нем и его времени, его современниках. В 1935 году написал пьесу «Александр Пушкин» (Последние дни), приуроченную к 100-летию со дня гибели поэта. Из воспоминаний о Пушкине узнал, как тот в 1833 году в Петербурге досрочно освободил квартиру, арендованную у купца П. А. Жадимеровского, и не сообщил ему об этом. За четыре месяца задолженность составила 1063 рубля, и арендодатель имел полное юридическое право требовать взыскания в суде. Отсюда прижилось выражение: «А за квартиру кто будет платить? Пушкин?»

Кстати, а про кого рассказывают анекдоты в народе? Да, про кумиров своих, про тех, кто постоянно на слуху и любим! Подтверждение народности поэта — появление частушек:

*Дорогой поэт наш Пушкин
Жаль, что с нами не живешь
Написал бы ты частушки
Про колхоз, про молодежь.*

С таким же размахом праздновалось 150-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина в 1949 году, несмотря на трудные послевоенные годы.

Политбюро компартии Союза ССР обязало Всесоюзный юбилейный комитет провести 6 июня 1949 года в Москве в Государственном Большом театре СССР и в Ленинградском Государственном театре драмы имени А. С. Пушкина торжественные заседания, посвященные памяти Пушкина. На местах решения принимались местными властями. Во всех парткабинетах, в библиотеках, в большинстве изб-читален, домов культуры и клубов организовывались книжные выставки и фотовитрины.

На предприятиях, в учреждениях, школах, МТС (машинно-тракторная станция), колхозах проводились лекции, доклады и беседы о творчестве Пушкина.

Всесоюзный юбилейный комитет обязал Государственное издательство художественной литературы выпустить в 1949 году:

1. Однотомник избранных произведений А. С. Пушкина объемом 25–30 печатных листов тиражом 500,0 тыс. экземпляров;
2. Однотомник (иллюстрированное издание) тиражом 150,0 тыс. экземпляров;
3. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 6 томах — 200,0 тыс. экземпляров;

Издательство Академии наук СССР должно было выпустить полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 10 томах тиражом 100,0 тысяч экземпляров.

Таким образом, в период с 1917 года по 1949 год тираж выпущенных произведений Пушкина достиг 45 млн. экземпляров. Писатель Фадеев утверждал, что на данный момент томик Пушкина можно найти в каждой советской семье.

Миллионы простых людей за эти годы впервые познакомились с творчеством Пушкина.

Одним из таких был Павел Петрович Бажов. С творчеством и биографией Пушкина он познакомился еще в детстве. Как прилежный ученик, Бажов перенял все самое лучшее, что было на всех этапах жизни Александра Сергеевича Пушкина. Причем это было не слепое подражание, а усвоение основополагающих жизненных принципов, изложенных в биографии и творчестве полюбившегося поэта. Это любовь к чтению, русскому языку, народной поэзии, далекому прошлому страны, к супруге и детям, своим предкам, защите Родины. Павел Петрович основательно изучил русскую литературу, не говоря уже о творчестве гениального поэта. Чтение у него было осмысленное и прочувственное, каким оно признавалось критиками у Пушкина. Из его биографии Бажов запомнил, что, преодолевая недостатки домашнего воспитания, Пушкин «неутомимо старался вознаградить потерянные годы и чрезвычайно ревностно трудился над собственным образованием, учился всю жизнь».

Бажову, когда он был преподавателем русского языка и литературы, также приходилось заниматься самообразованием, чтобы отвечать любопытным ученикам на все вопросы, не касающиеся данного предмета. Следуя напутствиям Пушкина, он собирал уральский фольклор: *«скитался по Уралу, собирая блески народного говора, легенды, сказки, побасенки, афоризмы и заполнял ими тетрадь за тетрадью»*, — вспоминал Павел Петрович. В зрелом возрасте, работая в «Крестьянской газете» с крестьянскими письмами селькоров, которые стали для него источником вдохновения во время создания сказов. Бажов отмечал: *«Любовь к народному слову здесь окончательно и определилась»*.

Известно, что Пушкин непродолжительное время был журналистом. Он считал, что журналист — поставщик и слуга публики. Стихотворство ради оплаты — быть не должно: *«Писать книги для денег, видит Бог, не могу. О, ради бога, не подумайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача. Оно просто мое ремесло, отрасль частной промышленности, доставляющее мне пропитание и домашнюю независимость»*, — утверждал Пушкин. Бажов же журналистику считал своей партработой и замечал, что такая «денежка похуже барской плетки». Себя называл журналистом «первого призыва».

Работа журналистом у Бажова, отличалась пушкинским многообразием жанров: проза, публицистика, отдельные статьи в газеты, а остановился он все-таки на сказах.

Летом 1936 года в сборнике «Дореволюционный фольклор» были опубликованы первые четыре сказа П. П. Бажова. Но удачей это не назовешь. Бажов вспомнил, что Пушкин, не зная, насколько его первые произведения в прозе понравятся читателю, подписался псевдонимом — Иван Петрович Белкин. Павел Петрович тоже решил свои первые сказы подписать псевдонимом — Василий Алексеевич Хмелинин. В своих сомнениях оказался прав, так как некоторые критики и фольклористы не поверили в существование сказителя дедушки Слышко, они думали, что это у Бажова вымышленный художественный тип.

Опыт в прозе тоже успешным не назовешь. В юности Бажов подробно занимался пугачевским бунтом, но его рукопись не стали публиковать, как рассказала Ариадна Павловна Бажова-Гайдар.

Затем Бажов пытался написать роман о строительстве бумажного комбината в г. Краснокамск Пермского края, но и этот проект не удался. Дальше ситуация еще ухудшилась: в декабре 1936 года вышла книга П. П. Бажова о Гражданской войне — «Формирование на ходу. К истории 254-го 29-й дивизии полка». Кстати, в этом полку «Красных орлов» он был назначен заведующим информационным отделом Политотдела 29-й дивизии. По иронии судьбы, пока шло типографское производство, герои его книги были арестованы, а затем расстреляны. Книгу признали антисоветской, контрреволюционной, ее изъяли как «популяризирующую врагов коммунистической партии и народа», а автора книги исключили из партии. Павел Петрович был ошеломлен! Он же писал то, что видел своими глазами на фронте. Из биографии Пушкина писатель помнил, за что царская власть отправляла поэта в ссылку, но здесь же совсем иной случай, считал Бажов, а результат оказался тот же — виновен!

Сказки тоже не мог сочинять, так как в первой четверти XX века «всякая сказка была в загоне: боялись, что с ней идет демонология, близкая к поповщине», утверждал он. Что оставалось делать? А сказы оказались той лазейкой, где Бажов мог прямо высказываться, способом ухода от разочаровывающейся и ненадежной действительности. Как бывший учитель, Павел Петрович понимал, что лучше всего читатель воспринимает примеры из жизни, где есть реальное, конкретное действие, в котором живет рассказчик. Кроме того, необходима фантазия, так как «без мечты, жить могут только животные», — считал Бажов. Для сравнения он как раз и брал фантастику, да побывальщину из рассказов дедушки Слышко, и получалось, что сказ — это самое подходящее повествование. За годы своего творчества Бажов написал 56 сказов, скажете немного, но не забывайте, что только в возрасте 57 лет он опубликовал свои первые сказы.

Павел Петрович в своих сказах, подобно речитативу произведений Александра Сергеевича, показывал, что через слово можно выразить душу народа, его историю. Начинаям сказителям советовал: *«Изучайте историю края, своего города, деревни, ее быт, психологию людей, устное творчество, расспрашивайте стариков. Оглянитесь, присмотритесь, вокруг столько неизвестного и неопищенного»*. Павел Петрович хорошо

запомнил, что стихотворения и повести Пушкина собирают и сохраняют в себе историю, позволяя нам узнать и проникнуть в различные моменты прошлого. Поэтому он тщательно изучал и анализировал исторические документы, печатные материалы, устные рассказы, но «отвергал, все, что было не в пользу России, Урала, не в интересах народа».

25 сказов Бажова были связаны с далеким прошлым, в которых он рассказывал о старых людях, о «главном земельном богатстве», о «захороненных кладах». Способность донести свои мысли до каждого читателя это то, что перенял Бажов у поэта, который не изобретал новых слов, а умел достигнуть истины простой комбинацией давно известных слов. Считается, что самая большая ценность народа — язык, на котором он говорит и думает. Дух народа запечатлен в его языке, с исчезновением языка — исчезает и народ, нация. Поэтому *«пишите грамотно, не оскверняйте душу плохими, искаженными словами»*, — напоминал Александр Сергеевич. Напутствия поэта Бажов никогда не забывал: *«Ищу слова мучительно долго. Над словом работаю... Работа у меня ювелирная»*. Так он определял свой стиль. Речь Бажова в сказах, как и в произведениях у Пушкина, также была приближена к разговорной, «живой» речи народа. Павел Петрович использовал уральский диалект, на котором говорили горнозаводские рабочие Среднего и Южного Урала, включая простые слова из лексики коренного населения этих мест — башкир. В сказах Бажова отражена и сохранена не одна история и природа старого Урала, но и своеобразный язык уральского рабочего люда.

Сказы Бажова не только знакомят с прошлым людей, проживавших на Урале, но по аналогии со сказками Пушкина также учат доброте, честности, дружбе, учат отличать добро от зла, воспитывают любознательность, интерес к родному краю, чувство патриотизма, любовь к Родине. Кроме того, Бажов, как и Пушкин, не проводил грань между детьми и взрослыми, и их сказы и сказки, адресованные взрослому, быстро завоевывали детскую аудиторию. А для детей, что важно? Конечно, красочное оформление книжки. Считается, что ребенок «читает» сказку по картинкам, поэтому от художника-иллюстратора зависит, какое отношение у него сформируется к сказке или к сказу. При жизни Пушкин настойчиво искал сотворчество с художниками, которые могли бы «ис-

кусным и быстрым карандашом» иллюстрировать его сказки. Таким для него был Иван Яковлевич Билибин. А для Бажова лучшим иллюстратором был Александр Антонович Кудрин.

Вот так — гений русской литературы — Александр Сергеевич Пушкин стал образцом и мерилom для творчества уральского писателя Павла Петровича Бажова.

Слух обо мне пройдет по всей России
 « И назовет меня всяк сущий в ней язык. »
А. С. Пушкин

Эпилог

В 70-х годах XIX века существовало массовое движение демократической молодежи в деревню (хождение в народ), с целью просвещения народа и революционной пропаганды. А. С. Пушкин еще в 20-е годы того же столетия, находясь в ссылке в селе Михайловском, предпринял свою первую попытку «хождения» в народ, хотя с несколько другой целью: узнать жизнь простого народа, его быт, обычаи, привычки и язык, понять его мечты.

Переодеваясь в мужицкую одежду, сливаясь с толпами людей на базарах, ярмарках, церковных праздниках и общаясь с ними, он старался как можно глубже «проникнуть» в жизнь народа с его переживаниями, стремлением к справедливости, умением не сдаваться. Пушкин стремился понять взгляды крестьян, угадать образ их мыслей и познакомиться с языком того времени. Своим настойчивым изучением народа Пушкин отмечал, что ему действительно интересно, что именно хотел бы услышать тот самый простой народ. Александр Сергеевич видел свою задачу в том, чтобы с максимальной глубиной и точностью описывать действительность такой какая она есть, без украшений и искажений.

У каждого из нас свой Пушкин. Для Павла Петровича Бажова, к примеру, по моему мнению, Пушкин был учителем и путеводителем по жизни. Для меня же, в детстве, его сказки были просто сказками, в юности стихи веяли романтикой, повести увлекали занимательными сюжетами, а с возрастом я начал осознавать их глубокий смысл и всю красоту.

Познакомившись с биографией и этапами творчества Александра Сергеевича, понимаешь, как ему удалось стать народным поэтом, проникнуть в жизнь народа. Это и есть момент, когда, вместо нотаций

и замечаний родителей, сказка Пушкина способна научить малыша сочувствию, помочь понять, что отличает хорошие поступки от плохих, учит добру и пониманию, что любое зло будет наказано. Для младших школьников очень важна легкость восприятия информации, что как раз и позволяют понять сказки, написанные в стихотворной форме. Рифмованные строки ненавязчиво формируют речь, сознание подрастающего поколения, воспитывают любовь к чтению, учат любить правильный литературный язык. Старших же школьников произведения Пушкина учат ценить и дорожить таким святым чувством, как дружба, составлять собственное представление о чести и достоинстве, патриотизму и любви ко всему, что тебе дорого, особенно когда стихи Пушкина из школьной программы сопровождают своего читателя вплоть до получения свидетельства об образовании.

Проникновение в жизнь народа — это когда прочитанные много лет назад стихи Пушкина восстанавливаются в памяти сами, когда одна строчка как бы тянет за собой другую, и мы начинаем вместе с Пушкиным одинаково чувствовать, любить природу, размышлять о жизни и людях. Когда слово «патриотизм» означает не только любовь к Родине, но и к своему краю, прошлому ее народа.

Проникновение в жизнь народа — это когда имя Пушкина вошло в нашу повседневность, он стал в ответе за все, что происходило в стране. Фраза: «А это Пушкин за тебя делать будет?» знакома многим.

Проникновение в жизнь народа — это когда герои его произведений стали украшать различные виды промышленных товаров: от духов до карандашей и конфетных фантиков. Когда государство печатает произведения Пушкина миллионными тиражами, когда его именем называют улицы и бульвары городов и поселков, устанавливают памятники, ставят спектакли в театрах и пишут музыку на его произведения. Когда произведения Пушкина выпускаются на 76 национальных языках нашей страны (1949 г.), когда к юбилейным мероприятиям газеты выходят с подзаголовками: «Слава и гордость нашего народа! Пушкин наше все!», «Пушкин — это солнце нашей поэзии!», когда потомки заявляют: Ты знай, что в будущем тот славный день придет, когда учителя найдут в тебе народ!

Список используемой литературы

1. Ушаков В. В. «Дорога к сказам. История жизни П. П. Бажова», Екатеринбург, «Уральский рабочий», 2018.
2. Полное собрание сочинений Пушкина: в 10 томах, Л.: Наука, Ленинградское отделение т. 8, 1997–1978 (Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева.)
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений из 11 томов. т. 7. Цикл из 11 статей. Сочинение Александра Пушкина. Москва, Госкомиздат, 1955.
4. Чернышевский Н. Г. Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения в 15 томах, т. 3, М., Госкомиздат, 1947.
5. Соколова Л. П., Кульбацкая Л. И., Безкровная А. А. «Дорогами судьбы В. И. Даля», Луганск, Полиграфический центр «Максим», 2016.
6. Жуковский В. А. «Пушкин и его время», М., «Терра», 1997.
7. Анненков П. В. «Жизнь и труды Пушкина: лучшая биография поэта», Москва, «Эсмо», 2014.
8. Анненков П. В. «Пушкин в Александровскую эпоху», Минск, «Лимариус», 1998.
9. Авенариус В. П. «Отроческие и юношеские годы Пушкина», Москва, «Вече», 2017.
10. Авенариус В. П. «Пушкин в селе Михайловском», М., «Директ-Медиа», 2012.
11. Вересаев В. В. «Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств», М., «Прозаик», 2017.
12. Сборник Бертенев П. И. «О Пушкине: Страницы поэта. Воспоминания современников». М., Дом «Советская Россия», 1992.
13. Бертенев П. И. «О Пушкине», М., «Терра», 2016.
14. Бертенев П. И. «Пушкин в южной России», М., «Лано», 2013.
15. «Пушкин в забытых воспоминаниях современников». Сост. С. В. Березкина, М., «Дмитрий Булыкин», 2022.
16. Цявловский М. А. «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина 1799–1826», 2-е изд. Л., 1991.
17. Вацура Э. В. «Пушкин в воспоминаниях современников», М., «Академический проспект», 3-е изд. Сочинения в 2-х томах, 1998.

18. Томашевский Б. В. «Пушкин» в 2-х томах. М.: Л. 1956–1961 «Академии Наук СССР».
19. Модзилевский Б. Л. «Неизвестные рассказы о детстве Пушкина». М., «Юный планитарий», 1936.
20. Модзилевский Б. Л. «Пушкин под тайным надзором» 3-е изд. Л., 1925.
21. Лотман Ю. М. «Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки» 1960–1990 Санкт-Петербург, «Искусство-СПБ», 1995.
22. Бонди С. М. «Рождение реализма в творчестве Пушкина». М.: «Художественная литература», 1971.
23. Благой А. Д. «Творческий путь Пушкина», М.: «Советский издатель», 1978.
24. Эйдельман Н. Я. «Пушкин и декабристы». Из истории взаимоотношений. М.: «Художественная литература», 1979.
25. Новиков Иван Дилогия: «Пушкин в изгнании» М., «Правда». 1989.
26. Лунин Б. В. Живые страницы: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский М.: «Детская литература», 1970.
27. Вязель М. Я. «Пушкин, Болдино, Карантин, Хроника самоизоляции». М., «Баслен», 2021.
28. Мир Пушкина. Том 4. «Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников» «Пушкинский фонд», 2005.
29. Л. Н. Павлищев «Воспоминания об А. С. Пушкине. Из семейной хроники», М., «Клуб Книговик», 2017.
30. А. С. Пушкин «Письма к жене», Л.: «Наука», 1986.
31. Пуцин И. И. «Записки о Пушкине и письма», Спб. «Пальмира», 2023.
32. Вяземский П. А. «Записные книжки», М.: «Академия наук СССР», 1963.
33. Якушкин И. Д. «Записки», М., «АСТ», 2021.
34. Бунин И. А. «Думая о Пушкине. Биографические мемуары». М., «Художественная литература», 1967.
35. Рашин А. Г. «Население России за 100 лет (1813–1913), Москва, «Государственное статистическое издательство», 1956.
36. Ульянова В. Г. «Образование и просвещение. Печать. Россия XX век». М.: «Новый хронограф», 2002.
37. Замостьянов А. А. «Советский Пушкин», М., Родина», 2023.

Литературно-публицистическое издание

Ушаков Владимир Витальевич

Если бы не Пушкин...

А. С. Пушкин и П. П. Бажов.

События из жизни

Художник Николай Николаевич Крутиков

Дизайн и верстка Лилии Козловой

Подписано в печать 00.00.00. Формат 70*90 1/16.

Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5

Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36